

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

ИЗВЕСТИЯ

**Юго-Западного
государственного
университета**

**Серия
ЛИНГВИСТИКА И ПЕДАГОГИКА**

**Том 9
№ 1 (30)**

Курск 2019

2019. Том 9. №1 (30)
Научный рецензируемый журнал

Основан в 2011 г.

Выходит четыре раза в год

Учредитель: ФГБОУ ВО «Юго-Западный
государственный университет»

Журнал зарегистрирован Федеральной
службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых
коммуникаций (ПИ №ФС77-44618 от 15.04.11)

Журнал «Известия Юго-Западного
государственного университета. Серия
Лингвистика и педагогика» включен
в перечень ведущих научных журналов
ВАК Минобрнауки России по следующим
научным специальностям:

- 10.02.01 – Русский язык
- 10.02.19 – Теория языка
- 10.02.20 – Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание
- 13.00.08 – Теория и методика профессионального образования
- 19.00.01 – Общая психология, психология личности, история психологии
- 19.00.05 – Социальная психология

Редакционная коллегия:

Главный редактор
С.Г. Емельянов, д-р техн. наук, профессор,
ректор ЮЗГУ

Зам. главного редактора
Т.В. Скобликова,
д-р пед. наук, профессор

В.П. Абрамов, д-р филол. наук, профессор;

С.И. Беленцов, д-р пед. наук, профессор;

Р.К. Боженкова, академик РАЕН, д-р филол.
наук, профессор;

ИЗВЕСТИЯ

ЮГО-ЗАПАДНОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия: Лингвистика и педагогика

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	6
<i>Боженкова Н. А., Пантелеева А. П.</i> Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве.....	6
<i>Багана Ж., Куксова Е. Л.</i> Лексические особенности французского языка Канады.....	16
<i>Беневоленская Н. П., Федотова Н. Л.</i> Речевые стратегии и тактики медицинского дискурса в языке современных российских СМИ.....	21
<i>Беспалова Е. А.</i> Прецедентные феномены в газетном тексте (на примере названий литературных произведений).....	28
<i>Бугаева И. В.</i> Травелог в рекламном дискурсе: трансформация жанра.....	37
<i>Волошина Т. Г., Блажевич Ю. С.</i> Особенности изучения лингвофонии в условиях глобализации.....	43
<i>Кузнецова Л. Э.</i> Концептуальные метафоры в понятийной системе человека (на примере исследования концепта «любовь» в русском и английском языках).....	49
<i>Пищальникова В. А., Яо Чжипэн</i> Служить бы рад – прислуживаться тошно, или динамика значения слова 殷勤的 в китайской лингвокультуре.....	56
<i>Чжао Нань</i> Градационные отношения русских паремий на основе антонимов.....	65
<i>Степыкин Н. И.</i> К проблеме перехода речевых действий в операции.....	73
<i>Хлопова А. И.</i> Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности.....	80
<i>Янь Хундо</i> Лингвокогнитивная характеристика метафорического знака «изобретение» в газетном дискурсе.....	86
<i>Довгер О. П., Лопата К. М., Чаплыгина О. В., Кузнецова А. А., Никитина Е. А.</i> Природа терминологических коллокаций (на материале английского медицинского дискурса).....	95

Н.А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор;
М.А. Иванова, д-р психол. наук, профессор;
Л.Н. Молчанова, д-р пед. наук, профессор;
В.Б. Никишина, д-р психол. наук, профессор;
В.А. Пищальникова, д-р филол. наук,
 профессор;
Л.С. Подымова, д-р пед. наук, профессор;
В.М. Шаклеин, академик РАЕН, д-р филол.
 наук, профессор
Н.В. Попова, д-р пед. наук, профессор;
В.И. Томаков, д-р пед. наук, профессор

Адрес редакции: 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.
 Телефоны: (4712) 22-25-26
 Факс: (4712) 50-48-00. E-mail: rio_kursk@mail.ru

Оригинал-макет подготовлен Е.Г. Анохиной

Подписано в печать 18.01.19. Формат 60x84 1/8.
 Бумага офсетная. Усл.печ.л. 19,5.
 Тираж 1000 экз. Заказ 8. Цена свободная.
 Юго-Западный государственный университет
 305040, г. Курск, ул.50 лет Октября, 94.

Плата с аспирантов за публикацию не взимается

Подписной индекс журнала «Известия
 Юго-Западного государственного университета
 Серия Лингвистика и педагогика»
 44292 в объединенном каталоге
 «Пресса России»

<i>Гребенников А. В.</i>	
Функционирование концепта <i>дистанция</i> в индивидуальном языковом сознании.....	103
<i>Васильева И. В.</i>	
Образ войны в романе Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа».....	111
<i>Тарасюк Н. А., Раздорская О. В.</i>	
Специфика функционирования современного языка в условиях глобализации.....	117
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	122
<i>Полякова Г. Б.</i>	
Организация языковой подготовки студентов-иностранцев научно-технических и естественно-научных направлений бакалавриата в условиях перехода на Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (3+)+.....	122
<i>Будникова О. В., Колесникова Е. В.</i>	
Развитие профессиональных качеств конструктора при освоении метода наковки ткани на манекен в рамках самостоятельной работы.....	127
<i>Дюмина С. В.</i>	
Реализация системно-деятельностного подхода к обучению в системе высшего образования как условие развития профессиональной компетентности обучающихся.....	136
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ	143
<i>Никитина Е. А., Кузнецова А. А., Осадчая Е. Ю.</i>	
Проблемы и перспективы развития медиации в Курской области.....	143
<i>Ворошилова О. Л., Чернышова О. В.</i>	
Социально-психологические аспекты обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья.....	152
<i>Воробьева Г. С., Копылова Т. Ю.</i>	
Психологические предпосылки возникновения аддиктивного поведения в подростковом возрасте.....	160
К сведению авторов	168

© Юго-Западный государственный университет, 2019

2019. Vol. 9. №1 (30)

Scientific reviewed journal

Founded in 2011.

Publication frequency: four times a year

Founder: Southwest State University

Registered in the Registrar of the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technologies, and Mass Media (Roskomnadzor) (Certificate of mass media registration №FS77-44618 of April 15, 2011).

Included in the official list of top scientific journals of the Higher Attestation Commission of the RF Ministry of Science and Education

Editors

S. G. Yemelianov (Editor-in-Chief), Doctor of Engineering, Professor, Rector of the Southwest State University ;

T. V. Skoblikova (Deputy Editor-in-Chief), Doctor of Pedagogic, Professor;

V. P. Abramov, Doctor of Philology, Professor;

S. I. Belentsov, Doctor of Pedagogic, Professor;

PROCEEDINGS

of the SOUTHWEST
STATE
UNIVERSITY

Series: *Linguistics and Pedagogics*

CONTENS

LINGUISTICS	6
<i>Bozhenkova N. A., Panteleeva A. P.</i>	
Sociolinguistic Review of the Status of the Russian Language in the Post-Soviet Space.....	6
<i>Baghana J., Kuksova E. L.</i>	
Lexical Features of the French Language in Canada.....	16
<i>Benevolenskaya N. P., Fedotova N. L.</i>	
Speech Strategies and Tactics of Medical Discourse in the Language of Modern Russian Media.....	21
<i>Bespalova E. A.</i>	
Precedent Phenomena in the Newspaper Text (by the Example of Literary Works Titles).....	28
<i>Bugaeva I. V.</i>	
Travelogue in Advertising Discourse: Transformation of Genre....	37
<i>Voloshina T. G., Blazhevich Y. S.</i>	
Linguaphone Peculiarities in the Context of Globalization.....	43
<i>Kuznetsova L. E.</i>	
Conceptual Metaphors in the Human Conceptual System (Research of the Concept "love" in Russian and English languages).....	49
<i>Pishchalnikova V. A., Zh. Yao</i>	
<I will> Serve, Willingly – be Osequious, Never, or Dynamics of the Meaning of the Word 殷勤的 Pleasing in Chinese Language Culture.....	56
<i>Zhao Nan</i>	
Gradational Relations of Russian Paramies Based on Anthonyemes.....	65
<i>Stepykin N. I.</i>	
To the Issue of Transforming Speech Actions in Operations.....	73
<i>Khlopova A. I.</i>	
Associative Experiment as a Method of Establishing the Changes in the Connotation of the Core Value.....	80
<i>Yan Hongduo</i>	
Linguo-Cognitive Characteristics of the Metaphoric Sign "Invention" in the Newspaper Discourse.....	86
<i>Dovger O. P., Lopata K. M., Chaplygina O. V., Kuznetsova A. A., Nikitina E. A.</i>	
Terminological Collocations in Medical Discourse (on the Material of English Language).....	95

R. K. Bozhenkova, Doctor of Philology,
Professor;

N.A. Bozhenkova, Doctor of Philology,
Professor;

M. A. Ivanova, Doctor of Psychologic,
Professor;

L. N. Molchanova, Doctor of Pedagogic,
Professor;

V. B. Nikishina, Doctor of Psychologic,
Professor;

V. A. Pischalnikova, Doctor of Philology,
Professor;

L. S. Podymova, Doctor of Pedagogic,
Professor;

N. V. Popova, Doctor of Pedagogic,
Professor;

V. I. Tomakov, Doctor of Pedagogic, Professor

Grebennikov A. V.

Functioning of the Concept *distance* in Individual Linguistic
perception.....103

Vasilyeva I. V.

The Image of War in G. Gazdanov's Novel "The Ghost
of Alexander Volf.....111

Tarasyuk N. A., Razdorskaya O. V.

The Specificity of a Modern Language's Functioning
in the Context of Globalization.....117

PEDAGOGICS.....122

Polyakova G. P.

Organization of Language Training for Students-Foreigners
of Technical Directions of Bachelor in Conditions
of Transition to Federal State Educational Standard
of Higher Education (3++).....122

Budnikova O. V., Kolesnikova E. V.

Development of Professional Skills of the Designer when Mastering
the Method of Tattooed Fabric on a Mannequin within
the Independent Work.....127

Dyumina S. V.

Implementation of System-Activity Approach to Teaching
in Higher Education as a Condition of Development
of Professional Kompetensy Students.....136

PSYCHOLOGY.....143

Nikitina E. A., Kuznetsova A. A., Osadchaya E. Yu.

Problems and Prospects of Mediation Development
in Kursk Region.....143

Voroshilova O. L., Chernyshova O. V.

Socio-Psychological Aspects of Teaching Students
with Restricted Health Opportunities.....152

Vorobieva G. S., Kopylova T. Y.

Psychological Predictors of Addictive Behavior
in Teenage Age.....160

Information for Authors.....168

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия) (e-mail: natalyach@mail.ru)

А. П. Пантелеева, аспирант, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Москва, Россия) (e-mail: panteleeva-alex@mail.ru)

СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ОБЗОР СТАТУСА РУССКОГО ЯЗЫКА НА ПОСТСОВЕТСКОМ КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств (официальные данные (без учета частично признанных государств)) стала формироваться новая специфичная коммуникативная среда, где на смену государственному русскому языку пришли языки национальные. Интенсивность включения в социальные интеракции этнических языков титульной нации (нередко императивного характера) детерминировала их доминантность во всех сферах коммуникации и существенно изменила параметры дискурсивных практик в рамках основных социальных институтов.

В этой связи представляется актуальным проведение комплексного квалификационного исследования этноязыковых процессов, обусловивших изменение статуса русского языка в новых постсоветских государствах и предопределивших кардинальную трансформацию языковой ситуации. Первым этапом такого исследования стало представленное описание современного положения русского языка, материалом которого послужили основополагающие законодательные акты – Конституции государств и законы о языках (в случае их наличия).

Методологическая концепция исследования в целом направлена на многоаспектное изучение социальной проблематики дискурсивных практик с выявлением напряженных точек институционального общения и опирается на характеристику русского языка как важнейшего фактора формирования национально-ценностных категорий универсума на протяжении многих лет.

Корректное представление о своеобразии современной лингвистической ситуации в каждой из суверенных стран и о динамике ее видоизменения под влиянием новой языковой политики позволит в дальнейшем охарактеризовать социолингвистическое «полотно» коммуникативного постсоветского пространства и тем самым создать объективную модель современного речесоциетального взаимодействия.

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

Ссылка для цитирования: Боженкова Н. А., Пантелеева А. П. Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С.6–15.

Языковая политика СССР как важнейший компонент национальной политики была, как известно, сфокусирована на поддержке базисного компонента советского образа жизни – русского языка, при этом документально его особый статус не обозначался. Не содержала национально-языковая политика советского периода (включавшая несколько компонентов) и юридической регламентации взаимоотношений языков различных этносов, поэтому основными механизмами

ее реализации выступали другие составляющие – идеологическое обоснование и административные меры [1, с. 195].

В последнее десятилетие XX века языковая политика приобрела не только лингвистическое звучание и значение: новые законы о языках, принятые в 1989-1990 гг., определили вектор развития политики в целом, направленной на отказ от сложившихся традиций идеологического регулирования характера функционирования языков в союзных (тогда еще)

республиках. Правовая защита национальных языков, находившихся в неравных позициях в условиях многонационального советского государства, была с пониманием и одобрением воспринята полиэтничным составом населения всех союзных республик: такое отношение языкового сообщества к юридической поддержке национальных языков естественным образом вписывалось в контекст осознания процессов демократических преобразований. Национальные языки, получившие статус государственных,

были призваны консолидировать полиэтничное лингвистическое сообщество союзных республик.

Новые Законы о языках содержательно оказались очень похожими, хотя и были приняты, подчеркнем это, в разных республиках, в различных этнодемо-графических и социокультурных условиях, в разных лингвистических ситуациях.

Обратимся к хронологии принятия законов о языках (табл. 1).

Таблица 1

Хронология принятия законов о языках

№ п/п	Союзные республики	Наименование законов	Дата принятия
1.	Армения	Статья в Конституции Ар.ССР	14 апреля 1978 г.
2.	Грузия	Статья в Конституции Гр.ССР	15 апреля 1978 г.
3.	Азербайджан	Статья в Конституции Аз.ССР	21 апреля 1978 г.
4.	Литва	Постановление Президиума Верховного Совета Литовской ССР «О статусе литовского языка»	25 января 1989 г.
5.	Эстония	Закон Эстонской ССР «О языке»	18 января 1989 г.
6.	Латвия	Закон Латвийской ССР «О языках»	5 мая 1989 г.
7.	Таджикистан	Закон Таджикской ССР «О языке»	22 июля 1989 г.
8.	Молдова	1. Закон Молдавской ССР «О статусе государственного языка Молдавской ССР»	31 августа 1989 г.
		2. Закон Молдавской ССР «О функционировании языков на территории Молдавской ССР»	1 сентября 1989 г.
9.	Казахстан	Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР»	22 сентября 1989 г.
10.	Киргизия	Закон Киргизской ССР «О государственном языке Киргизской ССР»	23 сентября 1989 г.
11.	Узбекистан	Закон Узбекской ССР «О государственном языке Узбекской ССР»	21 октября 1989 г.
12.	Украина	Закон Украинской ССР «О языках в Украинской ССР»	28 октября 1989 г.
13.	Белоруссия	Закон Белорусской ССР «О языках в Белорусской ССР»	26 января 1990 г.
14.	Туркмения	Закон Туркменской ССР «О языке»	24 мая 1990 г.
15.	Россия	Закон РСФСР «О языках народов РСФСР»	25 октября 1991 г.

Стоит отметить, что не все из авторов языковой реформы решались на официальное употребление термина «государственный язык» даже в названиях законов: так, в названиях законов Литвы, Эстонии, Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, Туркмении декларируется только один язык, который имплицитно определяется как государственный. В именовании же законов Латвии, Казахстана, Украины, Белоруссии, России речь идет о

нескольких языках, что, по предположению, отражает в этих регионах более сложную языковую ситуацию (ср.: Закон Таджикской ССР «О языке» и Закон Казахской ССР «О языках в Казахской ССР»).

Понятие государственного языка латентно присутствует во всех законодательных актах, но его дефинирования и /или интерпретации мы не находим в большинстве из них (например, в текстах

законов Литвы, Латвии, Эстонии, Украины, Белоруссии, Таджикистана, Казахстана). Отдельные варианты описания номинации «государственный язык» встречаются лишь в правовых документах Узбекистана, Киргизии, Молдавии. В этой связи обратимся к текстам Конституций и законов о языке постсоветских государств, регламентирующих вопросы употребления государственного языка, русского языка и его статуса [25, 26]¹.

В Азербайджанской Республике государственным языком по Конституции является азербайджанский, русский язык не упоминается. В законе о языке о нем также не содержится никакой информации.

По Конституции Республики Грузии государственным языком является грузинский, русский же не имеет определенного в законе статуса. Аналогичная ситуация и в Республике Армении, где государственным признается армянский, а статус русского языка не обозначен в законодательных актах.

Абсолютно противоположная ситуация в Белоруссии, где русский наряду с белорусским относится к государственным языкам.

Конституция Республики Казахстан содержит следующую информацию: в республике государственным является казахский язык, при этом в государственных организациях и органах местного самоуправления наравне с казахским официально употребляется русский язык. Законом о языках использование русского регламентируется более подробно: «Языком работы и делопроизводства государственных органов, организаций и органов местного самоуправления Республики Казахстан является государствен-

ный язык, наравне с казахским официально употребляется русский язык. В работе негосударственных организаций используется государственный и, при необходимости, другие языки. Судопроизводство в Республике Казахстан ведется на государственном языке, а, при необходимости, в судопроизводстве наравне с государственным употребляется русский язык или другие языки. В организациях образования государственный язык и русский язык являются обязательными учебными предметами и входят в перечень дисциплин, включаемых в документ об образовании. Товарные ярлыки (этикетки) - со специальными сведениями, маркировки, инструкции к товарам зарубежного производства обеспечиваются переводом на государственный и русский языки за счет средств импортирующих организаций» [25].

В Киргизской Республике, в соответствии с законом о государственном языке, в качестве официального языка употребляется русский язык; киргизский язык как государственный язык считается и языком межнационального общения. Граждане Киргизской Республики обращаются в органы государственной власти, местного самоуправления, другие организации и учреждения на государственном или официальном языке. Работа органов государственной власти и местного самоуправления, других организаций и учреждений Киргизской Республики осуществляется на государственном языке, а в необходимых случаях – и на официальном языке. Официальные документы органов государственной власти и местного самоуправления в Киргизской Республике принимаются на государственном языке и в случаях, предусмотренных законодательством, переводятся на официальный язык и публикуются на двух языках, при этом оригиналом считается документ на государственном язы-

¹ Все последующие ссылки на тексты Конституций, законов и подзаконных актов имеют одинаковые источники: электронные ресурсы [25, 26].

ке. Нормативные правовые акты, учетно-отчетная и финансовая документация на предприятиях, в организациях, учреждениях и разработка научно-технических и проектных документов предприятиями, организациями, учреждениями Киргизской Республики осуществляется / ведется на государственном или официальном языке.

Государственным языком в Латвийской Республике является латышский язык. Другой статьей гарантируются права национальных меньшинств на развитие собственной культуры и языка: «Лица, принадлежащие к национальным меньшинствам, имеют право сохранять и развивать свой язык, этническую и культурную самобытность» (Статья 114 Конституции Латвийской Республики) [26]. Дополнительно имеется Закон «О государственном языке», регламентирующий порядок использования латышского языка и уровни владения им.

Литовская Республика, согласно Конституции, в качестве государственного определяет литовский язык; в дополнение в стране действует Закон «О государственном языке». Отдельной статьей Конституции обозначаются национальные меньшинства и их право на развитие своего языка и культуры: «Граждане, принадлежащие к национальным общинам, имеют право на развитие своего языка, культуры и обычаев» (Статья 37 Конституции Литовской Республики) [26].

По Конституции Эстонской Республики государственным языком является эстонский язык. Русский язык на территории республики был лишен государственного статуса, в настоящее время в документах страны нет упоминаний о статусе русского языка. Отметим, что такая ситуация типична для Прибалтийского региона: несомненно, откровенное неприятие русского языка законодательными органами названных стран не

могло быть случайным; это продиктовано позицией идеологов нового курса развития республик, связанной с обретением такой степени самостоятельности, при которой не будет потребности в русском коммуникативном пространстве и русском языке как языке межнационального и – шире – международного общения. Красноречивое «умолчание» свидетельствует не только о сопротивлении растущим элементам «русскости», но и подчеркивает отрицательное отношение к национально-русскому двуязычию.

В Молдавии русский язык используется на территории республики наряду с молдавским языком как язык межнационального общения. В АТО Гагаузия русский язык имеет статус официального наряду с гагаузским и молдавским. В частично признанной Приднестровской Молдавской Республике русский язык является одним из трех государственных [10, с. 75].

Согласно Конституции Республики Таджикистан, функции государственного языка выполняет таджикский, а статус русского языка – язык межнационального общения. Дополнительно декларируется, что «все нации и народности, проживающие на территории республики, вправе свободно пользоваться своим родным языком» [26].

Закон Туркменской ССР «О языке» (1990 г.) дублировал положения Закона СССР «О языках народов СССР», в соответствии с которым русский язык признавался официальным языком СССР и использовался как средство межнационального общения: такая формулировка обеспечивала правовые гарантии свободного развития и использования туркменского как государственного языка Туркменской ССР, русского языка как средства межнационального общения, а также языков других народов, проживающих на территории республики. Современная

Конституция Туркменистана провозглашает, что «государственным языком Туркменистана является туркменский язык, а всем гражданам Туркменистана гарантируется право пользования родным языком» [26]. Иначе статус русского языка законами страны (в последней редакции 2016 г.) не определен.

Государственным языком Республики Узбекистан является узбекский язык. В Конституции Республики Узбекистан статус русского языка не определен. В редакции закона «О государственном языке» до 1995 года русский язык имел статус языка межнационального общения. Из новой редакции Закона «О государственном языке», принятой 21 декабря 1995 года, это положение было исключено. В современной версии документов русский язык и его статус не упоминаются.

В Конституции Украины сказано, что государственный язык – украинский, государство обеспечивает всестороннее развитие и функционирование украинского языка во всех сферах общественной жизни на всей территории Украины. Кроме того, в Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины. 10 августа 2012 года вступил в силу Закон «Об основах государственной языковой политики», в соответствии с которым русский язык получает статус регионального там, где он является родным как минимум для 10% населения. В контексте Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств, к региональным языкам или языкам меньшинств Украины (к которым применяются меры, направленные на использование региональных языков или языков меньшинств) в соответствии с названным Законом отнесены следующие: русский, белорусский, болгарский, армянский, гагаузский, идиш, крымскотатарский, молдавский, немецкий, новогреческий, польский,

ромский, румынский, словацкий, венгерский, русинский, караимский, крымчацкий [26]. К сожалению, нестабильность современной геополитической ситуации детерминирует возможность изменения статуса русского языка на Украине (вплоть до его запрещения): законопроекты такого рода неоднократно вносились в повестку законодательных органов страны.

В Республике Абхазии государственный язык – абхазский. Русский язык наряду с абхазским признается языком государственных и других учреждений. Государство гарантирует всем этническим группам, проживающим в Абхазии, их право на свободное использование родного языка (статья 6 Конституции). Помимо этого, имеется Закон «О государственном языке Республики Абхазия», где говорится, что средством официального общения в высших органах государственной власти являются государственный язык Республики Абхазии и русский язык в соответствии с его статусом, определенным в Конституции Республики Абхазии; государственные документы публикуются на двух языках.

В Южной Осетии русский язык является государственным языком наравне с осетинским. На русском языке ведут обучение все образовательные учреждения республики, вещают центральное телевидение и радио, выходят газеты «Южная Осетия» и «Республика». 13 ноября 2011 года прошёл референдум по вопросу присвоения русскому языку статуса государственного: «за» проголосовали 83,99 % избирателей. 5 апреля 2012 года Парламент Южной Осетии в ходе пленарного заседания принял Конституционный закон «О государственных языках Республики Южная Осетия», закон был одобрен в окончательном чтении и русский язык стал одним из двух государственных языков.

Проведенный анализ можно представить в виде следующей таблицы (табл. 2).

Таблица 2

Статус русского языка в постсоветских странах

Страна	Государственный язык	Статус русского языка	Общее количество населения
Республика Абхазия	абхазский, русский	государственный	243 564 чел. (2016)
Азербайджанская Республика	азербайджанский	иностранный	9,862 миллиона (2017 г.)
Республика Армения	армянский	иностранный	2,93 миллиона (2017 г.)
Республика Беларусь	белорусский, русский	государственный	9,508 миллиона (2017 г.)
Грузия	грузинский	иностранный	3,717 миллиона (2017 г.)
Республика Казахстан	казахский	официальный язык	18,04 миллиона (2017 г.)
Киргизская Республика	киргизский	официальный язык	6,202 миллиона (2017 г.)
Латвийская Республика	латвийский	иностранный	1,95 миллиона (2017 г.)
Литовская Республика	литовский	иностранный	2,8 миллиона (2017 г.)
Республика Молдова	молдавский	язык межнационального общения	3,55 миллиона (2017 г.)
Республика Таджикистан	таджикский	язык межнационального общения	8,921 миллиона (2017 г.)
Туркменистан	туркменский	иностранный	5,758 миллиона (2017 г.)
Узбекистан	узбекский	иностранный	32,39 миллиона (2017 г.)
Украина	украинский	язык национального меньшинства, региональный	44,83 миллиона (2017 г.)
Эстонская Республика	эстонский	иностранный	1,316 миллиона (2017 г.)
Республика Южная Осетия	осетинский, русский	государственный	53 532 (2015 г.)

Обратим внимание, что во многих текстах лингвистических законов фиксируется понятие «язык межнационального общения», хотя социорусистика советского периода накопила огромный опыт

описания специфики русского языка, долгие десятилетия и даже столетия выполняющего функцию языка межнационального взаимодействия, что, в свою очередь, дает нам возможность не коммен-

тировать наличие своеобразных свойств, необходимых языку для выполнения данной интернациональной функции. Языковая практика давно подтвердила, что моноэтническое общение в полиэтническом сообществе перестает быть самодостаточным, поэтому возникает естественная потребность расширения границ общения, поиска и закрепления единого средства межэтнической коммуникации, роль которого естественно и органично в процессе добровольного предпочтения берет на себя одна из сосуществующих лингвосоциальных систем определенного этноса. «Только совокупность всех факторов – лингвистических, этноязыковых и социальных, – отмечает В. Н. Белоусов, – приводит к становлению языка межнационального общения» [8, с. 69]. Язык межнационального общения выбирается, а не декретируется законодательным путем.

Таким образом, социолингвистическое описание ряда стран нового российского зарубежья отражает определенную степень идеологического прессинга, суть которого заключается в создании максимально благоприятных условий для наращивания функционального спектра государственных языков, с одной стороны, и практического их отсутствия для адекватного использования русского языка – с другой. Определенный уровень политизации языка (что отчетливо проявляется в странах нового зарубежья), на наш взгляд, является следствием того, что не лингвисты, а идеологи и политики взяли на себя не свойственные им функции регулирования характера соотношения языков в полилингвальном социуме, не учитывая не только реальные потребности всех групп населения, но и функциональные возможности самих языков. Такой акцентированный поворот в формировании лингвоюридической и, как следствие, лингводидактической мысли в

постсоветских государствах, бесспорно, вызывает значительное опасение, так как вынужденное изменение исторически сложившейся модели толерантного межэтнического взаимодействия и форсированное (в определенной мере) «возведение» в статус государственного иных языков сопряжены, по сути, с попыткой экстраполяции идеологических констант только одной (титупольной) нации, подерживаемой лингвистическим законодательством, тем самым – с пересмотром значимых аксиологических компонентов современного коммуникативного пространства.

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № № 18-12-00574 «Лингвокультурные доминанты легитимных/нелегитимных политических дискурсивных практик в пространстве русскоязычной коммуникации: типологическое исследование».

Список литературы

1. Алпатов В. М. 150 языков и политика. 1917–2000: Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: ИВ, 2000. 190 с.
2. Алпатов В.М. Языковая ситуация на территории бывшего СССР после 1991 г. М.: ИЯ РАН, 1996.
3. Арутюнов С. А. Народы и культуры: Развитие и взаимодействие / отв. ред. Ю. В. Бромлей. М.: Наука, 1989. 243 с.
4. Арутюнян В. Н. Языковая ситуация и ситуативный язык // Рус. яз.: истории, судьбы и современность: Междунар. конгресс: труды и материалы / под общ. ред. М. Л. Ремневой, А. А. Поликарпова. М.: Изд-во МГУ, 2001. С. 295–296.
5. Беликов В. И. Динамика смены этничности и языка по материалам переписей // Проблемы лингвистической контактологии: Материалы конф. М., 1999. С. 18–26.

6. Белл Р. Социолингвистика: Цели, методы и проблемы. М.: Междунар. отношения, 1980. 320 с.
7. Белобородов А. А. Языковое сознание: сущность и статус // Современная наука и закономерности ее развития. Томск, 1987. Вып. 4. С. 131–147.
8. Белоусов В. Н. Об основных этапах функционирования русского языка в межнациональном общении // Материалы междунар. конф. / отв. ред. В.М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 68–74.
9. Белоусов В. Н. О перспективах функционирования русского языка в культурном пространстве стран СНГ и Балтии // Мир русского слова. 2000. № 4. С. 109–113.
10. Губогло Е. М. Формирование постконфликтного синдрома в сфере этногосударственных отношений (опыт Молдовы и Приднестровья): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2000. 26 с.
11. Губогло М. Н. К изучению идентичностей. Вопросы теории // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. М.: ЦИМО ИЭА, 2000. С. 265–303.
12. Жданова Л. А. Народ и нация: соотношение понятий и концептов // Вопросы русского языкознания. 2000. Вып. 8. С. 162–172.
13. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010. 486 с.
14. Земская Е. А. Умирает ли язык русского зарубежья? // Вопросы языкознания. 2001. № 1. С. 14–30.
15. Йордан М. Б. Гармонизация межнациональных отношений в стратегической перспективе // Противоречия в национальных отношениях и поиски межнационального консенсуса. М., 1990. С. 3–5.
16. Корнилов О. А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: Изд-во МГУ, 1999. 341 с.
17. Костомаров В. Г. Социолингвистические проблемы функционирования русского языка: итоги, состояние, перспективы // Русский язык за рубежом. 1990. № 6. С. 18–22.
18. Плугин В. А. К вопросу о социолингвистических универсалиях: языковые установки национальных меньшинств // Вопросы социолингвистики. М.: Наука, 1990. С. 24–27.
19. Солдатова Г. У. Межэтническое общение: когнитивная структура этнического самосознания // Познание и общение: сб. ст. М.: Наука, 1988. С. 111–125.
20. Солнцев В. М., Михальченко В. Ю. Языковые проблемы в РФ и мировой опыт решения языковых проблем // Материалы Междунар. конф. / отв. ред. В. М. Солнцев, В. Ю. Михальченко. М.: ИЯ РАН, 1996. С. 1–4.
21. Тарасов Е. Ф. Межкультурное общение – новая онтология анализа языкового сознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 7–22.
22. Тхагапсоев Х. Г. О методологии двуязычия в условиях этнорегиона // Мир психологии. 2004. №3. С. 52–61.
23. Шонин Н. Е. Лингвистические аспекты геополитики // Вести. ВЭГУ. 2000. № 11. С. 89–90.
24. Языковая личность: проблемы обозначения и понимания // Тез. докл. науч. конф. / науч. ред. В. И. Карасик. Волгоград: Перемена, 1997. 143 с.
25. Межпарламентская ассамблея: центр публичного права, свод законов стран постсоветского пространства. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/nov/ie/kon/sti/tuc/novie_konstitucii/index.htm.
26. Библиотека нормативно-правовых актов СССР. URL: <http://www.libussr.ru/>.
27. Информационно-поисковая система «Консультант-плюс»: раздел международное право. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Поступила в редакцию 16.11.18

UDC 81-114.2

N. A. Bozhenkova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Pushkin State Russian Language University (Moscow, Russia) (e-mail: natalyach@mail.ru)

A. P. Panteleeva, Post-Graduate, Pushkin State Russian Language State University (Moscow, Russia) (e-mail: panteleeva-alex@mail.ru)

SOCIOLINGUISTIC REVIEW OF THE STATUS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE POST-SOVIET SPACE

Disintegration processes in the last decade of the 20th century have led to the transformation of the informational field in the Russian language. Each of the fourteen new post-Soviet states has formed a specific communicative environment, where national languages have displaced the official Russian language and became increasingly dominant in all areas of communication.

The intensity which characterized the imposition of constitutive nations' ethnic languages (of a commonly imperative power) into social interaction has determined their domination in all spheres of communication and significantly changed the features of discursive practices in the framework of fundamental social institutions. In this regard a comprehensive qualifying study of ethno-linguistic processes, which had triggered a transition of the status of the Russian language in the new post-Soviet states and thus predetermined a cardinal transformation of language situation, became particularly relevant. The first stage of this study included a description of the position of the modern Russian language based on fundamental legislative acts – Constitutions of the states and laws on language (if any). Methodological concept in general is aimed at multidimensional research of social issues in discursive practices and identification of tension areas in institutional communication and relies on characterization of the Russian language as the most important factor for the formation of society's national values in the long run. Correct understanding of the uniqueness of current linguistic situation in each of the sovereign countries and the dynamics of its modification under the influence of the new language policy will further enable the characterization the sociolinguistic image of the communicative post-Soviet space and thereby creation of an objective model of modern speech interaction.

Key words: sociolinguistics; communicative linguistics; post-Soviet space; status of the Russian language; language situation.

For citation: Bozhenkova N. A., Panteleeva A. P. Sociolinguistic review of the status of the Russian language in the post-soviet space. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 6–15 (in Russ.).

Reference

1. Alpatov V. M. 150 yazykov i politika. 1917–2000: Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetskogo prostranstva. Moscow, 2000. 190 p.

2. Alpatov V. M. Yazykovaya situaciya na territorii byvshego SSSR posle. 1991. Moscow, 1996.

3. Arutyunov S. A. Narody i kul'tury: Razvitie i vzaimodejstvie; ed. by Bromlej Yu. V. Moscow, Nauka Publ., 1989. 243 p.

4. Arutyunyan V. N. Yazykovaya situaciya i situativnyj yazyk. Rus. yaz.: istorii, sud'by i sovremennost'. Mezhdunar. kongress. Trudy i materialy; ed. by Remnevoj M. L., Polikarpov A. A. Moscow, MGU Publ., 2001, pp. 295–296.

5. Belikov V. I. Dinamika smeny ehtnichnosti i yazyka po materialam perepisej. Problemy lingvisticheskoj kontaktologii. Materialy konf. Moscow, 1999, pp. 18–26.

6. Bell R. Sociolingvistika: Celi, metody i problemy. Moscow, Mezhdunar. Otnosheniya Publ., 1980. 320 p.

7. Beloborodov A. A. Yazykovoe soznanie: sushchnost' i status. Sovremennaya nauka i zakonmernosti ee razvitiya. Tomsk, 1987, is. 4, pp. 131–147.

8. Belousov V. N. Ob osnovnyh ehtapah funkcionirovaniya russkogo yazyka v mezhnacional'nom obshchenii. Materialy mezhdunar. konf.; ed. by Solncev V. M., Mihal'chenko V. Yu. Moscow, IYA RAN Publ., 1996, pp. 68–74.

9. Belousov V. N. O perspektivah funkcionirovaniya russkogo yazyka v kul'turnom prostranstve stran SNG i Baltii. *Mir russkogo slova*, 2000, no. 4, pp. 109–113.
10. Guboglo E. M. Formirovanie post-konfliktnogo sindroma v sfere ehtnogosudarstvennyh otnoshenij (opyt Moldovy i Pridnestrov'ya). Avtoref. dis. kand. ist. nauk. Moscow, 2000. 26 p.
11. Guboglo M. N. K izucheniyu identichnostej. Voprosy teorii. Ehtnicheskaya mobilizaciya i mezhehtnicheskaya integraciya. Moscow, CIMO IEHA Publ., 2000, pp. 265–303.
12. Zhdanova L. A. Narod i naciya: sootnoshenie ponyatij i konceptov. *Voprosy russkogo yazykoznanija*, 2000, is. 8, pp. 162–172.
13. Zhrebilo T. V. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Nazran', Piligrim Publ., 2010. 486 p.
14. Zemskaya E. A. Umiraet li yazyk russkogo zarubezh'ya? *Voprosy yazykoznanija*, 2001, no. 1, pp. 14–30.
15. Jordan M. B. Garmonizaciya mezhnacional'nyh otnoshenij v strategicheskoy perspective. Protivorechiya v nacional'nyh otnosheniyah i poiski mezhnacional'nogo konsensusa. Moscow, 1990, pp. 3–5.
16. Kornilov O. A. Yazykovye kartiny mira kak proizvodnye nacional'nyh mentalitetov. Moscow, MGU Publ., 1999. 341 p.
17. Kostomarov V. G. Sociolingvisticheskie problemy funkcionirovaniya russkogo yazyka: itogi, sostoyanie, perspektivy. *Russkiy yazyk za rubezhom*, 1990, no. 6, pp. 18–22.
18. Plugin V. A. K voprosu o sociolingvisticheskikh universaliyah: yazykovye ustanovki nacional'nyh men'shinstv. Vopr. sociolingvistiki. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 24–27.
19. Soldatova G. U. Mezhehtnicheskoe obshchenie: kognitivnaya struktura ehtnicheskogo samosoznaniya. Poznanie i obshchenie. Sb. st. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 111–125.
20. Solncev V. M., Mihal'chenko V. Yu. Yazykovye problemy v RF i mirovoj opyt resheniya yazykovykh problem. Materialy Mezhdunar. konf.; ed. by Solncev V. M., Mihal'chenko V. Yu. Moscow, IYA RAN Publ., 1996, pp. 1–4.
21. Tarasov E. F. Mezhkul'turnoe obshchenie – novaya ontologiya analiza yazykovogo soznaniya. Ehtnokul'turnaya specifi-ka yazykovogo soznaniya. Moscow, IRYA RAN Publ., 1996, pp. 7–22.
22. Thagapsoev H. G. O metodologii dvuyazychiya v usloviyah ehtnoregiona. *Mir psihologii*, 2004, no. 3, pp. 52–61.
23. Shonin N. E. Lingvisticheskie aspekty geopolitiki. *Vesti. VEHGU*, 2000, no. 11, pp. 89–90.
24. Yazykovaya lichnost': problemy oboznacheniya i ponimaniya. Tez. dokl. nauch. konf.; ed. by V. I. Karasik. Volgograd: Peremena Publ., 1997. 143 p.
25. Mezhpapamentskaya assambleya: centr publicnogo prava, svod zakonov stran postsovetskogo prostranstva. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/nov/ie/kon/sti/tuc/novie_konstitucii/index.htm.
26. Biblioteka normativno-pravovykh aktov SSSR. URL: <http://www.libussr.ru/>.
27. Informacionno-poiskovaya sistema «Konsul'tantplyus»: razdel mezhdunarodnoe pravo. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Ж. Багана, д-р. филол. наук, профессор, НИУ БелГУ (Белгород, Россия)
(e-mail: baghana@yandex.ru)

Е. Л. Куксова, канд. филол. наук, НИУ БелГУ (Белгород, Россия) (e-mail: kuksova@bsu.edu.ru)

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА КАНАДЫ

В последнее время большое внимание ученых привлекают вопросы языковых контактов, билингвизма и языковой вариативности. Несмотря на большое количество публикаций, посвященных данной проблематике, многие вопросы остаются дискуссионными.

Данная статья рассматривает вопросы формирования и механизмы обогащения лексической базы словаря франкофонной Канады. В работе уделяется особое внимание источникам обогащения словаря лексическими единицами, а также способам их дальнейшей трансформации и функционирования во франкоканадском языке.

В рамках данного исследования подчеркивается важность использования термина «канадизм» по отношению к лексическим единицам франкофонной Канады и его уникальность по отношению к общефранцузскому языку и другим его вариантам.

В связи с тем, что Канада является многонациональной билингвальной страной, франкоканадский язык находится в постоянном соприкосновении с другими языками, особенно с британским и американским английским. Данные языки оказывают существенное влияние на словарную базу франкоканадского языка, являясь постоянными конкурентами французского языка в повседневном общении.

В статье также поднимается вопрос о взаимной исторической и топологической связи французского и английского языков, которая затрудняет изучение вопросов заимствования лексических единиц. На основе выявленного взаимодействия и взаимопроникновения французского и английского языков предлагается подвергнуть сомнению факт заимствования отдельных единиц.

В ходе проведенного анализа автор приходит к выводу, что самыми распространенными для франкоканадского языка являются прямые и ассимилированные заимствования. Большим потенциалом в плане вхождения в узус обладают лексические единицы, прошедшие через ассимиляцию, поскольку именно такие заимствования в большей степени подчиняются нормам французского языка и со временем не воспринимаются носителями как заимствование.

Ключевые слова: языковые контакты; билингвизм; языковая вариативность; лексическая единица; заимствование; французский язык; английский язык; канадизм.

Ссылка для цитирования: Багана Ж., Куксова Е. Л. Лексические особенности французского языка Канады // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 16–20.

Лексический состав канадского варианта французского языка включает в себя слова и выражения своей исторической родины (Франции), а также языковые единицы, сформированные на месте под влиянием соседствующих лингвокультур.

Словарную базу канадского языка составляют языковые единицы французского языка метрополии. Лексика, имеющая французское происхождение, многочисленна и может быть разделена на две основные категории:

- лексика общефранцузского языка;
- лексика этимологически восходящая к диалектам и региолектам Франции.

Таким образом, основная база канадского варианта французского языка совпадает с языковыми нормами француз-

ского языка Франции. Французский язык Канады географически изолирован от общефранцузского варианта, поэтому со временем стал иметь серьезные расхождения с французским языком метрополии. Наиболее сильному влиянию и изменениям подвергается словарная база языка.

Как отмечает Н. Б. Мечковская, все языки прибегают к следующим способам пополнения словаря: морфемная деривация; семантическая деривация; образование несвободных сочетаний; заимствования. Языки мира используют все четыре пути, однако существенно в разной мере [6].

Среди первых лексико-семантических неологизмов, появившихся на территории Квебека, выделяются, во-первых,

языковые единицы, сформированные путем деривации и семантических преобразований собственно французской лексики, а во-вторых, – путем заимствования и преобразования элементов других языков, например, английского и аборигенных языков.

Со временем появившаяся на территории Канады лексика образовала группу языковых единиц, называемую **канадианизмы**, или **канадизмы**. Канадианизм, как пишет Н. В. Клоков, представляет собой специфический элемент французского языка на территории Канады [3]. Вслед за ученым, к канадианизмам мы относим все лексические единицы, которые употребляются только на территории Канады и имеют специальную помету в словарях.

Исходя из ранее упомянутых данных об обогащении словаря новыми лексическими средствами, вслед за Н.В. Клоковым канадизмы мы предлагаем разделить на несколько групп по их происхождению:

В первую группу войдут канадизмы, появившиеся из **семантических дивергентов**. Так, например, вместо общефранцузского слова *payсан* (*крестьянин*) канадцы говорят *habitant* в значении ‘земледелец’, либо *fermier*, которое созвучно с английским *farmer* [8].

Вторая группа канадизмов включает в себя **неологизмы**, появившиеся в Канаде для обозначения новых понятий, например, шишка хвойных деревьев – *cône-cocotte-berlicoco* [2].

В третью группу входят **архаизмы**, сохранившиеся в квебекском французском языке и полностью ушедшие из общефранцузского языка. Например, слово *ostination*, означающее оживленную дискуссию, дебаты, спор, в современном французском языке Франции обозначается словом *discussion* [9].

Четвертая группа канадизмов объединяет **заимствования из индейских языков**. Главным образом, заимствования из индейских языков представлены топонимами, а также словами, связанны-

ми с природой, местными реалиями и индейскими обычаями, которые получили французское написание: *caribou* – ‘карибу, северный олень, самогон’; *sagamo* – ‘вождь индейского племени’; *moccassins* – ‘мягкая индейская обувь’; *matachias* – ‘кружева, украшения’; *maringouin* – ‘комар, москит’; *mascou* – ‘рябина’; *patates* – ‘картофель’; *tabac* – ‘табак’; *maïs* – ‘кукуруза’; *petmican* – ‘вид сушеного мяса’; *ouaouaron* – ‘гигантская лягушка’ [7].

В пятую группу канадизмов входят заимствования из английского языка. **Англицизмы** и **англо-американизмы** чаще всего встречаются в области техники, коммерции, права, новых видов спорта, целого ряда явлений современного быта. Особенно большое влияние английский язык оказывает на повседневную устную речь франко-канадцев. Это объясняется не только близким соседством английского языка на территории Канады, но и увеличением роли англо-американизмов в политической и экономической терминологии, в подъязыке электроники и вычислительной техники, в сфере спорта, в современных культуросносных текстах СМИ.

Важно отметить, что совпадающие по форме с французскими словами англицизмы при заимствовании меняют изначальную семантику и, как отмечает М. А. Марусенко, являются «ложными друзьями переводчика» [5]. Например, «agenda» (от англ. agenda) во французском языке Квебека означает ‘повестка дня’, в то время как во французском языке Франции данное слово обозначает ‘записная книжка’; «batterie» (от англ. battery) во франкоканадском варианте означает ‘электробатарейка’, а в общефранцузском – ‘битва’; «versatile» (от англ. versatile) имеет значение ‘разносторонний; талантливый’ в Канаде, а во Франции – ‘переменчивый, непостоянный’ [4].

Также особого внимания заслуживают механизмы заимствования английских слов в канадский вариант французского языка.

Прямые заимствования из английского языка приходят с появлением новых реалий в жизни франкофонов Канады. Исследователи отмечают, что наряду с заимствованием слов носители квебекской лингвокультуры перенимают новые для них понятия и концепты. Укажем прямые заимствования из английского языка, вошедшие в квебекский вариант французского языка: *bed and breakfast, feeling, heavy, hint, hood, jazzman, job, mag, meeting, policeman, preview, quick lunch, raincoat, scheme, shift etc.*

Многие из этих заимствований настолько прочно вошли в жизнь канадцев, что не воспринимаются как заимствованные. Также интересно отметить, что прямые заимствования из английского языка не вызывают отрицательной реакции у канадцев, которые не терпят злоупотребления английским языком и стремятся сохранить чистоту французского языка [13].

Ассимилированные заимствования возникают в процессе длительного вхождения лексических единиц в словарный состав франкоканадского языка. В результате длительного преобразования заимствованные лексемы «приспосабливаются» к французскому языку на фонетическом, морфологическом и т.д. уровнях и воспринимаются как французские.

Так, например, при фонетической ассимиляции английский суффикс *-er*, указывающий на род деятельности человека, заменяется на суффикс *-eur*, обладающий тем же значением: *peddleur, lecteur, groceur, briqueleur, contracteur, djobeur, voteur* и т.д.

На морфологическом уровне ассимиляция англоязычных единиц проходит за счет прибавления типичного французского суффикса к английской основе (например, *badloque* от английского слова *bad luck*).

Также морфологической ассимиляции подвергаются глаголы, вошедшие во франкоканадский язык, за счет прибавления суффикса *-er*, например: *acter* (из

англ. *to act*), *bâdrer* (из англ. *to bother*), *bagner* (из англ. *to bang*), *cliner* (из англ. *to clean*), *disconnecter* (из англ. *disconnect*).

Особенно интересными являются заимствования фраз и выражений из английского языка, которые в ходе ассимиляции стали одной лексической единицей: *adidou* (от английского *How do you do?*), *anéoué* (от английского *any way*), *c'est correct* (от английского *that's correct*) и т.д.

Говоря о заимствованиях из английского языка, важно подчеркнуть их исключительное своеобразие, обусловленное их глубоким историческим взаимопроникновением.

Многие языковые единицы, которые, на первый взгляд, выглядят как англицизмы, чаще всего происходят от французского языка. В связи с этим, как отмечает М.А. Марусенко, «утверждение о наличии интерференции с английским языком требует основательных доказательств, поскольку морфемные и семантические деривации франкоквебекских лексем могут быть обусловлены изменениями внутри самой системы этого языка и вмешательство английского языка в данном случае часто бывает минимальным» [4].

Принимая во внимание типологическую близость английского и французского языков, а также наличие внушительного общего лексического фонда, становится понятно, почему франкоканадский язык вобрал в себя английские черты. Следовательно, канадский вариант французского языка сохраняет свое тяготение к английскому языку по своему лексическому составу. В качестве иллюстрации приведём такие языковые единицы, как например, *brevuage, patates pilées* во франкоканадском языке (а не *boisson, pommes de terre en purée*, как в современном французском). Данные примеры показывают влияние английского языка на словарный состав канадского варианта французского языка, поскольку

данные лексические единицы относятся к сфере повседневного общения и не тяготеют к конкретной сфере использования.

Таким образом, сложность этимологического анализа лексического запаса франкоканадского языка заключается в наличии псевдо-англицизмов, а не реальных заимствований из английского. По мнению Е.А. Реферовской, псевдо-англицизмы представляют собой пласт такой лексики, которая ранее была заимствована одним языком из второго (например, английский язык изначально заимствовал слова французского языка для своего обогащения), и позднее второй язык «перезаимствовал» ранее одалживаемые лексические единицы (например, англицизмы, произошедшие от французских слов, возвращаются обратно во французский язык с измененным значением и/или формой). Англицизмы прочно вошли в словарный состав франкоканадского языка. Также важным представляется тот факт, что американский национальный вариант английского языка оказывает большое влияние на лексический состав языка Канады [8].

Некоторые ученые (Марусенко [4], Слобожанина [9]) отмечают, что заимствования из британского и американского вариантов английского языка следует рассматривать отдельно друг от друга, и мы разделяем эту точку зрения, подчеркивая тем самым значение американских заимствований для словарного запаса франкоканадского языка.

Подводя итоги, скажем, что словарная база франкоканадского языка представлена общефранцузской основой, которая расширяется и обогащается под воздействием окружающей лингвокультурной среды канадизмами, в основном, за счет заимствований из других языков: местных (в меньшей степени), английского, англо-американского и, конечно, французского.

Список литературы

1. Веденина Л. Г. Особенности французского языка. М.: Просвещение, 1988. 240 с.
2. Веденина Л. Г. Франция и Канада: взаимодействие культур // Иностранные языки в школе. 1996. №6. С. 68–72.
3. Клоков В. Т. Французский язык в Северной Америке. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2005. 400 с.
4. Марусенко М. А. Квебекский язык. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2006. 202 с.
5. Марусенко М. А. Франкофония Северной Америки. Т. 1. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007. 355 с.
6. Мечковская Н. Б. Общее языкознание: Структурная и социальная типология языков. М.: Флинта: Наука, 2001. 312с.
7. Миронова Е. А., Суходоева Т. А. Французский язык в мире. Ульяновск: УлГТУ, 2011. 129 с.
8. Реферовская Е. А. Французский язык в Канаде. Изд. 3-е. М.: Книжный дом "ЛИБРОКОМ", 2012. 216 с.
9. Слобожанина Н. А. Англо-американизмы во французском языке Квебека (лингвопрагматический аспект): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2008. 23с.
10. Усманова З. А. Квебекская идентичность сквозь призму лингвокультурной парадигмы: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. М., 2014. 209 с.
11. Устинова О. В. Отражение языковой картины мира в лексической системе канадских вариантов французского и английского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. М., 2016. 199 с.
12. Maurais, J. Les Québécois et la norme. L'évaluation par les Québécois de leurs usages linguistiques, 2008. URL: http://www.oqlf.gouv.qc.ca/etudes/etude_07.pdf.
13. Sylvia Clapin. Dictionnaire canadien-français. Les Presses de l'université Laval. Quebec, 1974. 388 p.

Поступила в редакцию 06.11.18

UDC 81:39

J. Baghana, Doctor of Philological Sciences, Professor, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia) (e-mail: baghana@yandex.ru)

E. L. Kuksova, Candidate of Philological Sciences, Senior lecturer of the second foreign language department, BelSU (Belgorod, Russia) (e-mail: kuksova@bsu.edu.ru)

LEXICAL FEATURES OF THE FRENCH LANGUAGE IN CANADA

Recently, scientists have been attracted by the issues of language contacts, bilingualism and linguistic variability. Despite the large number of publications devoted to this problem, many issues remain controversial. This article examines the issues and mechanisms for the formation and enrichment of the lexical base of the dictionary of Francophone Canada. The paper pays special attention to sources of dictionary enrichment with lexical units, as well as ways of their further transformation and functioning in the Franco-Canadian language. This research emphasizes the importance of using the term "Canadianism" in relation to the lexical units of Francophone Canada, and its uniqueness in relation to the general French language and its other variants. Due to the fact that Canada is a multinational bilingual country, the French Canadian language is in constant contact with other languages, especially with English and Anglo-American. These languages have a significant impact on the vocabulary of the Franco-Canadian language, being the constant competitors of the French language in everyday communication. The article also raises the question of the mutual historical and topological relationship between French and English, which makes it difficult to study the issues of borrowing lexical units. Based on the revealed interaction and interpenetration of French and English languages, it is suggested to question the fact of borrowing individual units. In the course of the analysis, the author comes to the conclusion that direct and assimilated borrowings are the most common for the French-Canadian language. The lexical units that have gone through assimilation have great potential, since they obey to the norms of the French language and, in due course, are not perceived by the carriers as borrowing.

Key words: language contacts; bilingualism; linguistic variability; lexical unit; borrowing; French; English; Canadian.

For citation: Baghana J., Kuksova E. L. Lexical features of the french language in Canada. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 16–20 (in Russ.).

References

1. Vedenina L. G. Osobennosti francuzskogo yazyka. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1988. 240 p.

2. Vedenina L. G. Franciya i Kanada: vzaimodejstvie kul'tur. *Inostrannye yazyki v shkole*, 1996, no. 6, pp. 68–72.

3. Klokov V. T. Francuzskij yazyk v Severnoj Amerike. Saratov, Sarat. un-ta Publ., 2005. 400 p.

4. Marusenko M. A. Kvebekskij yazyk. St. Petersburg, S.-Peterb. un-ta Publ., 2006. 202 p.

5. Marusenko M. A. Frankofoniya Severnoj Ameriki, St. Petersburg, 2007, vol. 1, 355 p.

6. Mechkovskaya N. B. Obsheee yazykoznanie: Strukturnaya i social'naya tipologiya yazykov. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2001. 312 p.

7. Mironova E. A., Suhodoeva T. A. Francuzskij yazyk v mire. Ul'yanovsk: UIG-TU Publ., 2011. 129 p.

8. Referovskaya E. A. Francuzskij yazyk v Kanade. Izd. 3th ed. Moscow, Knizhnyj dom "LIBROKOM" Publ., 2012. 216 p.

9. Slobozhanina N. A. Anglo-amerikanizmy vo francuzskom yazyke Kvebeka (lingvopragmaticeskij aspekt). Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Saratov, 2008. 23 p.

10. Usmanova Z. A. Kvebekskaya identichnost' skvoz' prizmu lingvokul'turnoj paradigm. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2014. 209 p.

11. Ustinova O. V. Otrazhenie yazykovoj kartiny mira v leksicheskoj sisteme kanadskih variantov francuzskogo i anglijskogo yazykov. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2016. 199 p.

12. Maurais, J. Les Québécois et la norme. L'évaluation par les Québécois de leurs usages linguistiques, 2008. URL: http://www.oqlf.gouv.qc.ca/etudes/etude_07.pdf.

13. Sylvia Clapin. Dictionnaire canadien-français. Les Presses de l'universit. Laval. Quebec, 1974. 388 p.

УДК 811.111

Н. П. Беневоленская, д-р филол. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: n.benevolenskaya@spbu.ru)

Н. Л. Федотова, д-р пед. наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия) (e-mail: n.fedotova@spbu.ru)

РЕЧЕВЫЕ СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА В ЯЗЫКЕ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ СМИ

Статья посвящена особенностям использования медицинского дискурса в денотативном медицинском нарративе, который реализуется в диалоге врач/больной. Рассматриваются конкретные речевые стратегии и тактики медицинского дискурса в их применении к языку медиа и СМИ.

Семантический признак «болезнь» маркирует пересечение дискурсивного поля медицины с политическим и общественно-политическим дискурсом в конкретном медиа-тексте и создает метатекстовое тематическое целое в языке медийного пространства. Этот семантический центр, обладая свойством притягивать и раскрывать тематически близкие лексические группы, создает концептуальный комплекс, который является основой не только для контекстуально развернутой метафоры, но и для метафоры-нарратива, развивающейся параллельно.

Также анализируются случаи перехода денотативного медицинского дискурса в метафорический. Исследуются речевые стратегии и тактики в связи с использованием медицинского дискурса как метафорического в языке медиа и СМИ.

Выделены уровни функционирования медицинского дискурса, которыми обеспечиваются два вида нарратива – денотативный медицинский и медицинский метафорический.

Анализируются стратегии неопределенности и тактики замещения в политическом дискурсе.

Медицинский дискурс развивается на основе применения различных стратегий и тактик, которые реализуются в медиатекстах и СМИ. На обоих дискурсивных уровнях четко обозначается диалоговая структура врач/больной, которая представлена в своеобразных персуазивных речевых стратегиях и тактиках.

Ключевые слова: медицинский дискурс; врач/больной; метафорический нарратив; речевые стратегии и тактики; русский язык.

Ссылка для цитирования: Беневоленская Н. П., Федотова Н. Л. Речевые стратегии и тактики медицинского дискурса в языке современных российских СМИ // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 21–27.

Введение

Как утверждают многие исследователи, манипулятивная кодификация воплощается в персуазивной стратегии речевой деятельности автора медиа-текста и содержится в материалах практически любой информационной тематики [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8 и др.]. Эта кодификация осуществляется, в том числе, в формах медицинского дискурса, в каждом случае включая семантический признак «болезнь», который, с одной стороны, маркирует пересечение дискурсивного поля медицины с политическим и общественно-политическим дискурсом в конкретном медиа-тексте, с другой – создает метатекстовое тематическое целое в языке медийного пространства.

Давно отмечено, что медицинский дискурс в целом обслуживает деструк-

тивную тематику той части современной общественно-политической метафорики, семантическим центром которой является «болезнь» [9; 10; 11]. Указанный семантический центр обладает свойством притягивать и раскрывать тематически близкие лексические группы, создавая концептуальный комплекс, функционирующий как база не только для контекстуально развернутой метафоры, но и для метафоры-нарратива, развивающейся параллельно и, с участием различных лексических множеств, замещающей указанные семантические позиции в рассказе о реальных событиях. Как правило, источником образования метафорического нарратива также становится глубинная семантическая позиция «болезнь», которая представляет собой комплекс семантических позиций больной, лечение и врач,

репрезентируемых соответствующими лексическими множествами [12].

Семантический центр «болезнь» в медиа и СМИ

Своим происхождением рассматриваемая нами метафорика обязана медицинским терминам, метафорам и метафорам-терминам, которые в свою очередь произошли от наивных номинаций, в терминологической системе приобрели метафорический смысл, затем – новую денотацию, уже в медицинском дискурсе, что обеспечивает денотативную, конкретно-предметную часть медицинского дискурса [13]. С указанной точки развития данной денотативной, конкретно-предметной части медицинского дискурса начинается движение в разговорный дискурс и язык современных медиа и СМИ. Мы намерены рассмотреть стратегии и тактики медицинского дискурса в их применении к различным изменениям, которые претерпевает использование медицинского дискурса с семантическим центром «болезнь».

Для наших целей следует, прежде всего, выделить два вида нарратива, которые будут учитываться при анализе взаимодействий дискурса медицины и дискурса политики, которые обеспечиваются тремя уровнями медицинского дискурса – денотативный медицинский нарратив и метафорический медицинский нарратив. Первый – принадлежит исключительно сфере употребления в диалогах врач/больной (пациент), благодаря которому выстраивается общение на сугубо медицинские темы. Цель врача в диалоге врач/больной также можно охарактеризовать как денотативную, так как, несмотря на перевод из языка наивных номинаций на медицинский, глубинная семантическая база подобного диалога содержит денотат – больной или поврежденный орган, степень и характер повреждения которого необходимо установить врачу, для того чтобы поставить правильный диагноз и назначить лечение. С этой целью врач переводит названные пациен-

том признаки, симптомы заболевания, ощущения на язык медицины, речевая задача врача – из возможных разговорных форм языка, неточных формулировок, недомолвок составить объективную или близкую к объективной картину заболевания, то есть перевести речь больного в существующую в сознании врача часть научной картины мира с её стремлением к объективности, специальной терминологией и общенаучными грамматическими и синтаксическими моделями. Характерный случай подобного перевода на язык заполнения истории болезни отражает денотативную суть общения врач/больной: пациентка вместо глагола со значением увеличения в размере (увеличилась, выросла, изменила размеры и др.) в качестве предиката использует набор частиц, в конце своей реплики показывает то, что её беспокоит, то есть денотат:

Пациентка: [P2, жен, 57] Ну / вот года / наверное / около двух лет она **так вот** / а вот за последнее время **она как-то прям вот** / смотря (Показывает родинку)

Врач: [P1, жен, 50] **Стала увеличиваться?**

Пациентка: [P2, жен, 57] Да. (Разговор пациентки с врачом).

Со стороны врача данная интеллектуальная операция может производиться и за пределами диалога, во время заполнения истории болезни или обсуждения случая из практики с коллегами. Денотат в данном случае в письменной речевой стратегии врача – это правильно поставленный диагноз с указанием на орган и его физическое состояние, который выражен на языке медицины. Таким образом, денотативность семантического признака «болезнь» как глубинный структурообразующий признак объединяет речевые стратегии и тактики медицинского дискурса в диалоге врач/больной.

Речевые стратегии денотативного медицинского дискурса

Прежде всего, следует согласиться с тем, что «основные стратегии и тактики

медицинского дискурса определяются целями профессиональной коммуникации – оказать квалифицированную медицинскую помощь» [14, с. 4]. В результате исследования денотативного медицинского дискурса М.И. Барсукова выделила в числе прочих три речевые стратегии, которые представляются актуальными для нашей работы – диагностическая, лечащая и рекомендующая. Автором было также установлено, что в дискурсивных практиках врача для диагностической стратегии, наряду с другими тактиками – знакомства, поддержания эмоционального равновесия, используется тактика обвинения. «Специализированной тактикой лечащей стратегии является тактика психологического регулирования состояния, тактика утешения, тактика вразумления и угрозы, рекомендующей – тактика ориентации на материальные возможности пациента» [14, с. 5].

Использование узкоспециальных медицинских терминов, общемедицинских терминов, общелитературных (околомедицинских) слов, метафорических диагнозов в прагматике обвинения в принципе невозможно в реальном медицинском дискурсе вне гармонизирующих речевых стратегий и тактик. Само присвоение пациенту статуса больной не должно быть в реальной медицине поводом для обвинений-диагнозов со стороны врача, но в разговорной практике и в языке медиа и СМИ подобные речевые проявления возможны.

[о Ксении Собчак] Когда **сумасшедшая** женщина говорит / что ей Аллах сказал / что она должна сделать, чтобы отомстить за Сирию / это же не теракт. Это **больной** человек. Ну / пока не было медэкспертизы / откуда же мы знаем / что это **сумасшедшая** женщина? (Дебаты А. Навального и В. Познера [18]).

В данном случае в политическом дискурсе медицинский нарратив ‘врача’ отличается размытостью значений. Используемая стратегия – убедить слушателей / зрителей в неправоте дей-

ствий кого-либо, тактика – представить виртуального оппонента в роли ‘пациента’, нуждающегося в лечении.

Метафорический медицинский нарратив

Метафорический медицинский нарратив возникает при переносе медицинского дискурса за пределы его денотативного употребления. В применении вышеуказанных стратегий и тактик в разговорном языке трансформации подвергаются все семантические позиции рассматриваемого комплекса, но в первую очередь – семантическая позиция «лечение», к которой мы бы добавили ещё один дискурсивный элемент – «диагноз», который ставит адресант в разговоре. «Диагноз», как правило, содержит обязательную негативную оценочность, и реализуется в метафорическом медицинском дискурсе при его соединении с разговорным.

В соединении разговорного дискурса и политической тематики возникает тот же эффект изменения семантической позиции «лечение», которая поглощается дискурсивным элементом «диагноз», при этом маркеры медицинского дискурса обозначают метафорический нарратив:

Можно привести пример / та же Северная Корея / с которой никто не воюет только из-за наличия ядерного оружия. А Северная Корея гораздо **больнее** / чем наша страна (Беседа в Новосибирске. Фонд «Общественное мнение [19]).

С точки зрения языка, лексически, грамматически и синтаксически данный нарратив повторяет денотативный, однако используется в диалоге автор/читатель с различными интенционально-прагматическими целями. Так, например, медийный автор, журналист, в отличие от врача, не пытается на основании прямого диалога с предполагаемыми «пациентами» – читателем или политиком – помочь реципиентам-«пациентам» точно определить их состояние. Напротив, журналист-«врач» пытается убедить в том, что читатель как член общества или гражданин

какой-либо страны болен и уже является пациентом, либо автор преподносит информацию о фактах как информацию о симптомах заболевания, диагнозах общества или политики.

- Это все одна большая тема – про общество, которое **болеет** и никак не может **выздороветь**. (Дмитрий Дризе. «Общество болеет и никак не может выздороветь» [21]).

- Это как в медицине, можно суперсовременными средствами **лечить**, а можно активированным углем. То есть какое-то время мы на суше еще прокатимся на старых технологиях (Тимофей Дзядко, Евгения Корытина, Алена Сухаревская [22]).

Таким образом перемещаясь из диалога врач/больной в язык медиа и СМИ, медицинский дискурс в текстах общественно-политической тематики приобретает метафорический статус и служит интенционально-прагматическим задачам автора-‘врача’.

Размытость, как отмечают исследователи, – отличительная черта речи политиков: «дискурс политиков отличается неопределённостью, неопределённость предполагает несколько способов интерпретации высказывания, а значит, таит в себе опасность обмана» [15, с. 178]. Речевая тактика прямого обвинения, угрозы со стороны журналиста-«врача», медийного автора не может быть применена к большинству представителей политического корпуса: принято считать, что одним из способов выражения обвинения и угрозы в диалоге журналист/политик является стратегия непрямого коммуникации, при этом различия целей и результатов использования этих стратегий могут быть значительными: в русской лингвокультуре «угроза “лицу” политика – коммуниканта с заведомо более высоким социальным и коммуникативным статусом – не может быть выражена эксплицитно» [16, с. 49]. Действительно, медиаперсоны могут использовать в качестве тактики обвинения медицинский метафорический нарратив:

[Путин]. Есть такое модное выражение – “**средняя температура по больнице**”. Так вот: средняя температура нам не нужна, нам нужны конкретные результаты, чтобы люди их увидели (Нам не нужна средняя температура по больнице) [20].

Благодаря медицинским маркерам, поставив «диагноз», медиа-персона, журналист-‘врач’ могут сформулировать проблемное поле, другими словами, метафорические диагнозы квалифицируются авторами масс-медиа и СМИ прежде всего в прагматике обвинения и угрозы.

[Бунтман, муж.]. Вот этот парадокс между тем / что полезно и нужно / это та трещина / в которую мы можем провалиться / и мы все время проваливаемся в это.

[Жириновский, муж.]. Нет. Это лечение. Врач дает горькое лекарство / но будет выздоровление. Вам дают свободный режим / не лежи в больнице / не принимай лекарства / но вы погибнете / вы будете бомжом. Вот вы выбирайте. Это же проблема (Беседа В. Жириновского с журналистами в эфире радиостанции «Эхо Москвы» [23]).

Однако же в диалоге, как мы убедились, и больной использует стратегию неопределённости и ту же тактику замещения. Таким образом, в языке медиа и СМИ адресант и реципиент: журналист или медиа персона, читатель, политик, общественный деятель, использующий медицинский метафорический нарратив, – все говорящие приобретают амбивалентность. Как в примере с выступлением В.Жириновского, медицинский метафорический нарратив обеспечивает одновременное применение стратегий диагноза, лечения и рекомендации, одновременно присоединяя адресанта и реципиента к дискурсу больного.

Выводы

Медицинский дискурс можно отнести к моделирующим средствам речи общественно-политической тематики. И если речевые стратегии и тактики, используемые в диалоге врач/больной, преследуют четкие денотативные цели, то

функционирование медицинского дискурса в разговорных практиках отличает семантическая размытость: говорящий прибегает к различным способам реализации стратегии неопределённости и тактики замещения. В разговорном дискурсе, в отличие от политического, не отмечается «опасности обмана» в связи с использованием стратегии неопределённости. В языке медиа и СМИ, напротив, медицинская метафора позволяет журналисту организовать и структурировать репрезентативный речевой комплекс, где будут реализованы патерналистско-провокативные стратегии как средство негативной оценки общественно-политических явлений, в то же время, как и в разговорном дискурсе, автор может прибегнуть к стратегии непрямого общения. Таким образом, обозначается четкое развитие медицинского дискурса на основе применения различных его стратегий и тактик: денотативный медицинский нарратив – разговорный медицинский (денотативный и метафорический) – метафорический медицинский нарратив, функционирующий в дискурсе современных медиа и СМИ. На всех дискурсивных уровнях функционирует диалоговая структура врач/больной, которая, в зависимости от уровня, реализуется в различных персуазивных речевых стратегиях и тактиках.

Список литературы

1. Ананченко О. Г. Особенности тематического функционирования оценочных метафор в СМИ. URL: http://www.gusnauka.com/17_AVSN_2012/Philologia/7_112691.doc.htm (дата обращения: 01.11.2018)
2. Боженкова Н. А., Боженкова Р. К., Боженкова А. М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методики их преподавания. 2017. Вып. 15. № 3. С. 255–284.
3. Кашкин В. Б., Шилихина К. М. Зима всегда приходит неожиданно (ирония в политической коммуникации) // Современная политическая лингвистика: проблемы, концепции, перспективы: сб. науч. тр. Волгоград: Перемена, 2009. С. 291–301.
4. Сметанина С. И. Медиа-текст в системе культуры. СПб.: Изд-во Михайлова В. А., 2002. 383 с.
5. Фурсанова Т. В. Реализация презентационных стратегий в рекламном дискурсе // Вестник Карагандинского государственного университета. Серия Филология. 2013. № 2(70). С. 4–9.
6. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. М.: Флинта, 2006. 254 с.
7. Joseph J.E. Language and Politics. Edinburgh: Edinburg University Press, 2006. 170 s.
8. Wilson J. Political Discourse // The Handbook of Discourse Analysis / ed. by D. Schiffrin, D. Tannen & H. E. Hamilton. Oxford: Blackwell Publishing, 2003. P. 398–416.
9. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. 2009. № 2 (18). С. 92–104.
10. Чудинов А. П. Политическая лингвистика. М.: Флинта: Наука, 2006. 256 с.
11. Зубкова О. С. Специфика функционирования медицинской метафоры и медицинской метафоры-термина в индивидуальном лексиконе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. № 3(009). С. 84–89.
12. Абрамова Г. А. Медицинская лексика: основные свойства и тенденции развития: дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2003. 312 с.
13. Зубкова О.С. Функционирование медицинской метафоры. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-05.pdf> (дата обращения: 02.11.2018)
14. Барсукова М. И. Медицинский дискурс (стратегии и тактики речевого

поведения врача): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2007. 21 с.

15. Шилихина К. М. Ирония в политическом диалоге // Политическая лингвистика. 2011. 4(38). С. 177–182.

16. Горностаева А. Политика и ирония: совместимость и взаимодействие. М.: ИПЦ «Маска», 2015. 196 с.

17. Разговор пациентки с врачом // Из материалов Ульяновского университета. 2006. URL: <http://search1.ruscorpora.ru>.

18. Дебаты главы Фонда борьбы с коррупцией Алексея Навального и телеведущего Владимира Познера на тему: «Замалчивание важных событий – цензура или выбор редактора?». 2016. URL: https://tvrain.ru/teleshov/debaty/debaty_navalnogo_i_poznera-405714/.

19. Беседа в Новосибирске. Фонд «Общественное мнение». URL: <http://search1.ruscorpora.ru>

20. Нам не нужна средняя температура по больнице – Путин РИА Крым. URL: <https://crimea.ria.ru/society/20181123/1115632363.html>.

21. Дмитрий Дризе. «Общество болеет и никак не может выздороветь». 21.09.2017. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3416495>.

22. Дзядко Т., Корытина Е., Сухаревская А. Новые санкции угрожают проектам 'Роснефти' и 'Газпрома' на шельфе // РБК Дейли, 2014.

23. Беседа В. Жириновского с журналистами в эфире радиостанции «Эхо Москвы» // «Эхо Москвы», 2003–2004. URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2049498-echo/.

Поступила в редакцию 10.12.18

UDC 811.111

N. P. Benevolenskaya, Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia) (e-mail: n.benevolenskaya@spbu.ru)

N. L. Fedotova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia) (e-mail: n.fedotova@spbu.ru)

SPEECH STRATEGIES AND TACTICS OF MEDICAL DISCOURSE IN THE LANGUAGE OF MODERN RUSSIAN MEDIA

The article is devoted to the peculiarities of the use of medical discourse in the denotative medical narrative, which is implemented in the doctor / patient dialogue. Concrete speech strategies and tactics of medical discourse in their application to the spoken language and the language of the media are considered.

The semantic attribute "disease" marks the intersection of the discursive field of medicine with the political and socio-political discourse in a particular media text and creates a metatext thematic whole in the language of the media space. This semantic center, possessing the property of attracting and revealing thematically close lexical groups, creates a conceptual complex, which is the basis not only for contextually developed metaphors, but also for the metaphor-narrative that develops in parallel.

The authors also analyze the cases of transition of denotative medical discourse into a metaphorical one. Speech strategies and tactics are explored in connection with the use of medical discourse as a metaphorical language in the media and media.

The levels of functioning of the medical discourse, which provide two types of narrative - denotative medical and medical metaphoric, are highlighted.

The strategies of uncertainty and substitution tactics in political discourse are analyzed.

Medical discourse develops through the use of various strategies and tactics that are implemented in media texts and media. At all discursive levels, the doctor / patient dialogue structure is clearly indicated, which at different levels is presented in peculiar persuasive speech strategies and tactics.

Key words: *medical discourse; doctor / patient; metaphorical narrative; speech strategies and tactics; Russian language.*

For citation: Benevolenskaya N. P., Fedotova N. L. Speech strategies and tactics of medical discourse in the language of modern Russian media. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 21–27 (in Russ.).

References

1. Ananchenko O. G. Osobennosti tematicheskogo funkcionirovaniya ocenочnyh metafor v SMI. URL: http://www.rusnauka.com/17_AVSN_2012/Philologia/7_112691.doc.htm (accessed 01.11.2018)
2. Bozhenkova N. A., Bozhenkova R. K., Bozhenkova A. M. Sovremennyy politicheskij diskurs: verbal'naya ehkzemplifikaciya taktiko-strategicheskikh predpochtenij. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Seriya: Russkij i inostranye yazyki i metodiki ih prepodavaniya*, 2017, is. 15, no. 3, pp. 255–284.
3. Kashkin V. B., Shilihina K. M. Zima vseгда prihodit nezhidanno (ironiya v politicheskoy kommunikacii). *Sovremennaya politicheskaya lingvistika: problemy, koncepcii, perspektivy*. Sb. nauch. tr. Volgograd, PeremenaPubl., 2009, pp. 291–301.
4. Smetanina S. I. Media-tekst v sisteme kul'tury. St. Petersburg, Izd-vo Mihajlova V. A. Publ., 2002. 383 p.
5. Fursanova T. V. Realizaciya prezentacionnyh strategij v reklamnom diskurse. *Vestnik Karagandinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filologiya*, 2013, no. 2(70), pp. 4–9.
6. Chudinov A.P. Metaforicheskaya mozaika v sovremennoj politicheskoy kommunikacii. Moscow, Flinta Publ., 2006. 254 p.
7. Joseph J.E. Language and Politics. Edinburgh, Edinburg University Press, 2006. 170 p.
8. Wilson J. Political Discourse. The Handbook of Discourse Analysis; ed. by D. Schiffrin, D. Tannen & H. E. Hamilton. Oxford, Blackwell Publishing, 2003, pp. 398–416.
9. Issers O.S. Strategiya rechevoj provokacii v publicnom dialoge. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2009, no. 2 (18), pp. 92–104.
10. Chudinov A. P. Politicheskaya lingvistika. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2006. 256 p.
11. Zubkova O. S. Specifika funkcionirovaniya medicinskoj metafory i medicinskoj metafory-termina v individual'nom leksikone. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2006, no. 3(009), pp. 84–89.
12. Abramova G. A. Medicinskaya leksika: osnovnye svoystva i tendencii razvitiya. Diss. d-ra filol. nauk. Krasnodar, 2003. 312 p.
13. Zubkova O.S. Funkcionirovanie medicinskoj metafory. URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/001-05.pdf> (accessed 02.11.2018)
14. Barsukova M. I. Medicinskij diskurs (strategii i taktiki rechevogo povedeniya vracha). Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Saratov, 2007. 21 p.
15. Shilihina K. M. Ironiya v politicheskom dialoge. *Politicheskaya lingvistika*, 2011, 4(38), pp. 177–182.
16. Gornostaeva A. Politika i ironiya: sovместimost' i vzaimodejstvie. Moscow, IPC «Maska» Publ., 2015. 196 p.
16. Razgovor pacientki s vrachom. Iz materialov Ul'yanovskogo universiteta, 2006. URL: <http://search1.ruscorpora.ru>.
17. Debaty glavy Fonda bor'by s korrupciej Alekseya Naval'nogo i televedushchego Vladimira Poznera na temu: «Zamalchivanie vazhnyh sobytij – cenzura ili vybor redaktora?», 2016. URL: https://tvrain.ru/teleshov/debaty/debaty_navalnogo_i_poznera-405714/.
18. Beseda v Novosibirskе. Fond «Obshchestvennoe mnenie». URL: <http://search1.ruscorpora.ru>.
19. Nam ne nuzhna srednyaya temperatura po bol'nice – Putin RIA Krym. URL: <https://crimea.ria.ru/society/20181123/1115632363.html>.
20. Dmitrij Drize. «Obshchestvo boleet i nikak ne mozhet vyzdorovet'». 21.09.2017 URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3416495>
21. Dzyadko T., Korytina E., Suharevskaya A. Novye sankcii ugrozhayut proektam 'Rosnefti' i 'Gazproma' na shelf'e. RBK Dejli, 2014.
22. Beseda V. ZHirinovskogo s zhurnalistami v ehfire radiostancii «Ehkho Moskvy». «Ehkho Moskvy», 2003–2004. URL: https://echo.msk.ru/programs/a_team/2049498-echo/.

УДК 811.161.1'373

Е. А. Беспалова, канд. филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: kbespalova@yandex.ru)

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ В ГАЗЕТНОМ ТЕКСТЕ (НА ПРИМЕРЕ НАЗВАНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ)

Изучение особенностей актуализации прецедентных текстов, в том числе функционирования прецедентных феноменов, на данном этапе развития лингвистики является весьма актуальным.

Среди способов выражения в языке прецедентности важное значение имеют заглавия произведений литературы. С течением времени такие языковые единицы способны, на наш взгляд, отрываться от порождающего их текста и существовать самостоятельно как культурные знаки, устойчиво воспроизводимые в речи носителей языка. Устойчивость состава, воспроизводимость в готовом виде, а также семантическая целостность значения (наблюдается у некоторых из них) таких прецедентных феноменов дает повод относить их к области фразеологии.

В материалах словаря «Русская фразеология» нами было выявлено свыше 80 выражений, этимологически являющихся названиями различных произведений. Примеры употребления исследуемых единиц были подобраны из газетного корпуса Национального корпуса русского языка.

Контексты употребления выражения «демянова уха» показывают его достаточно тесную связь с породившим его произведением, т.е. практически во всех случаях прецедентный текст басни И. А. Крылова актуализируется. Фразеологизм «бешеные деньги» существует в современной русской речи самостоятельно, изолированно от исходного текста, т.е. в большинстве употреблений прецедентный текст А. Н. Островского не актуализируется. Выражение «человек в футляре» активно употребляется в публицистике как в качестве прецедентного феномена, актуализирующего представление о рассказе А. П. Чехова и его герое, так и во фразеологическом, переосмысленном значении. В последнем случае наблюдается семантическая трансформация оборота, сдвиг в сторону внешней характеристики героя публикации.

Таким образом, названия художественных произведений предоставляют широкие возможности использования их в речи.

Ключевые слова: прецедентный текст; прецедентный феномен; название; актуализация прецедентного текста; фразеологическое значение; газетный корпус.

Ссылка для цитирования: Беспалова Е. А. Прецедентные феномены в газетном тексте (на примере названий литературных произведений) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 28–36.

В рамках антропологической парадигмы современного языкознания и когнитивного подхода к описанию языковых явлений большое внимание уделяется учеными изучению языковой личности и сопутствующей ее характеристике – прецедентным феноменам.

Явления прецедентности последние три десятилетия стабильно становятся предметом исследования российских лингвистов.

Впервые описав прецедентность как универсальную категорию науки, Ю.Н. Караулов показал, что она может реализовываться в дискурсе языковой личности. При этом каждый носитель языка по-разному обращается к прецедентным тек-

стам, по-своему оперирует прецедентными единицами. Ученый отмечает, что «в дискурсе языковой личности прецедентный текст редко вводится целиком» (исключения составляют небольшие произведения – притчи, анекдоты, сказки), в большинстве же случаев актуализации прецедентного текста служат отдельные языковые средства – заглавие, цитата, имя персонажа, имя автора: «при восприятии названия произведения, цитаты из него, имени персонажа или имени автора актуализируется так или иначе весь прецедентный текст, т.е. приводится в состояние готовности (в меру знания его соответствующей личностью) для использо-

вания в дискурсе по разным своим параметрам» [4, с. 218-219].

Лингвокогнитивный подход к описанию названных явлений представлен в работах В. В. Красных, Д. Б. Гудкова, И. В. Захаренко, Д. В. Багаевой. Прецедентные феномены, считают исследователи, «могут быть как вербальными (тексты в самом широком смысле этого слова), так и невербальными (произведения живописи, скульптуры, архитектуры, музыкальные творения и т.д.)» [3, с. 82-83]. Из них в центре внимания лингвистов, как правило, оказываются вербальные прецедентные феномены.

В научной статье «Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований» В. В. Красных разграничивает среди вербальных прецедентных феноменов собственно вербальные и вербализуемые, относя к первому типу прецедентное имя и прецедентное высказывание, а ко второму типу – прецедентный текст и прецедентную ситуацию [5, с. 9]. Прецедентные тексты и прецедентные ситуации «хранятся», по мысли исследователя, в когнитивной базе конкретного человека как члена национального лингвокультурного сообщества «в виде инварианта восприятия», а в речи употребляются прецедентные имена и прецедентные высказывания «в качестве символов прецедентных текстов» [5, с. 8].

Исследования показывают, что прецедентные имена и высказывания далеко не всегда актуализируют в сознании языковой личности прецедентный текст, не выступают в таком случае его символами. В частности, Н. С. Панариной описаны универсальные тенденции деактуализации значений прецедентных имен, выявленные в процессе анализа контекстов их употребления: «ослабление / разрушение устойчивого ценностного компонента, ослабление связи понятийной доминанты с другими компонентами культур-

ного содержания, изменение социальной оценки отдельных компонентов прецедентного имени, намеренная деактуализация культурной значимости содержания имени», асемантизация и др. [7, с. 9].

Как видим, исследование особенностей актуализации прецедентных текстов, в том числе функционирования прецедентных феноменов, на данном этапе развития лингвистики является весьма актуальным. В науке «не решена сложнейшая проблема вербального оперирования культурно-специфическим знанием» [6, с. 129].

Среди выделенных Ю. Н. Карауловым способов выражения в языке прецедентного, т.е. «стандартного для данной культуры», «существующего в межпоколенной передаче текста» [4, с. 54], важное значение имеют заглавия произведений литературы и публицистики. С течением времени такие языковые единицы способны, на наш взгляд, отрываться от порождающего их текста и существовать самостоятельно как культурные знаки, устойчиво воспроизводимые в речи носителей языка. Устойчивость состава, воспроизводимость в готовом виде, а также семантическая целостность значения (что касается некоторых из них) таких прецедентных феноменов, как *алые паруса*, *герой нашего времени*, *головокружение от успехов*, *дворянское гнездо*, *игра в бисер*, *машина времени*, *мертвые души*, *миллион терзаний*, *отцы и дети*, *пир во время чумы*, *последний из могикан*, *потерянный рай*, *пятая колонна*, *собака на сене*, *тришкин кафтан*, *человек в футляре* и многих других, дает повод относить их к области фразеологии, накапливающей богатства русского языка [9, с. 16]. Появляется же фразеологическое значение у подобного прецедентного феномена или нет, можно определить лишь в конкретном контексте его употребления; речевое поведение же «вариативно» [8, с. 443].

Авторы историко-этимологического словаря «Русская фразеология» А. К. Бирих, В. М. Мокиенко, Л. И. Степанова в процессе его составления придерживались широкого понимания фразеологизма и границ фразеологии, поэтому в словарь вошли и «перифразы и крылатые слова, которые либо в какой-то мере претерпели фразеологизацию, либо стали основой для образования фразеологизмов в узком смысле слова» [1, с. 5]. Осознавая, что данный подход может быть опровергнут сторонниками «чистой фразеологии» (т.е. фразеологии в узком смысле, идиоматики), авторы «Русской фразеологии» объясняют такой максимализм особенностями современного состояния русского языка: «фразеологический фонд русской речи находится *in statu nascendi* (в моменте зарождения, образования), и резервами его пополнения являются именно «пограничные» зоны, в которые входят устойчивые сочетания самых разных типов» [1, с. 6]. Именно к этой области и относятся прецедентные феномены – названия литературных и публицистических произведений, претерпевшие, по словам авторов, фразеологизацию.

В материалах словаря «Русская фразеология» нами было выявлено свыше 80 подобных единиц, но предметом рассмотрения не являлись выражения, этимологически связанные с областями изобразительного искусства (*девятый вал, явление Христа народу, последний день Помпеи*) или кино (*джентльмены удачи, зигзаг удачи, крепкий орешек, Москва слезам не верит, небеса обетованные, небесный тихоход, развод по-итальянски* и др.), которые способны актуализировать в сознании языковой личности иное произведение искусства, а не текст. Кроме того, не все названия произведений обязаны своим появлением писателям или публицистам. Так, выражение *без вины виноватые*, вошедшее в ли-

тературу благодаря А. Н. Островскому, было известно и до выхода в печать одноименной пьесы: оно существовало в народной речи, откуда, видимо, и было позаимствовано драматургом. Устойчивое сочетание *бывшие люди*, использованное М. Горьким в качестве заглавия одного из рассказов, употреблялось и ранее, но стало популярным после публикации названного произведения. Подобные единицы также не являлись предметом нашего изучения.

Примеры употребления исследуемых единиц были подобраны из газетного корпуса (корпуса современных СМИ) Национального корпуса русского языка (далее – газетный корпус). Выбор данного корпуса обусловлен временной ограниченностью содержащегося в нем языкового материала: в отличие от основного корпуса, сюда входят тексты СМИ, созданные в новейший период – начиная с 2000-х гг. «В корпус газетных текстов примерно в равном объеме включены тексты семи СМИ – как печатных газет («Известия», «Советский спорт», «Труд», «Комсомольская правда»), так и электронных агентств (РИА «Новости», РБК, «Новый регион») [2].

Проанализируем особенности функционирования некоторых названий художественных текстов в газетных публикациях.

Демьянова уха

Автором выражения является И. А. Крылов, написавший в 1813 г. басню «Демьянова уха», в которой сосед Демьян назойливо потчевал соседа Фому ухой. Газетный корпус показывает 9 употреблений данного выражения, в одном из которых прямо названы сама басня и ее автор: *«Про героя Марчелло Матространия, иностранца в России, с ужасом шахрахающегося от тех, кто предлагает выпить до дна. Водки не было, и медведя не было, но привкус Демьяновой ухи*

остался. Помните, как у Крылова сосед потчевал соседа? «Я три тарелки съел!» – говорила жертва гостеприимства» (Комсомольская правда, 2013.04.15). Другое употребление, несомненно, также содержит отсылку к названному произведению, актуализирует в сознании читателя прецедентный текст: «Ну а в праздники все их увещевания летят в тартарары. «А вот отведайте еще этого салатика и этой запеканочки, пальчики оближете. Не бойтесь, я вам и таблеточек дам», – верещат сердобольные хозяйки. И превращают веселое застолье в тяжкую "Демьянову уху"» (Труд-7, 2005.12.29). Известна тенденция использования различных прецедентных имен и высказываний (а в нашем случае - названий произведений) при наименовании современных проектов (пр., *Алые паруса*), она отразилась и в следующем контексте: «За личный вклад, высокий профессионализм и эффективное управление в различных номинациях высшей награды были удостоены: ... Г.Берман (кафе-ресторан «Демьянова уха», Санкт-Петербург)» (Труд-7, 2001.07.09).

Остальные употребления свидетельствуют о фразеологизации данного прецедентного феномена в языке, т. к. он используется в отвлеченном от содержания басни значении 'о том, что назойливо предлагают, навязывают кому-л. против его воли и в неумеренном количестве' [1, с. 716]. Прецедентная функция при этом чаще всего сохраняется (авторы, возможно, подчеркивают цитатность этого оборота кавычками): «Авторы скормили зрителям только 50 серий (всего их 60), но многие жалуются, что эта «демьянова уха» уже стала поперек горла» (Комсомольская правда, 2013.05.16); «Полгода простоял Петр, «случайно» забытый скульптором, в сотне метров от «Медного всадника». Власти города долго думали, куда поставить эту «тарелку де-

мьяновой ухи», и, наконец отвезли монумент на монументальный комбинат, где он и родился» (Труд-7, 2005.07.28); «Но ведь любую музыку можно превратить в «демьянову уху»» (Труд-7, 2001.09.26); «А у нее, в свою очередь, вся жизнь омрачается болезненным вопросом: неужели он не понимает, как сильно я его люблю, что я ради него готова на все? Получается явный перебор, своеобразная «демьянова уха», которой он вскоре уже сыт по горло» (Труд-7, 2000.09.14). Только один контекст свидетельствует о полной фразеологизации оборота, тем более что компонентный состав устойчивого сочетания расширяется дополнительным элементом: «Так, может, все-таки есть какой-то способ сделать все то, что выплескивают в ходе «Осени» на публику в виде такой музыкальной демьяновой ухи, более доступным слушателям?» (Труд-7, 2000.12.15).

Итак, контексты употребления выражения демьянова уха показывают его достаточно тесную связь с породившим его произведением, т.е. практически во всех случаях прецедентный текст басни И. А. Крылова актуализируется.

Бешеные деньги

Впервые выражение встречается в пьесе А. Н. Островского «Праздничный сон – до обеда» (1857), где Матрена говорит Балзаминову: «Триста тысяч! Не верю. У кого же это такие деньги бешеные, что за тебя триста тысяч дали». Популярности оборота способствовало его употребление в качестве другой пьесы А. Н. Островского – «Бешеные деньги» (1869), где объясняется мотивировка словами героя Телятева: «Знаете ли, я недавно догадался, отчего у нас с вами бешеные деньги. Оттого, что не мы сами их нажили». Употреблен оборот и в пьесе «Без вины виноватые» (1883) (слова Шмаги)» [1, с. 186]. Как видим, драматург намеренно вводил словосочетание в

употребление, осознавая его важность для выражения своих идей.

В современном публицистическом дискурсе *бешеные деньги* употребляются весьма активно. Так, газетный корпус показывает 352 вхождения оборота в 346 документах. Из этого количества употреблений только два называют саму пьесу А. Н. Островского: «*Лежащая в основе спектакля пьеса «Бешеные деньги» сегодня звучит вполне актуально – тут бесконечно говорят о кредитах, бюджетах, банкротстве и коррупции»* (Известия, 2014.02.07); «*Единственная вольность, которую себе позволил режиссер, – в сюжет «Бешеных денег» он вмонтировал несколько эпизодов из «Бесприданницы» — их перед публикой разыгрывает Сашенька Негина из «Талантов и поклонников»»* (Известия, 2014.02.07).

Употребление выражения *бешеные деньги* в кавычках свидетельствует о том, что оно воспринимается в некоторой мере как цитата, но, видимо, с исходным текстом не связывается: «*Но это все пока только слова, так как руководитель НИИ транспорта и дорожного хозяйства Михаил Блинкин относится к проекту с большим скепсисом, так как, по его мнению, он будет стоить «бешеных денег»»* (Известия, 2012.12.06).

Во многих случаях *бешеные деньги* употребляются во фразеологическом значении 'об очень крупных суммах денег, нажитых быстро и не собственным трудом' [1, с. 186]: «*Найди такого сумасшедшего коллекционера, который купит за бешеные деньги заведомо краденую вещь?!»* (Комсомольская правда, 2014.06.24); «*Но ситуация вдруг переменилась, объясняет менеджер: чиновники, попавшие под санкции США, Канады и Евросоюза, в том числе Аркадий Ротенберг, «пытаются вложить бешеные деньги хоть куда-то в России»»* (РБК Дейли, 2014.04.07).

При этом сема нечестности этих денег, их случайности, «незаслуженности», важная для А. Н. Островского в значении оборота *бешеные деньги*, чаще всего утрачивается в современном употреблении, акцент делается на их огромном количестве: «*Вернее, икра еще есть, но она в большом дефиците и стоит бешеных денег»* (Комсомольская правда, 2014.06.18); «*Это самое вопиющее безобразие, ведь РАН управляет и владеет землями в центре Москвы, за которые застройщики готовы драться, они стоят бешеных денег»* (Известия, 2014.05.27); «*Потребуют с организаторов бешеные деньги на высадку газонов»* (Известия, 2014.01.23); «*Потому что прокат именно в этих странах приносит бешеные деньги»* (Комсомольская правда, 2013.06.20); «*Правда, оба – полузащитники, а значит в случае чего жертвовать придется ... купленным за бешеные деньги Мартинесом»* (Советский спорт, 2013.03.21); «*Может так оказаться, что нам снова придется платить бешеные деньги за интернет»* (Комсомольская правда, 2013.02.26); «*Я слушала Деда Мороза, согласно кивала и думала, о том что многие люди бешеные деньги платят за курсы «Как стать счастливым?»»* (Комсомольская правда, 2013.01.10).

Как видим, фразеологизм *бешеные деньги* существует в современной русской речи самостоятельно, изолированно от исходного текста, т.е. в большинстве употреблений прецедентный текст А. Н. Островского не актуализируется.

Человек в футляре

Литературный персонаж появился в одноименном рассказе А. П. Чехова 1898 г., это учитель древних языков Беликов, «который полностью отгородился от современной ему действительности: "... У этого человека наблюдалось постоянное и непреодолимое стремление окружить се-

бя оболочкой, создать себе, так сказать, футляр, который уединил бы его, защитил бы от внешних влияний"» [1, с. 747]. В газетном корпусе находим 43 употребления прецедентного феномена человек в футляре.

Сам рассказ А. П. Чехова неоднократно упоминается в газетных текстах: «Предельно аккуратно высказанное мнение Президента: «Когда из обязательной школьной программы исчезают Куприн, Лесков, Алексей Толстой, исчезает «Медный всадник» Пушкина, «Дама с собачкой» Чехова, «Человек в футляре» Чехова, исключаются стихи Ахмадулиной, Высоцкого, Окуджавы, то, конечно, сразу возникает вопрос: почему, что взамен?»» (Комсомольская правда, 2013.02.10); «Шолоховский «Тихий Дон» будут изучать по отдельным главам, нет «Медного всадника» Пушкина, гоголевских «Петербургских повестей», чеховских «Дамы с собачкой», «Человека в футляре», – потрясал брошюрой Миرون» (Комсомольская правда, 2013.01.25); «Рассказы «Лошадина фамилия» и «Человек в футляре» любят по 2% наших соотечественников» (РБК Daily, 2010.01.27).

Одно из свойств прецедентных текстов, по словам Ю. Н. Караулова, – «реинтерпретируемость: как правило, они перешагивают рамки словесного искусства, где исконно возникли, воплощаются в других видах искусств (драматическом искусстве, поэзии, опере, балете, живописи, скульптуре), становясь тем самым фактом культуры в широком смысле слова и получая интерпретацию у новых и новых поколений» [4, с. 217]. Об экранизации рассказа А. П. Чехова или его вариаций и идет речь в следующих контекстах: «Дальше два наших спектакля – «Пиковая дама» и «Человек в футляре»: мы создали свою антрепризу» (Известия, 2007.11.19); ««Человек в футляре»

(1939). Художественный фильм по одноименному рассказу Антона Чехова» (РИА Новости, 2010.02.02); «До этого я играла главную роль в ее дебютной картине «Человек в футляре, человек в пальто и человек во фраке» и в ее фильме «Вероника не придет»» (Труд-7, 2010.06.17); «Снялась в фильмах и сериалах ... «Человек в футляре, человек в пальто и человек во фраке», «Ванечка», «Беглянки»» (Труд-7, 2007.12.25).

Ряд употреблений связан с самим образом чеховского человека в футляре и его характеристиками: «Среди персонажей мелькнут герои многих чеховских произведений – Анна Сергеевна и Гуров, унтер Пришибеев, Толстый и Тонкий, Человек в футляре» (РБК Дейли, 2011.09.12); «Когда в волгодонской гимназии «проходили» Чехова, Сергей Маринченко устраивал целые диспуты на темы: «Что такое маленький человек?» или «Может ли быть современный учитель «человеком в футляре?»» (Труд-7, 2007.10.05); «Ну, будынок так будынок – помнится, еще человек в футляре полагал, что малороссийский язык превосходит по благозвучию греческий» (Известия, 2006.09.07). В других случаях делается акцент на модели поведения, подобной образу жизни героя А. П. Чехова, в частности на его опасливости, но речь идет уже не о самом произведении: «Сквозь жизнерадостный образ зенитовского футбола проглядывает, вот парадокс, образ опасливого «человека в футляре»: как бы чего не вышло» (Советский спорт, 2008.11.15); «Специалисты с началом сезона говорят о том, что «Рубин» сменил образ чеховского человека в футляре – команда много атакует и ваше первое место уже не сенсация» (Советский спорт, 2009.05.15).

Название рассказа А. Чехова давно уже стало устойчивым, так иронически отзываются 'о том, кто замкнулся в кругу

узких, мещанских интересов, отгородился от реальной жизни, боится нововведений и перемен' [1, с. 747]. Авторы словаря «Русская фразеология» аккумулировали исследования, затрагивающие вопросы употребления выражения *человек в футляре*, начиная с 1930-х гг. и заканчивая 2000 г., и пришли к подобному толкованию устойчивого сочетания. Однако проанализированные нами примеры употребления выражения в газетном корпусе свидетельствуют о том, что современные носители языка не имеют в виду какую-либо узость интересов, мещанство, в значении *человека в футляре* превалирует сема замкнутости, нелюдимости, а иногда и просто сдержанности: «Хорошо, когда человек высказывается, он становится яснее и понятнее. Это лучше, чем когда он ведет себя как человек в футляре или губернатор-невидимка» (Известия, 2012.10.17); «Хотя мой герой господин Эшенбах – типичный человек в футляре: замкнутый, сдержанный, невозмутимый» (Труд-7, 2007.07.04); «Ну не то чтобы совсем человек в футляре, но на контакты с новыми людьми иду не сразу, и если мне кто-то антипатичен, то держусь от него на расстоянии» (Труд-7, 2006.08.16); «Был ли Леннон на самом деле отшельником, человеком в футляре» (РИА Новости, 2005.12.13); «Ее муж Серебряков (Игорь Иванов), похожий на человека в футляре, никогда не отягощал себя проблемами совести» (Труд-7, 2004.06.18).

Иногда употребление оборота связано с внешним видом человека, происходит переосмысление выражения, появляется сема сдержанности и строгости в одежде и облике вместо внутренней характеристики героя: «По другую сторону баррикад – его старший брат Петер (Сергей Власов), черный человек в футляре, надежный винтик государственной системы» (Известия, 2013.02.12);

«От шеи до пят затянут в однообразно серый то ли халат, то ли парадный костюм, застегнутый на все пуговицы. Этаким симпатичный человек в футляре» (Комсомольская правда, 2001.10.16) (здесь также наблюдается расширение компонентного состава фразеологизма словом свободного употребления [10, с. 12]).

Другой пример деактуализации исходного прецедентного текста, изменения смысла, который вкладывался писателем в выражение *человек в футляре*, связан с переосмыслением внутренних качеств человека: замкнутый, опасливый → скучный, морализирующий (причем сам автор дважды ассоциируется с его персонажем): «А сам Чехов окончательно вырисовывался как скучный морализатор, человек в футляре» (Евгений Мелехов. Чехов и теперь живет всех живых, а его держат за бесполого человека в футляре (Комсомольская правда, 2002.08.12); «Действительно, многие до сих пор держат Антона Павловича за моралиста, этакого человека в футляре, автора цитаты о человеке, в котором все должно быть прекрасно» (Комсомольская правда, 2003.07.02); «Если эти ребята принесли моей стране дополнительный престиж, я готов простить им ... гораздо большие поступки, которые не понятны людям в футляре» (Советский спорт, 2011.01.11).

Анализ приведенных контекстов показывает, что выражение *человек в футляре* активно употребляется в публицистике как в качестве прецедентного феномена, актуализирующего представления о рассказе А. П. Чехова и его герое, так и во фразеологическом, переосмысленном значении. В последнем случае наблюдается семантическая трансформация оборота, сдвиг в сторону внешней характеристики героя публикации.

Таким образом, названия художественных произведений предоставляют широкие возможности использования их в речи. Создавая газетный текст, современные носители языка обращаются к ним в исходном виде, зачастую упоминая и автора, и жанр произведения (*рассказ А. П. Чехова «Человек в футляре»*), используют для актуализации содержащегося в прецедентном тексте содержания, закрепленного за этим выражением (*Прикус Демьяновой ухи остался*), а также употребляют их во фразеологическом значении, отвлеченном от исходного текста (*вложить бешеные деньги*), иногда трансформируя закрепившееся в языке за оборотом значение (*симпатичный человек в футляре*).

Список литературы

1. Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В. М. Мокиенко. 3-е изд., испр. и доп. М.: Астрель: АСТ: Люкс, 2005. 926 с.
2. Газетный корпус русского языка / Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgora.ru/search-paper.html>.
3. Захаренко И. В. Прецедентное имя и прецедентное высказывание как символы прецедентных феноменов / И. В. Захаренко, В. В. Красных, Д. Б. Гудков, Д. В. Багаева // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 1. С. 82-103.
4. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. Изд. 6-е. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 264 с.
5. Красных В. В. Система прецедентных феноменов в контексте современных исследований // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: Филология, 1997. Вып. 2. С. 5-12.
6. Панарина Н. С. Прецедентность как психолингвистическая категория // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Серия 2. Языкознание. 2015. № 2 (26). С. 128-135.
7. Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2017. 26 с.
8. Степыкин Н. И., Полхова Ю. А. Анализ коммуникативных стратегий и тактик в ситуации конфликта (на материале телесериала "Scrubs") // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. Т. 37. № 3. С. 442-450.
9. Федоркина Е.А. Фразеологический фрагмент языка художественных произведений Е. И. Носова 1956-1962 гг. // Курское слово. 2004. № 1. С. 16-22.
10. Федоркина Е.А. Фразеология в художественном дискурсе Е. И. Носова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2006. 19 с.

Поступила в редакцию 05.12.18

UDC 811.161.1'373

E. A. Bepalova, Candidate of Philological Sciences, Associate professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: kbespalova@yandex.ru)

PRECEDENT PHENOMENA IN THE NEWSPAPER TEXT (BY THE EXAMPLE OF LITERARY WORKS TITLES)

The study of the peculiarities of actualization of precedent texts, including the functioning of precedent phenomena, at this stage of development of Linguistics is very relevant.

Among the ways of precedent phenomena manifestation in the language, literary texts titles play an important role. As time passes, such linguistic units can, in our opinion, break away from the text that generates them and exist independently as cultural signs that are steadily reproduced in the speech of native speakers. The stability of the composition, the reproducibility in the ready-made form, as well as the semantic integrity of the meaning (as for some of them) of such precedent phenomena give reasons to refer them to the field of phraseology.

In the dictionary Russian phraseology we identified more than 80 expressions, which are etymologically the titles of various literary works. The examples of the studied units use were selected from the newspaper corpus of Russian National Corpus.

The contexts of the use of the expression Dem'yanov's fish-soup show a rather close connection with the work that gave rise to it, i.e. the precedent text of Krylov's fable is actualized in almost all cases. The idiom big money exists in the modern Russian language independently, in isolation from the original text, i.e. in most recurrences the precedent text by A. N. Ostrovsky is not actualized. The expression man in the case is actively used in journalism as a precedent phenomenon, actualizing the idea of the story by A. P. Chekhov and the character of this story, as well as a phraseological, reinterpreted meaning. In the latter case, there is a semantic transformation of the expression, a shift towards the external characteristics of a protagonist of an article.

Thus, the titles of literary works provide ample opportunities for their use in speech.

Key words: precedent text; precedent phenomenon; title, actualization of precedent text; phraseological meaning; newspaper corpus.

For citation: Беспалова Е. А. Precedent phenomena in the newspaper text (by the example of literary works titles). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 28–36 (in Russ.).

Reference

1. Biriĥ A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya. Istoriĥo-ehimologičeskij slovar': ok. 6000 frazeologizmov*; ed. by Mokienko V. M. 3th ed. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., Lyuks Publ., 2005. 926 p.

2. *Gazetnyj korpus russkogo yazyka. Nacional'nyj korpus russkogo yazyka*. URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>.

3. Zaharenko I. V., Krasnyĥ V. V., Gudkov D. B., Bagaeva D. V. Precedentnoe imya i precedentnoe vyskazyvanie kak simvol'y precedentnyĥ fenomenov Yazyk, soznanie, kommunikaciya. *Sb. statej*; ed. by Krasnyĥ V. V., Izotov A. I. Moscow, Filologiya Publ., 1997, is. 1, pp. 82–103.

4. Karaulov Yu. N. *Russkij yazyk i yazykovaya lichnost'*. 6th ed. Moscow, LKI Publ., 2007. 264 p.

5. Krasnyĥ V. V. Sistema precedentnyĥ fenomenov v kontekste sovremennyĥ issledovanij. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya. Sb. statej*; ed. by Krasnyĥ V. V.,

Izotov A. I. Moscow, Filologiya Publ., 1997, is. 2, pp. 5–12.

6. Panarina N. S. Precedentnost' kak psiholingvističeskaya kategoriya. *Vestnik Volgogr. gos. un-ta. Seriya 2. Yazykoznanie*, 2015, no. 2 (26), pp. 128–135.

7. Panarina N. S. Psiholingvističeskoe modelirovanie mekhanizma realizacii precedentnosti. *Avtoref. diss. kand. filol. nauk*. Moscow, 2017. 26 p.

8. Stepykin N. I., Polhova Yu. A. Analiz kommunikativnyĥ strategij i taktik v situacii konflikta (na materiale teleseriala "Scrubs"). *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2018, vol. 37, no. 3, pp. 442–450.

9. Fedorkina E. A. Frazeologičeskij fragment yazyka hudozhestvennyĥ proizvedenij E. I. Nosova 1956–1962 gg. *Kurskoe slovo*, 2004, no. 1, pp. 16–22.

10. Fedorkina E. A. Frazeologiya v hudozhestvennom diskurse E. I. Nosova. *Avtoref. diss. kand. filol. nauk*. Kursk, 2006. 19 p.

УДК 811. 161

И. В. Бугаева, д-р филол. наук, профессор, Российский государственный аграрный университет-МСХА имени К. А. Тимирязева (Москва, Россия) (e-mail: bugaevaiv@mail.ru)

ТРАВЕЛОГ В РЕКЛАМНОМ ДИСКУРСЕ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖАНРА

*В статье представлены результаты исследования, посвященного анализу жанра **травелог** в зарубежном и отечественном жанроведении. Термин **травелог** в современной научной литературе встречается в нескольких значениях: литературный жанр, Интернет-жанр в социальных сетях, путеводитель, рекламный жанр. Во многих странах этот термин активен в туристской сфере и обозначает рассказ о путешествии, представленном в виде личных впечатлений. В российской научной литературе отмечена тенденция заменять термином **травелог** традиционные литературные жанры **путевые заметки, дневник путешественника, хождения, странствия** и т.д. Целью исследования является анализ этапов и причин трансформации жанра **травелога** как иллюстрированного рассказа о путешествиях в рекламный жанр туристской сферы.*

Для достижения поставленной цели анализируется история популярного интернет-проекта «FollowMeTo» («Следуй за мной»), основанного М. и Н. Османн. Путешествуя по разным местам, супруги фотографировали и размещали фотографии в социальной сети Instagram. Следующим шагом стало создание сайта для путешественников, которые хотели бы повторить маршруты.

Затем авторы стали размещать в разных социальных сетях влоги и бэкстейджи. Влоги – это аналог дневника, но не письменного, а видео, то есть это законченный видео-сюжет. Бэкстейдж – это ролик на тему того, что осталось за кадром, когда снимались сюжеты влогов. Бэкстейджи передают атмосферу съемок, их отличает неподготовленность речи и поведения участников съемок.

Следующий этап – создание авторского шоу «Следуй за мной» на Первом канале Российского телевидения. Бизнес-проект получил дальнейшее развитие в подготовке и издании печатных путеводителей по следам #FollowMeTo и коммерциализация проекта.

*В результате проведенного исследования предлагается следующее определение жанра: **травелог** – рекламный жанр туристической сферы, который представляет собой поликодовый текст, сочетающий визуальные и вербальные компоненты и выполняющий маркетинговую, коммуникативную, аксиологическую и эстетическую функции.*

Ключевые слова: *травелог; влог; бэкстейдж; рекламный жанр; Интернет-коммуникация; туристский дискурс; поликодовый текст.*

Ссылка для цитирования: Бугаева И. В. Травелог в рекламном дискурсе: трансформация жанра // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 37–42.

Впервые термин **травелог** употребил Б. Холмс (Berton Holms) в 1904 году, когда решил читать лекции в американских университетах, представляя широкой публике материалы своих путешествий. Выступления всегда сопровождались показом многочисленных фотографий и документальных фильмов, в чем автор видел особенность и ценность своих лекций [12].

Цель данного исследования – проанализировать этапы и причины трансформации жанра **травелога** от дневника путешествий до эффективного рекламного жанра туристской сферы. На примере российского проекта «FollowMeTo», заметного в международном пространстве **травелог**-проектов, рассмотрим этапы

развития проекта от серии фотографий в Инстаграмме до традиционной телевизионной передачи.

Для этого необходимо, во-первых, описать употребление термина **травелог** в научной литературе. Во-вторых, сравнить жанр **травелога** с другими жанрами, посвященными путешествиям. В-третьих, проанализировать причины трансформации жанра **травелога**.

Методологической базой настоящего исследования послужили труды отечественных и зарубежных ученых в области генристики [3, 5, 9, 11].

В научных текстах на английском языке слово **travelogue** встречается только в том значении, в котором его употреблял Б. Холмс. В других контекстах использу-

ется традиционная жанровая терминология, что подтверждает работа К. Гефардт «The idea of Europe in British travel narratives, 1789-1914», в которой термин *travel writing* «записки путешественника» употребляется в соответствии с литературными традициями XIX–XX веков [8]. Термин *travelogue* в зарубежном жанроведении обозначает только те книги, которые снабжены рисунками, фотографиями, картами [9, 10].

Во многих странах термин **травелог** активен в туристской сфере и обозначает рассказ о путешествии, представленном в виде личных впечатлений [11]. В качестве примера приведем популярное на Центральном телевидении Китая шоу «Travelogue», которое выходит на английском языке. Его цель – популяризация въездного туризма в Китай, информирование о заповедных местах, приглашение к путешествию, активизация интереса через эмоциональный рассказ очевидцев [13]. В англоязычном секторе Интернета есть сайты, которые дают рекомендации, как писать травелоги. Их советы напоминают наставления учителей на тему как писать школьные сочинения о каникулах. На этих сайтах различаются три жанра: a travel writing, a guide book, a travelogue, что соответствует следующим русским понятиям «записки путешественника», «путеводитель» и «травелог» [14].

В русском языке термин **травелог** впервые встречается у А. Эткинда в книге «Россия и Америка в травелогах и интернет-текстах», вышедшей в 2001 году [7]. Затем термин стал заменять давно известные в литературоведении традиционные жанры, например, *хождения, записки путешественника, путевой дневник, дневник путешествий, путевые записки, дневник паломника, путевые заметки, путевые записки дипломатов*, и даже *странствия души* [3, 4, 5]. В.М. Русаков в Энциклопедии «Дискурсология» дает следующее определение термина *травелог*: «Повествование о реальном или мнимом путешествии, форма субъектив-

но-творческого освоения действительности» [4, с. 172]. Далее он пишет: «Виды и жанры травелога весьма разнообразны, охватывают как устное предание (сказания о путешествиях и подвигах мифологических героев), так и литературу (научная литература – отчеты об экспедициях, словари и справочники, инструкции и т.п., художественная – так наз. «литература приключений», произведения о странствиях души в поисках ценностей и смысла» [4, с. 172-173].

Такое же расширенное понимание травелога находим у Е.Г. Басалаевой и О.А. Ружи, выделяющих целый ряд «жанров Интернет-травелога: отзыв, рассказ, отчет, дневник, комментарий, эксперимент, благодарность, инструкция» [1, с. 560]. Трудно согласиться с таким подходом, поскольку все перечисленные термины являются самостоятельными жанрами разных функциональных стилей. Таким образом, термин **травелог** в современной научной литературе встречается в нескольких значениях: во-первых, как литературный жанр; во-вторых, как Интернет-жанр в социальных сетях; в-третьих, как рекламный жанр.

Далее рассмотрим травелог в Интернет-проекте «FollowMe». Основателями проекта «FollowMe» («Следуй за мной») являются М.и Н. Османн. Путешествуя по разным местам, они много фотографировали и размещали фотографии в социальной сети Instagram. Самой известной фотографией, ставшей визитной карточкой проекта, и композиционной моделью для других фотографий, стал снимок, сделанный в Барселоне, на котором девушка, стоящая к объективу спиной, тянет за руку молодого человека, которого не видно. Кадр понравился, и они стали делать такие снимки везде, где бывали, и размещать в социальных сетях. По их мнению, такая композиция кадра передает устремленность к новому, стремление познать красоту окружающего мира. Но для зрителей создается впечатление, что девушка каждому протягивает руку и

приглашает следовать за ней. Фото-проект в результате получил такое название «FollowMe» («Следуй за мной»). На 10.02.2018 Instagram Мурада Османна <https://www.instagram.com/muradosmann/#> насчитывал 4,5 миллиона подписчиков.

Следующим шагом стало создание сайта для путешественников, которые хотели бы повторить маршруты М. и Н. Османн (<https://followmeto.travel/ru>). На сайте размещены не только серии фотографий и видеоролики из разных мест, но и рекомендации, тематически распределенные по традиционным рубрикам (рестораны, музеи, сувениры).

Многочисленная армия поклонников по всему миру позволила стать проекту известным и популярным, о нем стали писать западные журналисты, например, таких изданий, как Daily Mail, Reddit, BuzzFeed. Их стали приглашать на международные фотовыставки и в проекты известных компаний (Google, Samsung). Большую популярность принесли совместные проекты с NBC Channel и National Geographic. Закономерным стал новый проект – приглашение от руководства Первого канала Российского телевидения для авторского шоу «Следуй за мной».

Бизнес-проект получил дальнейшее развитие в подготовке и издании печатных путеводителей #FollowMeTo с полезными советами.

В социальной сети ВКонтакте авторы проекта FollowMeTo не только выкладывают фотоальбомы и видео-отчеты о путешествиях, но и активно коммуницируют с подписчиками, проводя опросы, узнавая мнение аудитории по разным вопросам, организуя конкурсы, тем самым поддерживают интерес к своему проекту и объединяют единомышленников. Творческий подход проявился в том, что они стали снимать псевдоисторические костюмированные ролики, посвященные, например, Китаю XV века, Византии XX века, Древнему Египту и т.д. [<https://vk.com/followmetoproject>].

Также в разных социальных сетях М.и Н. Османн размещают влоги и бэкстейджи. На сегодняшний день влоги стали особой формой ведения блога, где основным средством передачи информации является видео. Влог – это аналог дневника, только с использованием видеокамеры вместо тетради и ручки и размещением в соцсетях, что доступно большой аудитории. Влог – это законченный, целостный, смонтированный видео-сюжет, а бэкстейдж – это ролик на тему того, что осталось за кадром, когда снимались сюжеты влогов. Бэкстейджи передают атмосферу съемок, их отличает непосредственность, неподготовленность речи и поведения участников съемок.

Коммерциализацию проекта подтверждает тот факт, что на сайте появился раздел «Shop», в котором предлагается купить одежду и товары для путешествий с логотипом проекта [<http://shop.followmeto.travel>]. Также во всех соцсетях семьи Османн присутствует разнообразная баннерная реклама. Помимо этого встречается технология product placement. Эти факты подтверждают, что туристская тема стала способом монетизации фото- и видеоматериалов в соцсетях, а разные виды травелогов успешно используются в рекламных целях.

Как видим, на первых двух этапах развития проекта (фото в Instagram и сайты с сериями фотографий) – это был тревел-блог [2], а затем отмечается его трансформация в жанр путеводителя (guide) и на последнем этапе – в жанр рекламы.

В традиционных рекламных текстах образ автора практически не важен, достаточно только мастерства в написании продающих текстов и владения стилистическими средствами. В рекламе в Instagram и влогах на первое место выходит именно личность автора, степень его популярности в социальных сетях, уровень симпатии и доверия к нему подписчиков.

Оценив масштаб аудитории социальных сетей в Интернете, специалисты

по маркетингу и рекламе стали использовать этот канал для передачи рекламных сообщений. Так жанр травелога из записей в личном дневнике трансформировался в рекламный жанр и стал выполнять соответствующие функции.

Возвращаясь к дискуссии об употреблении термина «травелог», приведем аргументы, позволяющие разграничивать поликодовый жанр травелога и многочисленные письменные литературные жанры.

Безусловно, в травелоге и в дневнике путешественника (и в подобных литературных жанрах) присутствуют общие элементы: эмоциональность, красочность описаний; эффект присутствия автора; способ освоения чужого пространства и чужой культуры; степень драматизации событий; эстетизация; вопросы доверия и достоверности, открытости и откровенности. Но также отметим и существенные отличия, которые обобщены в таблице ниже.

Сравнение жанровых характеристик травелога и дневника путешествий

Характеристики	Рекламный травелог	Дневник путешествий
образ автора	Обычно не важен	Важна всегда
целевая аудитория	обычно сегментирована	не сегментирована
начальная мотивация	маркетинговая	личная (эго-документ)
конечная мотивация	прибыль	желание поделиться своими впечатлениями и эмоциями
цель	передача точной информации	передача информации через субъективное восприятие
иллюстративный ряд	обязателен	не обязателен
форма подачи информации	визуальная, визуально-вербальная, визуально-вербально-аудиальная	письменная

С момента своего возникновения в начале XX века травелог был короткометражным фильмом-путешествием, дополняемым устным рассказом. Изначально травелог сочетал в себе элементы разных семиотических систем, которые дополняли друг друга. Поэтому, на наш взгляд, не следует переименовывать классические литературные жанры путевой прозы модным термином [1, 4, 5, 8].

По нашему мнению, рекламный травелог представляет собой поликодовый текст, сочетающий визуальные (фотографии, видеоролики), вербальные, аудиальные (музыкальное сопровождение) компоненты, увлекательно рассказывающий о путешествии и выполняющий коммуникативную, информативную, мар-

кетинговую, аксиологическую и эстетическую функции.

Коммуникативная функция травелога состоит в передаче информации и одновременном убеждении потенциальных потребителей рекламного продукта. Информативная функция состоит в точной передаче актуальной для путешественников информации о месторасположении туристского объекта, времени работы, стоимости билетов и т.д. Маркетинговая функция состоит в том, чтобы сформировать покупательский спрос. Аксиологическая функция заключается в оценке явлений окружающего мира с точки зрения нравственных, этических, социальных ценностей. Эстетическая функция способствует развитию чувства прекрасного, воспитанию хорошего вкуса с помощью

фото- и видео-иллюстраций, на которых представлены пейзажи, памятники архитектуры, произведения искусства. Реализации этих функций способствуют личные искренние переживания авторов травелогов, что формирует доверие читателей. Адресат травелога, несмотря на дистантную опосредованную форму коммуникации, верит или готов верить тому, кто сам лично посетил данное место и добровольно делится собственным опытом.

Список литературы

1. Басалаева Е. Г., Ружа О. А. Интернет-травелог: к вопросу о лингвистической интерпретации // *Образы Италии в русской словесности: сб. статей / отв. ред. О. Б. Лебедева, Т. И. Печерская.* Томск: Нац. иссл. Томский гос. ун-т, 2011. С. 560–572.

2. Голикова Г. А. Туристический блог как жанр интернет-коммуникации // *Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе: межвуз. сб. научн. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Вып.12.* Орел: Изд-во Орловского гос. ин-та культуры, 2014. С. 271-279.

3. Милюгина Е. Г., Строганов М. В. Русская культура в зеркале путешествий: монография. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. 176 с.

4. Русаков В.М. Травелог // *Дискурс-ПИ.* 2015. Т.12. № 3-4. С.172-173.

5. Русский травелог XVIII-XX веков: коллективная монография / под ред. Т.И. Печерской. Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2015. 656 с.

6. Травелог. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Травелог> (дата обращения 20.07.2018).

7. Эткинд А. Толкование путешествий. Россия и Америка в травелогах и интертекстах. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.

8. Gephardt K. The idea of Europe in British travel narratives, 1789-1914. London: Ashgate Publishing Ltd., 2014. 248 p.

9. Muhic M. Reconstructing Empire or Striking Against it? Contemporary Travelogues of the Balkans // *The Balkans in Travel Writing / ed. by M. Krivokapic.* Cambridge Scholars Publ., 2015. pp. 97-118.

10. Ozola D. Theoretical aspects on travelogue in modern literature // *Journal of Comparative Studies. Komparativistikas Almanahs.* 2014. Issue 6. P. 81-91.

11. Smrutisikta Mishra. Travelogues: An Innovative and Creative Genre of Literature // *International Journal of English and Literature (IJEL).* 2014. Vol. 4, Is. 4, Aug 2014, pp. 45-50.

12. The Burton Holms Archive. URL: http://www.burto-nholmesarchive.com/?page_id=2 (дата обращения 28.02.2018).

13. Travelogue. URL <http://cctv.cntv.cn/lm/travelogue/> (дата обращения 20.07.2018).

14. Travelogues. URL: <http://www.travelogues.org/category/guide-and-tips/> (дата обращения 20.07.2018).

Поступила в редакцию 12.09.18

UDC 811. 161

I. V. Bugaeva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Russian Timiryazev State Agrarian University (Moscow, Russia) (e-mail: bugaevaiv@mail.ru)

TRAVELOGUE IN ADVERTISING DISCOURSE: TRANSFORMATION OF GENRE

The article presents the results of a study devoted to the analysis of the travelogue genre in foreign and domestic genre studies. The term travelogue in modern scientific literature is found in several meanings: literary genre, Internet genre in social networks, guide, advertising genre. In many countries, the term is active in the tourism sector and refers to the story of the journey, presented in the form of personal experiences. In the Russian scientific litera-

ture the tendency to replace the term travelogue traditional literary genres of travelogue, diary of a traveler, walking, travel, etc. The aim of the study is the analysis of phases of transformation travelogue as an illustrated story of the travels in the advertising genre in the tourism sector.

To achieve this aim, the history of the popular Internet project "FollowMeTo", founded by M. and N. Osmann is analyzed. Traveling to different places, the couple photographed and posted photos on the social network Instagram. The next step was to create a website for travelers who would like to repeat the routes.

Then M. and N. Osmann began to post in different social networks vlogs and backstage. Vlogs is an analogue of the diary, but not written, and video, that is, it is a complete video story. Backstage convey the atmosphere of the filming.

The next stage is the creation of the author's show "Follow me" on the First Channel of Russian TV. The business project was further developed in the preparation and publication of printed guides to the footsteps of #FollowMeTo.

As a result of the study, the following definition of the genre is proposed: travelogue is an advertising genre of the tourism sector, which is a polycode text that combines visual and verbal components and performs marketing, communicative, axiological and aesthetic functions.

Key words: advertising genre; travelogue; vlog; backstage; traveler's diary; Internet communication; tourism discourse.

For citation: Bugaeva I. V. Travelogue in advertising discourse: transformation of genre. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 37–42 (in Russ.).

Reference

1. Basalaeva E. G., Ruzha O. A. Internet-travelog: k voprosu o lingvisticheskoj interpretacii. *Obrazy Italii v russkoj slovesnosti*. Sb. statej; ed. by Lebedeva O. B., Pecherskaya T. I. Tomsk, 2011, pp. 560–572.
2. Golikova G. A. Turisticheskij blog kak zhanr internet-kommunikacii. Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse. *Mezhvuz. sb. nauchn. tr.*; ed. by Pastuhov A. G., is. 12. Orel, 2014, pp. 271–279.
3. Milyugina E. G., Stroganov M. V. *Russkaya kul'tura v zerkale puteshestvij*. Tver', 2013, 176 p.
4. Rusakov V. M. Travelog. *Diskurs-PI*, 2015, vol. 12, no. 3-4, pp.172-173.
5. *Russkij travelog XVIII-XX vekov*; ed. by Pecherskaya T. I.; Novosibirsk, Izd-vo NGPU Publ., 2015. 656 p.
6. Travelog. URL <https://ru.wikipedia.org/wiki/Travelog> (accessed 20.07.2018).
7. Ehtkind A. *Tolkovanie puteshestvij. Rossiya i Amerika v travelogah i intertekstah*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2001. 496 p.
8. Gephardt K. *The idea of Europe in British travel narratives, 1789-1914*. London: Ashgate Publishing Ltd., 2014. 248 p.
9. Muhic M. *Reconstructing Empire or Striking Against it? Contemporary Travelogues of the Balkans*. *The Balkans in Travel Writing*; ed. by Krivokapic M. Cambridge Scholars Publ., 2015. pp. 97-118.
10. Ozola D. Theoretical aspects on travelogue in modern literature. *Journal of Comparative Studies. Komparativistikas Almanahs*, 2014, is. 6, pp. 81-91.
11. Smrutisikta Mishra. *Travelogues: An Innovative and Creative Genre of Literature*. *International Journal of English and Literature (IJEL)*, 2014, vol. 4, is. 4, Aug 2014, pp. 45-50.
12. The Burton Holms Archive. URL: http://www.burto-nholmesarchive.com/?page_id=2 (accessed 28.02.2018).
13. Travelogue. URL <http://cctv.cntv.cn/lm/travelogue/> (accessed 20.07.2018).
14. Travelogues. URL: <http://www.travelogues.org/cat-egory/guide-and-tips/> (accessed 20.07.2018).

УДК 81'272

Т. Г. Волошина, канд. филол. наук, доцент, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)
(e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru)

Ю. С. Блажевич, канд. филол. наук, доцент, НИУ «БелГУ» (Белгород, Россия)
(e-mail: saro.sapin@yandex.ru)

ОСОБЕННОСТИ ИЗУЧЕНИЯ ЛИНГВОФОНИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В мировом развитии современного общества особое внимание уделяется фактору развития языковой политики в связи с необходимостью выделения одного или нескольких универсальных языков, которые будут способны выступать в роли связующего компонента в процессе международного общения. Общий язык необходим каждой стране с целью объединения и сплочения людей, говорящих на одном языке, для формирования языковой политики на различных социальных, экономических, политических уровнях глобального масштаба.

Жизнь общества в современном мире зависит от выбора политики монокультурализма, мультилингвизма, так же, как и от корректной расстановки лингвополитических сил, которые способны оказать влияние на развитие определенных национальных интересов государства в области языковой политики и места языка в мире. В сфере лингвистического фактора, который может воздействовать на мировую политику, особо примечательна роль лингвофонии, которая должна быть исследована в глобальном масштабе. Лингвофония в современной лингвистике понимается как лингвистическое, географическое, социальное, политическое и институциональное пространство, в котором действуют государственные и неправительственные акторы [13, с. 76].

Понятие «лингвофония» конкретизируется в двух аспектах: как весь говорящий на данном языке мир, объединяющий различные страны и народы, и как организации, обладающие способностью координировать, регулировать и отстаивать интересы государств и народов в мировом сообществе.

В нашей работе мы проводим анализ такого варианта лингвофонии, как англофония, в силу доминирующей роли английского языка на мировой арене в период глобализации.

Ключевые слова: языковая картина мира; глобализация; английский язык; лингвофония; англофония; лингвокультура; лингвофонетический круг; словарный состав; взаимопроникновение культур; языковая ситуация.

Ссылка для цитирования: Волошина Т. Г., Блажевич Ю. С. Особенности изучения лингвофонии в условиях глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 43–48.

Развитие словарного состава любого языка находится в непосредственной зависимости от развития общества. В процессе эволюции появляются новые реалии, понятия и, соответственно, новые наименования. Современные языковые изменения напрямую связаны с социальными, политическими и экономическими тенденциями, что позволяет нам обсуждать инновации в языке не только с использованием лингвистических терминов [1, с. 156].

Устранение информационных барьеров, усиление миграционных движений способствуют взаимодействию языков и культур. Наиболее ощутимым следствием такого взаимодействия является обо-

гащение словарного состава за счет заимствований, большая часть которых в настоящее время – это заимствования из английского языка.

В теории языка категория языковых изменений в целом не получает четкого определения, однако эта нечеткость не мешает лингвистам констатировать языковую изменчивость. В нашем исследовании на выявление языковых изменений, которые вызваны процессами глобализации, направлено понятие «языковые следствия» [2, с. 56].

Среди работ российских ученых особое место занимают исследования, анализирующие влияние английского языка в эпоху глобализации в сфере политологии

и философии. Один из ведущих российских специалистов в области международной экономической интеграции Ю.В. Шишков в своей работе «Интеграционные процессы на пороге XXI века» рассматривает проблемы мировой экономики, региональной интеграции и международного производственного кооперирования [9, с. 139].

Отечественные исследователи В.С. Ягья, Н.В. Блинова уделяют особое внимание аспекту глобального влияния английского языка на ход мировой политики [10, с. 106]. По мнению исследователей, страны – исходные носители языка – реализуют программы по вовлечению в свой лингвофонетический круг все большего числа людей из разных государств. В результате английский язык сегодня широко используется в качестве инструмента внешней политики государств, мировой экономики, международного культурного взаимодействия, в научной и образовательной сфере [6, с. 4-6; 7, с. 45-71; 8, с. 112-131].

На современном этапе развития лингвистики особое внимание, на наш взгляд, уделяется развитию англофонии на территории Африки, что было отражено в трудах российских ученых, которые непосредственно изучают проблемы военных режимов в африканских странах. Среди них на первое место следует поставить труды Г.И. Мирского, Р.Э. Севортьяна, Ю.Г. Сумбатяна. Большой вклад в разработку актуальных проблем африканистики вносит Институт Африки РАН, среди последних публикаций следует отметить справочно-монографическое исследование «Страны Африки 2002»; «Африка. Энциклопедический справочник», 2010.

Необходимо отметить, что в России сложился высококвалифицированный и известный за пределами страны выдающийся отряд африкановедов, среди кото-

рых особую роль занимают исследования в области африканской политологии [5; 6].

В своем исследовании В.С. Ягья и Н.В. Блинова при изучении воздействия лингвистического фактора на мировую политику выделяют роль *лингвофонии*, которую следует рассматривать как глобальное явление. Авторы используют термин «*лингвофония*», говоря об «*испанофонии в контексте глобализации*». Лингвофония понимается ими как «*лингвистическое, географическое, гуманитарное, социальное, политическое и институциональное пространство, на которое действуют государственные и неправительственные факторы*» [10, с. 104].

В рамках отечественных исследований дефиниция лингвофонии конкретизируется в двух аспектах:

– как весь говорящий на данном языке мир, объединяющий различные страны и народы;

– как различные институты (организации), координирующие, регулирующие и отстаивающие интересы этих государств и народов в мировом сообществе [10, с. 102].

В работах зарубежных исследователей при анализе распространения английского языка и культуры в русле сотрудничества англоязычных стран мы встречаемся с термином «англофония (*anglophonia*)». В англоязычных источниках находим следующую дефиницию этого слова: «*the community of English-speaking people (in a specific country or internationally)*» [15, с. 22]. Англофония – сообщество англоговорящих людей (на территории определенной страны или в различных странах).

В свою очередь, люди, участвующие в анализируемом процессе, определяются как «англофоны»:

Anglophone is an English speaking person, especially one in a country where

two or more languages are spoken [12, с.124].

Англофон – человек, говорящий на английском языке, особенно в стране, где официальными являются два и более языков.

Другой британский филолог, языковед-англицист Д. Кристалл уделяет внимание проблеме возникновения и развития глобального английского языка. В этой связи он говорит о трех аспектах глобализации английского языка: экономическом, политическом и культурном. В русле экономического аспекта глобализации автор рассматривает тенденцию роста взаимодействий государств, в результате чего происходит объединение в региональные экономические союзы с учреждениями национальных управленческих структур. В свою очередь, политический аспект глобализации подразумевает политическую консолидацию различных субъектов и международного права. Эти два аспекта предполагают наличие универсального средства общения между различными государствами, и английский язык прекрасно справляется с этой ролью. Третий аспект – культурная составляющая глобализации. Необходимо отметить, что в основе культурных традиций народов находится их исторический духовно-религиозный опыт, а идеологию можно рассматривать как одно из проявлений культуры, то есть идейно-культурное содержание процесса глобализации является не менее значимой частью, чем первые два ее аспекта [11, с.84-116]. Автор отмечает, что историко-географический обзор в сфере анализа культурного аспекта помогает увидеть, как происходил этот процесс в исторической перспективе [11, с. 112].

В своих работах Р. Филлипсон рассматривает глобальную роль английского языка в терминах языкового империализма. Выбор языка, по мнению автора, определяется сложной системой факто-

ров, таких как демографические изменения, урбанизация, новые формы коммуникации, международное разделение труда и другие. В настоящее время все они претерпевают значительные изменения что, безусловно, отразится на статусе глобального английского [14, с. 26].

Все эти работы рассматривают процесс влияния англофонии в сфере политических, экономических, философских исследований. В нашем исследовании мы используем термин «англофония» в рамках лингвистических, социальных, культурных особенностей влияния английского языка на другие страны.

В работах современных исследователей отмечается значительная вариативность английского языка в современном мире. В качестве отправной точки исследования мы берем известную модель, предложенную в середине 1980-х годов Брэджем Качру, в которой представлены три круга распространения английского языка: *внутреннего круга*, включающего страны, где английский язык – первый (чаще всего официальный) или доминирующий язык: Уэльс, Ирландия, Шотландия, США, Великобритания, Канада, Австралия и Новая Зеландия; *внешнего круга*, охватывающего страны, где английский язык в силу определенных исторических, политических, экономических факторов в течение долгого времени исполнял институциональные функции и в настоящее время играет важную роль в образовании, государственном управлении, культуре: Индия, Нигерия, Пакистан, Сингапур, Южная Африка и др.; и *расширяющегося круга*, в котором представлены страны, где английский язык никогда не являлся официальным, но выполняет определенные функции, ориентируясь, главным образом, на внешние отношения, и изучается как иностранный: Россия, Китай, Индонезия, Иран, Япония, Корея, Непал и др. [13, с. 147].

Но языковая ситуация на сегодняшний день меняется очень быстро. Сегодня в Великобритании и США носителей английского языка становится все меньше – за счет увеличения числа иммигрантов, для которых английский язык остается вторым, т.е. эти пользователи не являются теми, кто устанавливает языковую норму [3, с. 71-77; 4, с. 130-132]. В странах внешнего круга – бывших британских колониях, где английский язык исторически выполнял и продолжает выполнять роль второго официального языка (Индия, Сингапур, Филиппины, Танзания и др.), также происходят изменения. Если 30-40 лет назад в этих странах представители среднего класса были практически билингвами, то сегодня это положение во многом утрачено. Зато в странах третьего круга изучение английского языка идет «ударными темпами». Возникла целая индустрия обучения английскому языку, который является своеобразным пропуском в мир бизнеса, науки, инновационных технологий, политики. Дэвид Кристал отмечает, что впервые в истории среди людей, говорящих на отдельно взятом языке, число носителей языка в три раза превышает число носителей языка. В связи с этим многие преподаватели и даже ученые-лингвисты считают, что нет необходимости заставлять студентов имитировать речевые образцы носителей языка, если можно обойтись аппроксимацией, которая не ведет к нарушению акта коммуникации [11, с. 209].

Более того, появились такие разновидности английского языка (New Englishes), как Hinglish (хинди+английский) в Индии, Japlish (японский+английский) в Японии, Singlish и Chinglish (китайский+малайский и китайский+английский) в Китае, Englog (тагальский+английский) на Филиппинах, Spanglish (испанский+английский) в Мексике, Пуэрто-Рико и США. В Южной Африке у

определенной части населения с высоким образовательным уровнем и социальным статусом принято говорить на английском языке с включением элементов языка хауса. Это рассматривается как проявление патриотизма и культуры антиапартеида: «чистый» английский язык – язык колонизаторов, язык хауса – один из контактных языков южной части африканского континента [11, с. 65]. Отметим, что New Englishes являются не просто пиджинами, но родными языками для нескольких поколений, выросших в условиях своеобразной лингвокультуры.

Таким образом, в настоящее время в современном обществе наблюдается тенденция поиска универсального средства коммуникации в международной сфере, языка, способного обеспечить понимание людей различных стран в сфере политики, экономики, бизнеса, образования. Одним из наиболее приемлемых вариантов решения этого дискуссионного вопроса является, на наш взгляд, использование английского языка в этих целях. Распространение английского языка по всему миру и влияние его на культуру других стран рассматривается в терминах англофонии. В работах отечественных и зарубежных ученых анализу подвергаются сущность и исследования англофонии в политической, экономической, социальной, культурной, лингвистической сферах. В результате влияния английского языка образовались так называемые языки-гибриды; при этом вновь образовавшиеся языки не являются собственно пиджинами, а представляют собой родные языки, на которых говорят несколько поколений людей.

Список литературы

1. Багана Ж. Судьба европейского языка в Африке: Социолингвистические и лингвокультурологические особенности французского языка в Конго. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2003. 192 с.

2. Багана Ж., Хапилина Е. В. Контактная лингвистика. Белгород: Изд-во БелГУ, 2007. 40 с.
3. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996, 411 с.
4. Волошина Т. Г. Некоторые аспекты терминологического ряда «Лингвofония», «Англофония» в работах отечественных и зарубежных исследователей // Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур. 2017. Вып.12. С. 128–133.
5. Клоков В. Т. Французский язык в Африке. Лингвокультурологическое исследование. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. 284 с.
6. Клоков В. Т. Английские заимствования в африканском и американском вариантах французского языка // Романо-германская филология. 2002. Вып. 2. С. 3-19.
7. Стернин И. А. О понятии лингвокультурной специфики языковых явлений. Язык. Словесность. Культура. М., 2011. 113 с.
8. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово, 2000. 624 с.
9. Шишков Ю. В. Интеграционные процессы на пороге XXI века. Почему не интегрируются страны СНГ. М., 2001. 480 с.
10. Ягья, В. С., Блинова, Н. В. Английский язык как фактор мировой политики // Философия. Культурология. Политология. Право. Международные отношения. 2007. С. 102–107.
11. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 316 p.
12. Falola T. Historical Dictionary of Nigeria. Lahman: The Scarecrow Press Inc, 2009. 473p.
13. Katchru B. The handbook of World Englishes. Maldan: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 833p.
14. Phillipson R. Linguistic imperialism and linguisticism. Oxford: OUP, 1992. 57 p.
15. Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (дата обращения: 28.01.2018).

Поступила в редакцию 06.11.18

UDC 81'272

T. G. Voloshina, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State University (Belgorod, Russia) (e-mail: tatianavoloshina@rambler.ru)

Y. S. Blazhevich, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Belgorod State University (Belgorod, Russia) (e-mail: sapo.sapin@yandex.ru)

LINGUAPHONE PECULIARITIES IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

In the world politics of modern society special attention is paid to the factor of language policy development, in connection with the urgent need to find one or more universal languages that will be able to act as a connecting component in the process of international communication. Each country needs a common language in order to unite people who speak the same language for the formation of language policy at various social, economic, political levels of domestic, regional or global scale.

In the field of linguistic factor, affecting world politics, particularly notable role is of the definition known as Linguaphone – the definition that needs to be researched on the global level. Linguaphone in modern linguistics is understood as a linguistic, geographical, humanitarian, social, political and institutional brunch, where there are governmental and non-governmental sectors of control. The concept of Linguophony is concretized in two aspects: as the totality of the entire language-speaking world, uniting all countries and peoples speaking this language, and as

various organizations that have the ability to coordinate, regulate and defend the interests of these States and peoples in the world community.

In the given research we analyze a variation of Linguaphone known as Anglophone, because of the global scale popularization and definite advantages of the role of English in the world.

Key words: language representation of the world; globalization; the English language; linguaphone; anglophonia; linguistic culture; phonetic level; the vocabulary; the interpenetration of cultures; language situation.

For citation: Voloshina T. G., Blazhevich Y. S. Linguaphone peculiarities in the context of globalization. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 43–48 (in Russ.).

References

1. Bagana Zh. Sud'ba evropejskogo yazyka v Afrike: Sociolingvisticheskie i lingvokul'turologicheskie osobennosti francuzskogo yazyka v Kongo. Saratov, 2003. 192 p.
2. Bagana Zh., Hapilina E. V. Kontaktnaya lingvistika. Belgorod, 2007. 40 p.
3. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996, 411 p.
4. Voloshina T. G. Nekotorye aspekty terminologicheskogo ryada «Lingvofoniya», «Anglofoniya» v rabotah otechestvennyh i zarubezhnyh issledovatelej. *Yazyk kak faktor integracii obrazovatel'nyh sistem i kul'tur*, 2017, is.12, pp. 128–133.
5. Klokov V. T. Francuzskij yazyk v Afrike. Lingvokul'turologicheskoe issledovanie. Saratov, 2000. 284 p.
6. Klokov V. T. Anglijskie zaimstvovaniya v afrikanskom i amerikanskom variantah francuzskogo yazyka. *Romano-germanskaya filologiya*, 2002, is. 2, pp. 3–19.
7. Sternin I. A. O ponyatii lingvokul'turnoj specifiky yazykovykh yavlenij. *Yazyk. Slovesnost'. Kul'tura*. Moscow, 2011. 113 p.
8. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikaciya. Moscow, Slovo Publ., 2000. 624 p.
9. Shishkov Yu. V. Integracionnye processy na poroge XXI veka. Pochemu ne integriruyutsya strany SNG. Moscow, 2001. 480 p.
10. Yag'ya, V. S., Blinova, N. V. Anglijskij yazyk kak faktor mirovoj politiki. *Filosofiya. Kul'turologiya. Politologiya. Pravo. Mezhdunarodnye otnosheniya*, 2007, pp. 102–107.
11. Crystal D. English as a global language. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 316 p.
12. Falola T. Historical Dictionary of Nigeria. Lahman: The Scarecrow Press Inc, 2009. 473p.
13. Katchru B. The handbook of World Englishes. Maldan: Blackwell Publishing Ltd, 2006. 833p.
14. Phillipson R. Linguistic imperialism and linguisticism. Oxford: OUP, 1992. 57 p.
15. Webster's Dictionary. URL: <https://www.merriam-webster.com> (accessed 28.01.2018).

УДК 811.11

Л. Э. Кузнецова, канд. филол. наук, доцент, Армавирский государственный педагогический университет (Армавир, Россия) (e-mail: lyudmila7@yandex.ru)

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ МЕТАФОРЫ В ПОНЯТИЙНОЙ СИСТЕМЕ ЧЕЛОВЕКА (НА ПРИМЕРЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ЛЮБОВЬ» В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ)

В статье рассматриваются результаты исследования концептуальной метафоры в рамках комплексного исследования концепта «любовь».

Концептуальная метафора представляет собой базовый принцип познания человеком окружающего мира: принцип формирования нового знания на основе уже имеющегося фонда знаний. Суть концептуальной метафоры – это осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода. Метафоры являются не искажением буквальных мыслей, а базовой схемой, с помощью которой люди концептуализируют собственный опыт и свой внешний мир.

Особенно ярко роль концептуальной метафоры проявляется при описании абстрактных категорий, идей и эмоций. А. Вежбицкая отмечает, что лингвокультурная специфика таких мировоззренческих универсалий, как «любовь» и пр., в достаточной мере трудноуловима, поскольку в них закодированы определенные способы концептуализации мира. Любовь как феномен психической и социальной жизни человека относится к числу явлений наиболее сложных и труднообъяснимых, поэтому роль метафоры в осмыслении подобного понятия очень высока. Метафорическое осмысление «любви» идет разными путями, поскольку те проявления чувства, с которыми мы сталкиваемся в жизни, чрезвычайно многообразны.

Сопоставление языкового материала показывает, что как для носителей английского, так и для носителей русского языка метафоры не являются элементами только поверхностной языковой структуры: они входят в когнитивный процесс и определяют сознание. Таким образом, роль метафоры в осмыслении нечетко очерченного понятия «любовь» представляется значительной и требует всестороннего глубокого изучения.

Исследование показывает, что для отражения различных областей концептуального поля используются различные концептуальные метафоры, причем пути, по которым идет осмысление отдельных свойств концепта «любовь», в английском и русском языках принципиально совпадают: для обоих языков характерно восприятие любви как войны, болезни, безумия, власти и движения.

Ключевые слова: лингвокогнитология; концепт; эмоция; метафора; концептуальная метафора.

Ссылка для цитирования: Кузнецова Л. Э. Концептуальные метафоры в понятийной системе человека (на примере исследования концепта «любовь» в русском и английском языках) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 49–55.

Термин «концептуальная метафора» появился в лингвистической литературе двадцатого века, когда работы ряда ученых заставили изменить традиционный взгляд на метафору лишь как на выразительное средство, принадлежащее, в первую очередь, художественной речи, и обратить внимание на роль метафоры в формировании когнитивного процесса.

Концептуальная метафора выделяется по контрасту с метафорическими выражениями, принадлежащими поверхностному уровню языка. В то время как последние передают конкретное ощущение или индивидуальное представление, концептуальная метафора отражает «первоначальную сущностную догадку», является основой иного видения мира и базисом для создания «передающих» метафор [1, с. 97].

Суть концептуальной метафоры – «осмысление и переживание явлений одного рода в терминах явлений другого рода» – есть базовый принцип познания человеком окружающего мира: принцип формирования нового знания на основе уже имеющегося фонда знаний. Особенно ярко роль концептуальной метафоры проявляется при описании непредметных сущностей (абстрактных категорий, идей, эмоций, для осмысления которых мы обычно используем свойства конкретных предметов или явлений обыденной жизни (например, любовь мы представляем как болезнь, а душу – как сосуд, вместилище) [2, с. 377].

В настоящей статье рассматриваются метафоры, в которых в качестве главного субъекта выступает концепт «любовь».

Поскольку любовь как феномен психической и социальной жизни человека относится к числу явлений наиболее сложных и труднообъяснимых, естественно было предположить, что роль метафоры в осмыслении подобного нечетко очерченного понятия будет очень высока. Это предположение полностью подтвердилось лингвистическими данными.

Лингвокогнитология сталкивается с трудностями при моделировании многокомпонентных ментальных объектов, обозначаемых абстрактными именами «калейдоскопических концептов», таких как «долг», «совесть», «любовь», которым приписывается свойство «текучести» [3, с. 64]. Концепты абстрактных имен называются «калейдоскопическими» по аналогии с названием оптического прибора-игрушки, при поворачивании которого заложенные в трубку стеклышки и камешки отражаются в системе зеркал и образуют меняющиеся цветные узоры [3, с. 177].

Люди ищут метафоры для того, чтобы более точно реализовать в своем сознании «абстрактный» концепт, представляющий определенную «ценность» или «анти-ценность», но который нельзя увидеть и ощутить. «Совесть», «честь», «любовь», «ревность» выкристаллизовывались из конкретных фактов деятельности человека, «сценарной» серии поступков, переживаний и эмоций. Они оценочны по своей природе (по принципу «плюс» – «минус»), всегда используются в контексте конкретных эмоциональных настроений [3, с. 180].

Эти концепты имеют нежесткую структуру, в силу чего их «структурное моделирование в принципе невозможно» [4, с. 15]. А. Вежбицкая отмечает, что лингвокультурная специфика таких мировоззренческих универсалий, как «красота», «свобода», «вера», «любовь», «истина» и пр., в достаточной мере трудноуловима, поскольку в них закодированы определенные способы концептуализации мира [5, с. 404].

Как и следовало ожидать, метафорическое осмысление «любви» идет разными путями, поскольку те проявления чувства, с которыми мы сталкиваемся в жизни, чрезвычайно многообразны. Любовь, например, может восприниматься как война, безумие, болезнь и т. п.

В ходе исследования концепта «любовь» нами были выявлены следующие концептуальные метафоры:

ЛЮБОВЬ – ЭТО ВОЙНА

Довольно часто понятием, в терминах которого объективируется «любовь», служит понятие «война», которое настолько вписалось в нашу повседневную реальность, что мы без него буквально «шагу ступить не можем» и склонны накладывать сетку представлений о войне на повседневную реальность:

His answers to her discretely playful interrogations about his past conquests were always discretely playful in return [12, с. 64].

She is besieged by suitors.

He made an ally of her mother [9, с. 49].

"I must have hurt you very much". "Not the way you think. I knew you loved me, and I could wait. I've always believed a patient man must win in the end."

В терминах войны свойственно понимать любовь и русским людям. Вот как пишет об этом И.С. Тургенев:

Будущий муж Анны Васильевны, Николай Артемьевич Стахов, завоевал ее на одном из этих балов.

Ей надоело его неотвязное преследование.

Привыкший к победам, он и тут скоро достиг своей цели, но легкость торжества не охладила его [6, с. 126].

Война, если она успешна, ведет к победе, а победитель получает награду. Точно так же оцениваются успехи и на «личном фронте».

Чувство само по себе и завоевание, и награда [8, с. 160].

И в любви, как и на войне, бывают предатели.

Когда один из двоих предает любовь, надо, чтобы другой продолжал хранить верность и веру [8, с. 119].

Для успешного результата иногда бывает необходимо осуществить сложную стратегию, а иногда лучше немедленно начать действовать:

Может быть, так и в любви. Не просчитывать заранее. Ввязаться, а там будет видно [8, с. 60].

Порой метафора раскрывается самим автором текста, который эксплицирует связи между двумя понятиями (любви и войны):

...Она, быть может, бросилась бы в битву, узнала бы страсть [6, с. 166].

Важно, что метафора «любовь – это война» является мотивированной. В принципе, мотивированность свойственна любой концептуальной метафоре (Дж. Лакофф использует в таких ситуациях термин «эмпирическое основание метафоры»), так как привычность соположения главного и вспомогательного субъектов необходимым образом требует определенного набора их сходных качеств. Сложность заключается в выделении какого-либо одного из этих качеств; скорее всего, здесь приходится иметь дело не с конечными истинами, а с «поиском оснований для отбора правдоподобного множества альтернатив» [8, с. 76].

Для метафоры «любовь – это война» представляется вероятной такая мотивация: любовь – это отношение, устанавливающееся, как минимум, между двумя людьми; при этом в зависимости от характера отношения любовь можно рассматривать как содружество или как антагонизм (вражду, войну).

ЛЮБОВЬ – ЭТО БОЛЕЗНЬ

Мотивацией другой концептуальной метафоры «любовь – это болезнь» может служить привычка рассматривать любовь не как отношение, а как чувство, что естественным образом подразумевает связь с носителем этого чувства – человеком. Наши переживания (как, впрочем, и душу) мы склонны связывать с чем-то внутри нас, с чем-то, находящимся под

телесной оболочкой. Возможно, этим объясняется устойчивость ассоциаций любви с болью и нездоровьем (ведь последние также, говоря метафорически, «обитают» в нашем теле):

Their marriage is on its last legs.

This is a sick relationship.

They have a strong, healthy marriage.

We're getting back on our feet [8, с. 49].

Было легче так думать, не так больно душе [8, с. 115].

Как только схлынула страсть, обмелела их река, обнажилось дно... Они стали ругаться, ругались постоянно из-за ничего! Это болела их любовь, откашливаясь несоответствиями и наконец умерла [8, с. 256].

She's sick, you know, I mean in her mind. She's madly in love with you again, it's the old disease, I was afraid it would come back. And one of the symptoms is she can't stand me.

When Fleur saw John Forsyte's, it was within her heart as if, in winter, she had met with honeysuckle. Recovering from that faint intoxication, she noted his appearance from further off. [12, с. 118].

О том, что понятия «любовь» и «болезнь» регулярно соотносятся в нашем сознании, говорят и приводимые в Oxford English Dictionary устойчивые выражения: love-sick (букв, больной любовью) и love-wounded (букв, раненный любовью).

Основой для подобных метафорических выражении служит концептуальная метафора «любовь – это болезнь». Интересно, что с понятиями «боль», «болезнь» человек связывает не только понятие «любовь», но и целый спектр эмоций, таких, как страх, беспокойство, волнение и т. д.

Concise Oxford Dictionary приводит следующие выражения: stung with envy – его зависть гложет (букв, жалит); pricks of conscience/remorse – угрызания (букв. уколы) совести; tortured with anxiety – мучимый беспокойством.

Иногда любовные переживания настолько болезненны, что «раны от них»

(прибегая опять же к метафоре) остаются на всю жизнь:

We are talking of a place where her spiritual wounds can heal.

Вполне возможно, что последний пример, как и ряд других, приведенных выше, воспринимается как художественная метафора. Тем не менее мы полагаем, что образность не исключает возможность того, что метафора входит в разряд концептуальных. Лингвистическая проблема здесь заключается в соотношении эпифорического и диафорического элементов, присущих каждой метафоре. Чем больше роль эпифоры, т. е. чем больше сходство между свойствами субъектов метафоры, тем менее яркой кажется нам метафора (что особенно заметно на примере стершихся метафор).

И, наоборот, чем сильнее ощущается диафорический элемент, т. е. несходство признаков субъектов, тем более образной мы воспринимаем метафору. Следует отметить, что огромное большинство необычных авторских метафор в художественном тексте (принадлежащих в основном к типу «передающих» метафор) базируется на концептуальных метафорах, формирующих наше языковое сознание. Более того, сами концептуальные метафоры, формулируемые в виде «S1 есть S2», в том числе и многие научные метафоры, служащие фундаментом для развития новых теорий, практически всегда оцениваются как ярко образные, в то время как эта образность зачастую не осознается носителями языка в расхожих выражениях, являющихся вариантами той же самой метафоры.

ЛЮБОВЬ – ЭТО БЕЗУМИЕ

Возвращаясь к понятию «любовь», рассмотрим еще один (наряду с понятием «болезнь») «антропометрический» вариант осмысления этого чувства – любовь – это безумие. Мы часто наблюдаем, как, влюбляясь, человек теряет голову и совершает самые непредвиденные поступки, руководствуясь своей особой, непонятной другим, логикой. То, что он считает рациональным и единственно воз-

можным, окружающие люди могут счесть неразумным и выходящим за рамки нормы. Это составляет основу для мотивации концептуальной метафоры любовь – это безумие.

I'm crazy about her.

She drives me out of my mind.

I'm insane about her.

He constantly raves about her [8, с. 49].

"You were crazy about him for a while", – said Catherine. "Crazy about him!" – cried Myrtle incredulously. "Who said I was crazy about him?" "The only crazy I was when I married him..." [12, с. 36].

А вот как говорим о любви мы:

Так знайте же, что я люблю вас, глупо, безумно [6, с. 177].

Его лицо было бессмысленным от недавней страсти [8, с. 119].

Содержательная сторона данной метафоры может послужить хорошим примером метафорического «освещения» и «затемнения» определенных аспектов понятия «любовь». И в самом деле, из фокуса внимания совершенно исчезает активная сторона взаимоотношений. Выделенной же оказывается пассивность: ведь сумасшествие – это, в первую очередь, полная утрата самоконтроля, это зависимость от внешних факторов, подчинение идущим извне импульсам. Нельзя, вероятно, отрицать, что подобное регулярное выделение одних характеристик понятия и устранение других служит важным механизмом когнитивного процесса и может приводить к переосмыслению понятий.

ЛЮБОВЬ – ЭТО ВЛАСТЬ

Для того чтобы отразить другой аспект структуры концепта «любовь», а именно активную сторону взаимоотношений, используется концептуальная метафора любовь – это власть.

She could give only to possess; and to possess him – whether because he was what he was, whether because possession was so imperative in her that it had to be constantly renewed... [12, с. 364].

Он сделался жестоким тираном ее души; Он уже начинал подчиняться ей, и Катя это чувствовала и не удивлялась; Над ней никто долго взять верх не может [8, с. 232, 221]; Она хочет, чтобы я принадлежал ей весь [8, с. 141].

Порой в качестве порабощающей силы выступает не объект любви, а сама эмоция. Подчиняясь ей, человек становится «рабом своих страстей», бессильным противостоять напору чувств.

I feel like a man possessed against his will.

I'm not in full command of my [12, с. 181, 177].

Мотивацией метафоры «любовь – это власть» служит опыт любовных взаимоотношений, где, как это часто бывает в жизни, пассивное начало сосуществует с активным и роли распределяются достаточно четко: есть лидер и есть ведомый, есть тот, кто подчиняет, и тот, кто подчиняется.

ЛЮБОВЬ – ЭТО ДВИЖЕНИЕ

Совсем с другой стороны раскрывается понятие «любовь» в концептуальной метафоре «любовь – это движение»:

Look how far we have come.

We'll just have to go our separate ways.

Our marriage is on the rocks.

We are stuck.

It has been a long bumpy road [6, с. 44].

For him she kept the closeness, the clinging and the languor of her eyes; but in those few minutes she let him know quite surely that love ran in her veins [6, с. 90].

Приведенные примеры хорошо демонстрируют такое свойство, как связность «передающих» метафор, основывающихся на одной концептуальной метафоре. Подчеркивая определенный аспект взаимоотношений людей, ни одно из рассматриваемых выражений не характеризует весь объект метафоризации в целом. Ведь нельзя сказать, что любовь – это пешая прогулка или вояж на корабле, хотя среди примеров и можно выбрать те, которые связаны с передвижением пеш-

ком, на машине, на корабле или на поезде. Как справедливо отмечал Дж. Лаккофф, связность им придает как раз тот факт, что все они – случаи метафоры «движения», хотя сами они и указывают на способ передвижения.

Рассмотрим один из примеров реализации «передающей» метафоры в стихотворении ливерпульского поэта Роджера МакГофа «40 – LOVE» [7, с. 142]:

Middle	aged
couple	playing
ten	nis
when	the
game	ends
and	they
go	home
the	net
will	still
be	be
tween	them

В этом стихотворении МакГоф использует ряд языковых стилистических средств для передачи одной основополагающей концептуальной метафоры. В то время как целевой образ – это наше понимание человеческих отношений, исходный образ метафоры происходит от игры и спорта, выражая формулу: человеческие отношения – это спортивная игра.

Диапазон уровней языка также используется в целях конкретизации выделенной концептуальной метафоры. Например, сетка, которая служит физическим барьером на теннисном корте, символизирует духовный и эмоциональный барьер между отчужденными супругами. Аналогичным образом, численная система подсчета очков в теннисе позволяет еще шире раскрыть метафору, где обращение к числу '40' в названии указывает на возраст пары и, также в обращении к слову "любовь" содержится метафорическая проекция образа спорта на более абстрактный целевой образ человеческих отношений. Происходя от французского «l'oeuf» (яйцо) (сходство яйца и изображения цифры «0»), образ счета в теннисе в значении "любовь" является каламбу-

ром. Таким образом, счет в любовной игре для пары средних лет равен нулю. В целом, стихотворение МакГофа удачно иллюстрирует идею новизны в метафоре, так как он предлагает концептуальные сопоставления между целевым и исходным образами в качестве яркого способа выражения метафоры.

Столь же широко метафора «движения» используется и в русском языке. Самым очевидным примером служит то, как мы описываем знакомство и расставание людей: они сходятся и расходятся – слова морфологически явно связаны с глаголом ходить; их знакомят, а заканчивается семейная жизнь порой разводом, т. е. люди не только ходят сами, их еще и водят, в чем опять просматривается «затемнение» активной стороны любви.

Примеры осмысления любви в терминах движения часто встречаются на страницах русской художественной литературы:

Романтик сказал бы: я чувствую, что наши дороги начинают расходиться, а я просто говорю, что мы друг другу приелись.

То незабвенное свидание выбросило ее навсегда из старой колеи [6, с. 225, 65].

Эта дорога от счастья – в никуда [8, с. 61].

Одним из наиболее вероятных оснований метафоры «любовь – это движение» представляется связь понятий «любовь» и «движение» через понятие «время». Поскольку любовь – это определенное душевное состояние, а категория состояния характеризуется некоторой временной протяженностью, то изменение состояния воспринимается как развитие во времени. Время, в свою очередь, воспринимается нами как пространство. Изменение же положения в пространстве как раз и определяется как перемещение, движение, что и составляет основу для мотивации концептуальной метафоры «любовь – это движение».

Таким образом, сопоставление языкового материала показало, что как для носителей английского, так и для носите-

лей русского языка метафоры не являются элементами только поверхностной языковой структуры: они входят в когнитивный процесс и определяют сознание. Нечетко очерченные явления психической жизни, к числу которых относится любовь, регулярно трактуются в обоих языках через метафору. Для отражения различных областей концептуального поля используются различные концептуальные метафоры, причем пути, по которым идет осмысление отдельных свойств концепта «любовь» в английском и русском языках, принципиально совпадают: для обоих языков характерно восприятие любви как войны, болезни, безумия, власти и движения.

Список литературы

1. Сергеева О. Н. Англо-русские параллели метафор, описывающие концепт любовь // Вестник СПбГУ. Сер-2. 1996. Вып. 2 (№ 9). С. 97-101.
2. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры. М., 1990. 420 с.
3. Бабушкин А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика: дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
4. Стернин И. А. Может ли лингвист моделировать структуру концепта? // Когнитивная семантика: материалы 2-й Международной школы-семинара по когнитивной лингвистике. Ч. 2. Тамбов, 2000. С. 13-17.
5. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
6. Тургенев И. С. Накануне. Отцы и дети. М., 1980. 365 с.
7. Stylistics: A Resource Book for Students Second Edition, Routledge: London and New York, 2014. 313 p.
8. Токарева В. Сказать – не сказать. Повести, рассказы. М., 1991. 450 с.
9. Lakoff G., Johnson M. Metaphors we live by. University of Chicago Press, 2003. 191 p.
10. F. Scott Fitzgerald. The Great Gatsby. Palmyra Classics, 194 p.

11. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. Boston.: Little, Brown and Company, 1969. 480 p.

12. Galsworthy J. The Forsyte Saga. New York, Charles Scribners sons, 1926. 870 p.

Поступила в редакцию 01.10.18

UDC 811.11

L. E. Kuznetsova, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Armavir State Pedagogical University (Armavir, Russia) (e-mail: lyudmila7@yandex.ru)

CONCEPTUAL METAPHORS IN THE HUMAN CONCEPTUAL SYSTEM (RESEARCH OF THE CONCEPT "LOVE" IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES)

The article examines the results of the study of the conceptual metaphor in the framework of a comprehensive study of concept "love".

Conceptual metaphor is a basic principle of man's knowledge of the surrounding world: the principle of the formation of new knowledge on the basis of the already available knowledge fund. The essence of the conceptual metaphor is the comprehension and experience of phenomena of one kind in terms of phenomena of a different kind. Metaphors are not a distortion of literal thoughts, but a basic scheme by which people conceptualize their own experience and their external world.

The role of the conceptual metaphor is clearly manifested in the description of abstract categories, ideas and emotions. A. Vezhbickaya notes that the linguistic and cultural specificity of such world universals as "love", etc., is rather difficult to capture, because certain ways of conceptualizing the world are encoded in them. Love as a phenomenon of a person's mental and social life is one of the most complex and difficult to explain phenomena, therefore the role of a metaphor in understanding such a concept is very high. The metaphorical comprehension of "love" goes in different ways, because the manifestations of the feelings that we encounter in life are extremely diverse.

The comparison of linguistic material shows that for the English speakers as well as for native speakers of Russian, metaphors are not the elements of only a superficial linguistic structure: they enter the cognitive process and define consciousness. Thus, the role of the metaphor in understanding concept "love" is significant and requires deep study.

The study of the areas of the conceptual fields in English and Russian has shown that they mainly coincide: the perception of love as war, illness, insanity, power and movement is a basic characteristic for both languages.

Key words: *linguconceptology; concept; emotion; metaphor; conceptual metaphor.*

For citation: Kuznetsova L. E. Conceptual metaphors in the human conceptual system (research of the concept "love" in Russian and English languages). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 49–55 (in Russ.).

Reference

1. Sergeeva O. N. Anglo-russkie paralleli metafor, opisuyvayushchie koncept lyubov'. *Vestnik SPbGU. Ser-2*, 1996, is. 2, no. 9, pp. 97-101.

2. MakKormak Eh. Kognitivnaya teoriya metafory. Moscow, 1990. 420 p.

3. Babushkin A. P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoy semantike yazyka, ih lichnostnaya i nacional'naya specifika. Diss. dokt. filol. nauk. Voronezh, 1997. 330 p.

4. Sternin I. A. Mozhet li lingvist modelirovat' strukturu koncepta? Kognitivnaya semantika. *Materialy 2-j Mezhdunar. shkoly-seminara po kognitivnoj lingvistike*. pt. 2. Tambov, 2000, pp. 13-17.

5. Vezhbickaya A. Yazyk. Kul'tura. Poznanie. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.

6. Turgenev I. S. Nakanune. Otcy i deti. Moscow, 1980. 365 p.

7. Stylistics: A Resource Book for Students Second Edition, Routledge: London and New York, 2014. 313 p.

8. Tokareva V. Skazat' – ne skazat'. *Povesti, rasskazy*. Moscow, 1991. 450 p.

9. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. University of Chicago Press, 2003. 191 p.

10. F. Scott Fitzgerald. *The Great Gatsby*. Palmyra Classics 194 p.

11. Fowles J. The French Lieutenant's Woman. Boston.: Little, Brown and Company, 1969. 480 p.

12. Galsworthy J. The Forsyte Saga. New York, Charles Scribners sons, 1926. 870 p.

УДК 81'23

В. А. Пищальникова, д-р филол. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (Москва, Россия) (e-mail: pishchalnikova@mail.ru)

Яо Чжипэн, аспирант, ФГБОУ ВО «Московский государственный лингвистический университет» (Москва, Россия) (e-mail: 735265556@qq.com)

СЛУЖИТЬ БЫ РАД – ПРИСЛУЖИВАТЬСЯ ТОШНО, ИЛИ ДИНАМИКА ЗНАЧЕНИЯ СЛОВА 殷勤的 В КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

Фундаментальные положения теории речевой деятельности позволяют рассматривать соотношение стимула и реакции как речевое действие, как речевой компонент коммуникативной ситуации. Поэтому на основе данных ассоциативного эксперимента возможно не только констатировать психологически актуальные значения лексем, не отмеченные в лексикографических источниках, но и более точно моделировать содержание и структуру картины мира. Авторы предприняли экспериментальное исследование содержания понятия 殷勤的 / услужливый в языковой картине мира носителей китайского языка и установили неодинаковую психологическую значимость составляющих его семантических компонентов и разную степень их смысловой динамики. Кроме того, выявились значимые расхождения между словарным и психологически актуальным значениями лексемы, обозначающей это понятие. Такое расхождение проявляется, во-первых, в наличии понятийных, эмоционально-оценочных, операциональных, предметных и иных ассоциаций, актуальных для носителей языка при активации слова-стимула; во-вторых, в количественном преобладании массива ассоциатов, не связанных с понятийными компонентами инвариантного значения, установленных в компонентном анализе лексемы; в-третьих, в наличии значительного числа ассоциатов, выражающих эмоциональное и оценочное отношение к слову, которое в системе языка является нейтральным. Это чрезвычайно важно для переводческой практики, опирающейся на ассоциативно-апперцепционную базу реципиента. Материалом исследования является массив реакций, полученных в пилотном свободном ассоциативном эксперименте, проведенном в декабре 2017 г. в Хэйхэском университете провинции Хэйлуцзян (КНР).

Авторы статьи экспериментально установили, что частотность негативных оценочных реакций на стимул 殷勤的 / услужливый, их качество и процентное соотношение с понятийными ассоциатами свидетельствуют о том, что в современном китайском языке негативная коннотация входит в ядро лексического значения этого слова. Таким образом, ассоциативный эксперимент позволяет моделировать не только динамику значения слова, опираясь на характер изменения его ассоциативного поля, но и констатировать начало этого процесса.

Ключевые слова: понятие; ассоциативный эксперимент; речевая деятельность; динамика лексического значения; моделирование лексического значения; картина мира.

Ссылка для цитирования: Пищальникова В. А., Яо Чжипэн. Служить бы рад – прислуживаться тошно, или динамика значения слова 殷勤的 в китайской лингвокультуре // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 56–64.

Введение

Исследование ассоциаций как источника моделирования вербальных значений, значимое для установления психологически актуальных содержаний, стоящих за словом, одновременно создает базу для решения ряда важнейших теоретических вопросов.

Со времени выделения психолингвистики в отдельную науку остается не вполне решенным вопрос, каким образом можно отличить словесные ассоциации, отражающие внутриязыковые связи, от ассоциаций, отражающих близость объектов референции; влияет ли характер

совокупности реакций, представленных в эксперименте, на способы, скорость и качество ассоциирования; существуют ли иные эффективные приемы, кроме вербального ассоциирования, для установления понимания слова; каково «собственно ассоциативное» содержание слова и др. [1; 2; 3].

Перечисленные вопросы дают основание констатировать, что переход от различных моделей типа «стимул – реакция» к «реальной» ассоциативной структуре слова требует повышенного внимания к принципам ассоциирования, типологии реакций и их интерпретации. Необходимо, во-первых, определить

принципы разграничения ассоциативных реакций, относящихся к области референции слова-стимула, и истинные ассоциации: первые, как правило, отражают ту или иную смежность словесных форм, вторые – внутренние психические состояния, порождающие реакции. Однако дело осложняется тем, что пока не выработаны процедуры отделения этих содержаний в вербальной реакции, где, как правило, пересекаются различные виды ассоциирования; практически очень трудно отграничить эмоциональный, ассоциативный и референциальный компоненты значения. Экспериментальные исследования показывают, что любой десигнат обладает некоторым эмоциональным значением [4]. Поэтому в свое время было предложено верифицировать данные свободного ассоциативного эксперимента, с одной стороны, компонентным анализом слов-стимулов, с другой – иными видами психолингвистических экспериментов – от разных видов шкалирования до семантического интеграла [5–7].

Во-вторых, ассоциативное состояние – это состояние актуализации потенциальных ассоциаций, поэтому каждая реакция – временная, и ее значимость для индивида надо проверять в лонгитюдном эксперименте.

В-третьих, ассоциативные реакции фиксируют интуитивные различия между словами, имеющими одинаковые или сходные области референции, например, стилистические, а это позволяет строить специфические модели значения слова с учетом логически не выделяемых компонентов.

Экспериментальные исследования показывают, что практически любой десигнат обладает некоторым эмоциональным значением [4], а это значение может быть выделено только при анализе ассоциатов.

В-четвертых, вслед за Ч. Осгудом мы считаем, что сравнительное изучение референции слов отражает относительность и фрагментарный характер мира понятий, а аффективная система значе-

ния – универсальные закономерности восприятия реалей, что может быть объяснено, например, врожденными ограничениями механизмов человеческих аффектов. Это еще одно основание для обязательной последующей верификации содержания реакций, полученных в свободном ассоциативном эксперименте, например, с помощью методики семантического дифференциала.

Исследователи чаще говорят о целостном характере значения слова, не определяя четких границ между компонентами значения. Однако выявленные в ассоциативном эксперименте корреляции между различными компонентами значения слова далеко не всегда подтверждают эту целостность. Например, высокая степень соответствий между ассоциативными и эмоциональными значениями может быть объяснена наличием некоторых аспектов референции слова, интегрирующих эти значения; вместе с тем возможна непосредственная связь между стимулом и эмоциональным значением, без промежуточной актуализации стратегии референции, а часть стимулов способна вообще проявлять или референтную, или эмоциональную функции. Поэтому, включая стимул в речевое действие, говорящий принципиально может актуализировать разные стратегии референции, что приводит к необходимости детального изучения связей компонентов значения друг с другом. В ассоциативном эксперименте, как правило, в силу временных ограничений на оперирование стимулом, периферийные ассоциативные и зависимые эмоциональные связи не актуализируются, поэтому можно полагать, что на активацию потенциальных ассоциативных связей влияет именно структура значения слова-стимула. Этому способствует и методика проведения эксперимента, по условиям которой исследуемые изолированные стимулы должны к тому же разделяться словами-дистракторами. В таком случае **выявляется значение не изолированного слова, а слова, включенного в высказывание, соотносимое**

с определенной коммуникативной ситуацией.

Исследование

В данной статье предпринимается попытка установить, в каких компонентах значения и почему исследователь может обнаружить начало изменения устойчивой структуры значения слова. Это, с одной стороны, отчасти уточняет теоретическую проблему принципов моделирования лексического значения и выявляет основу функциональной иерархизации его структуры, с другой – дает материал для сопоставления содержания определенных понятий, значимых для различных лингвокультур.

В процессе экспериментального исследования понятия «вежливость» в языковой картине мира носителей китайского языка обнаружили (1) неодинаковую значимость составляющих его семантических компонентов и (2) разная степень их динамики, выявившая значимые расхождения между словарным и психологически актуальным значениями. Одним из таких компонентов является реакция *殷勤的* / услужливый, которая стала стимулом в последующем корректирующем эксперименте.

Материалом исследования является массив реакций, полученных в пилотном свободном ассоциативном эксперименте, проведенном в декабре 2017 г. в Хэйхэском университете провинции Хэйлуцзян (КНР). В нем участвовали студенты 1-4 курсов разных факультетов в возрасте от 19 до 23 лет, из них 85 мужчин и 105 женщин; условия проведения эксперимента стандартные.

В ассоциативное поле стимула *殷勤的* / услужливый включены следующие ассоциаты: *小人*/подлый человек 14, *下属*/подчиненный 7, *人*/человек 6, *坏人*/плохой человек 5, *拍马屁*/подхалимство 5, *劳动*/трудиться 4, *没好事*/нет ничего хорошего 4, *服务*/обслуживание 3, *上下级*/руководящие и подчиненные 3, *请求于某*

人/просить кого-либо 3, *谄媚*/заискивать 3, *做事*/ведение дел 3, *狗腿子*/прислужник 3, *心怀叵测*/держаться за пазухой 3, *虚伪*/лицемерие 3, *卑躬屈膝*/низкопоклонство 3, *狡猾的*/хитрый 3, *巴结*/заискивать 3, *恭维*/комплимент 3, *勤劳*/трудолюбие 2, *汉奸*/предатель 2, *学生*/учащийся 2, *太监*/евнух 2, *班长*/староста группы 2, *奉献*/бескорыстный вклад 2, *非奸即盗*/ не стоит ожидать ничего хорошего, если угождают или льстят без причины 2, *卑鄙的人*/негодяй 2, *工人*/рабочий 2, *不怀好意的*/злонамеренный 2, *鞠躬*/кланяться 2, *假惺惺*/лицемерие 2, *讨厌*/надоест 2, *办事*/делать дело 2, *送礼*/делать подарки 2, *好人*/добрый человек 2, *贿赂*/взятка 2, *同学*/одноклассник 2, *虚伪的*/лицемерный 2, *对上级*/к руководящим 2, *假装*/притвориться 2, *虚荣*/тщеславие 2, *主动的*/активный 2, *园丁*/учитель начальных классов 2, *令人恶心的*/отвратительный 2, *员工*/сотрудник 2, *献花*/преподнести цветы 2, *花*/цветы 2, *称赞*/хвалять, *倒茶*/наливать чай, *表现*/проявление, *鬼*/чёрт, *利益*/польза, *机智的*/остроумный, *服务员*/официант, *谨慎*/осторожность, *男人*/мужчина, *女人*/женщина, *贪官*/продажный чиновник, *积极的*/активный, *不公正的*/несправедливый, *蜜蜂*/пчела, *黄鼠狼*/хорек, *面试者*/проходящий собеседование, *流氓*/хулиган, *圆滑的*/дипломатичный, *客套*/учтивость, *不舒服*/неудобно, *打招呼*/поздороваться, *你*/ты, *不好的*/плохой, *父母*/родители, *陌生人*/незнакомец, *讨巧*/словчить, *示好*/выразить расположение к кому-либо, *中国人*/китаец, *热情*/энтузиазм, *竞争*/конкуренция, *笨*/глупость, *贱人*/негодяйка, *勤奋*/усердно, *行为*/поведение, *坏事*/дурное дело, *我喜欢你*/я тебя люблю, *朋友*/друг, *我帮你*/я тебе помогу, *帮助*

/помочь, 狗/собака, 工作人员/работник, 农民/крестьянин, 握手/пожать руку, 问候/приветствие, 礼物/подарок, 添水/добавить воду, 老板/босс, 我不喜欢/мне не нравится, 某些人/некоторые людей, 谄媚的/заискивающий, 追求女生/ухаживать за девушкой, (190/98/2/51), 拒绝 отказ 2. (Здесь и далее перевод Яо Чжипэна. – В.П., Я.Ч.).

В авторитетных китайских толковых словарях *услужливый* определяется так: (1) «殷勤: (形) 热情而周到。如: 殷勤招待。» / радушный: (прил.) Любезный и обходительный. Например: *радушный прием* [8, 1624 页].

(2) «殷勤: (yīn -): ①情意深厚而周到。如: 殷勤服侍。②情意深厚。③勤勉。» / Заботливый: 1. Сердечный и обходительный. Например: *заботливый уход*; 2. Сердечный. 3. Прилежный [9].

(3) «殷勤: 1. 情意深厚。2. 指热情周到。3. 指巴结讨好。4. 衷情、心意。5. 借指礼物。6. 关注; 急切。7. 频繁, 反覆。8. 恳切丁宁。9. 勤奋。» / Заботливый: 1. Глубокая привязанность; 2. Гостеприимный; 3. Лстить и заискивать; 4. Сокровенные мысли; 5. Подарок; 6. Уделять внимание; неотложный; 7. Непрерывный, многократный; 8. Искреннее пожелание; 9. Прилежный [10].

Таким образом, в толковых словарях отражены семантические компоненты, так или иначе представляющие типы коммуникативных ситуаций, в которых реализуются характеристики человека, профессия которого требует от него проявления определенных качеств: подчиненности, расположения к людям, любезности и обходительности, гостеприимства, прилежности, чрезмерное проявление которых, однако, может проявляться в заискивающем и лстивом поведении.

Для удобства анализа полученных данных сгруппируем реакции ассоциативного поля [6]. Выделим прежде всего **понятийные** ассоциаты: 下 属

/подчиненный 7, 劳动/трудиться 4, 恭维/комплимент 3, 服务/обслуживание 3, 请求于某人/просить кого-либо 3, 做事/ведение дел 3, 上下级/руководящие и подчиненные 3, 对上级/к руководящим 2, 学生/учащийся 2, 员工/сотрудник 2, 勤劳/трудолюбие 2, 奉献/бескорыстный вклад 2, 鞠躬/кланяться 2, 好人/добрый человек 2, 虚荣/тщеславие 2, 主动的/активный 2, 办事/делать дело 2, 积极的/активный, 工作人员/работник, 机智的/остроумный, 谨慎/осторожность, 圆滑的/дипломатичный, 示好/выразить расположение, 勤奋/усердно, 帮助/помочь, 称赞/хвалить, 热情/энтузиазм, 客套/учтивость, 利益/польза, 我帮你/я тебе помогу.

В понятийных ассоциатах актуализируются сигнификативные семантические компоненты слова-стимула:

– социальный статус (*подчиненный, руководящие, руководящие и подчиненные*);

– труд на благо другого, готовность помочь, (*трудиться, делать дело, ведение дел, обслуживание, трудолюбие, бескорыстный вклад, помочь, я тебе помогу*);

– личностное отношение к характеру деятельности (*энтузиазм, активность, активный, выразить расположение, усердно*);

– специфика поведения, обусловленная социальным статусом, профессией (*комплимент, кланяться, учтивость, дипломатичный, хвалить, просьба, сотрудник, работник, осторожность*).

Все выделенные семантические компоненты интегрируются значением 'охотно оказывающий услуги кому-либо, готовый услужить; выражающий готовность услужить'.

Отметим, что среди ассоциатов есть слова, одинаково переводимые на русский язык, но имеющие отличительные семантические характеристики в китайском языке. Это говорит о несовпадении

структуры ассоциативных полей, ассоциативно-вербальной сети стимула 殷勤的 / услужливый в русской и китайской лингвокультурах и может опосредованно свидетельствовать о нетождественности фрагментов картины мира, связанных с содержанием данной лексемы. Так, слова, которые переводятся на русский язык лексемой активный, представляют разные семантические компоненты, демонстрируя специфичность ассоциативно-вербальной сети носителей китайской лингвокультуры, связанной, вероятно, с внутренней формой слов: «主动 (形) – 1. 不待外力推动而行动 (跟“被动”相对)。如: 主动性。主动争取。他工作很主动。2. 能够造成有利局面, 使事情按照自己的意图进行。主动权。争取主动。处于主动地位。» [8, 页 1778] / Активный: (прил.) 1. Действующий без помощи внешних факторов (в отличие от «пассивный»). Например: *Активность. Активно бороться за что-либо. Он очень активно работает.* 2. Могущий создать благоприятную ситуацию, для осуществления деятельности в соответствии со своими собственными намерениями. Например: *Инициатива. Принять инициативу. В активной позиции.*

主动 – «①不靠外力促进而自动: 主动关心同学。②能够由自己把握: 争取主动。» [9]; [10] / Активность: 1. Действует не благодаря внешним стимулам, а по собственной инициативе. Например: *Активно заботится о студентах.* 2. Может сам держать в своих руках. Например, *принять инициативу.*

主动 – «1. 主持发动。2. 指主持发动的人。3. 自发或自觉地行动。与「被动」相对。4. 造成有利局面, 使事情能按自己意图进行。与「被动」相对。» [8] / Активный: 1. Способный к инициативе. 2. Человек, который берет инициативу в свои руки. 3. Действовать по собственному желанию, (в отличие от пассивный). 4. Могущий создать благоприятную ситуа-

цию, для осуществления деятельности в соответствии со своими собственными намерениями (в отличие от пассивный).

积极 – «(形) 1. 肯定的; 正面的; 有利于发展的 (跟“消极”相对, 多用于抽象事物)。如: 起积极作用。从积极方面想办法。2. 进取的; 热心的 (跟“消极”相对)。如: 积极分子。他对于社会工作一向很积极。» [8, 页 630]; [9]; [10] / Активный: (прил.) позитивный, положительный, способствует развитию (в отличие от пассивный, чаще используется для номинации абстрактных понятий). Например: *Играет активную роль. Активно обдумывать способы.* 2. Целеустремленный, отзывчивый (в отличие от пассивный). Например: *Активист. Он всегда активно занимался социальной работой.*

Еще более очевидно динамика значения стимула 殷勤的 / услужливый проявляется в эмоционально-оценочной группе ассоциатов: 小人/подлый человек 14, 拍马屁/подхалимство 5, 坏人/плохой человек 5, 没好事/нет ничего хорошего 4, 谄媚/заискивать 3, 心怀叵测/держаться камень за пазухой 3, 虚伪/лицемерие 3, 卑躬屈膝/низкопоклонство 3, 狡猾的/хитрый 3, 巴结/заискивать 3, 狗腿子/прислужник 3, 假惺惺/лицемерие 2, 虚伪的/лицемерный 2, 假装/притвориться 2, 不怀好意的/злонамеренный 2, 讨厌/надоест 2, 令人恶心的/отвратительный 2, 贿赂/взятка 2, 卑鄙的人/негодяй 2, 汉奸/предатель 2, 非奸即盗/не стоит ждать ничего хорошего, если угождают или льстят без причины 2, 谄媚的/заискивающе, 流氓/хулиган, 不公正的/несправедливый, 贱人/негодяйка, 黄鼠狼/хорёк, 不好的/плохой, 讨巧/словчить, 贪官/продажный чиновник, 笨/глупость, 不舒服/неудобно, 我不喜欢/мне не нравится, 坏事/дурное дело, 鬼/чёрт.

Подавляющее число ассоциатов этой группы фиксируют явно негативную оценочность слова *услужливый* в китайском языке. Их можно выстроить в специфический лексический ряд, свидетельствующий о разной степени интенсивности негативной оценки и одновременно о ее устойчивости и даже обязательности в современном китайском языке. Наибольшей частотностью обладает реакция 小人/ подлый человек (14), в которой актуализируется сема «низкий в нравственном отношении, бесчестный», «выражающий низость, бесчестность», не отмеченная у лексемы 殷勤的 / услужливый ни в одном из китайских толковых словарей. Этот же компонент значения актуализирован частотными реакциями *подхалимство, низкопоклонство, заискивать, держать камень за пазухой, злонамеренный, лицемерный, дурное дело* и др.: 卑鄙 – «1. 卑微鄙陋。2. 低下粗俗。3. (品质、言行) 低级、恶劣。4. 指卑鄙的人。» / Подлый: 1. Простой, низкий (по положению, происхождению), невежественный. 2. Низкий. Вульгарный. 3 (моральные качества, слова и поступки) Низкий уровень, отвратительный. 4. Подлый человек [8]). Обратим внимание и на то, что, согласно китайским лексикографическим источникам, первое значение слова 卑鄙 / подлый – ‘низкий (по положению, происхождению), невежественный’, которое в русском языке является устаревшим. В то же время в актуальной речевой деятельности, судя по данным эксперимента, носители китайского языка это значение не используют.

Другие ассоциаты данной группы представляют разные негативно-оценочные содержательные компоненты лексемы 殷勤的 / услужливый, подчеркивая их психологическую актуальность для носителей языка:

– общая негативная оценка (*нет ничего хорошего, мне не нравится, плохой человек, плохой, не стоит ждать ничего хорошего если угождают или льстят без*

причины, отвратительный, хорёк, дурное дело, чёрт и др.);

– неблагоприятное поведение, осуждаемое в социуме (*взятка, продажный чиновник, хулиган, низкопоклонство* и др.);

– порицаемые свойства характера (*лицемерие, лицемерный, заискивать, заискивающе, держать камень за пазухой, предатель, глупость, словчить, притвориться, злонамеренный, негодяй, негодяйка*);

– функция людей низкого статуса (*прислужник*).

Таким образом, ассоциативный эксперимент не только выявляет психологически актуальные значения лексем, но и позволяет более точно моделировать содержание и структуру (языковой) картины мира. Неожиданностью картин мира подчеркивается и тем, что, как мы уже отмечали, анализируя группу понятийных ассоциатов, слова, одинаково переводимые на русский язык, не вполне совпадают по семантике в китайском языке. Так, 巴结: «1. (动) 趋炎附势, 奉承讨好。如: 巴结上司。2. <方> (形) 努力; 勤奋。他工作一直很巴结。» [8, 页 17]; [9]; [10] / Заискивать: 1. (гл.) Заискивать перед сильными мира. Льстить, угождать. Например: *Заискивать перед начальством*. 2. (диалект), (прил.) Усердный, старательный. Например: *Он всегда старательно работает*.

巴结: «1. 努力; 勤奋。2. 奉承; 讨好。3. 凑合; 勉强。» [5] / Заискивать: 1. (прил.) усердный, старательный. 2. Льстить, угождать. 3. Согласиться неохотно, через силу; Сойдет.

谄媚: «(动) 用卑贱的态度向人讨好。如: 谄媚上司。羞于谄媚。» [中国科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典 (第5版), 149 页] / Заискивать: (гл.). С низкими намерениями заискивать перед людьми. Например: *заискивать перед начальством. Стыдно заискивать*.

谄媚: «巴结讨好。» [8]; [9]; [10] / Заискивать (но негативный компонент

значения представлен сильнее). По-русски содержание данной лексемы, на наш взгляд, ближе к глаголу *лизоблюдовать*.

Частотность негативных оценочных реакций (100% от числа всех эмоционально-оценочных ассоциатов), их процентное соотношение с понятийными (31,05% понятийных реакций и 43,16% эмоционально-оценочных от общего числа ассоциатов на стимул) позволяют предполагать, что в современном китайском языке негативная коннотация уже входит в ядро лексического значения *殷勤的* / услужливый.

Основные выводы, сделанные на основании первых двух групп ассоциатов, подтверждаются и семантическими признаками, которые актуализируются в группе реакций-представлений: *太监* / евнух 2, *班长* / староста группы 2, *送礼* / делать подарки 2, *献花* / преподнести цветы 2, *花* / цветы 2, *园丁* / учитель начальных классов 2, *同学* / одноклассник 2, *倒茶* / наливать чай, *蜜蜂* / пчела, *面试者* / проходящий собеседование, *打招呼* / поздороваться, *中国人* / китаец, *竞争* / конкуренция, *服务员* / официант, *握手* / пожать руку, *问候* / приветствие, *礼物* / подарок, *添水* / добавить воду, *老板* / босс, *追求女生* / ухаживать за девушкой, *服务员* / официант.

Условно ассоциаты этой группы можно разделить на лексемы, которые по своей семантике так или иначе соотносятся с понятийными реакциями, но не называют их прямо:

– выявляющие характеристики зависимого поведения услужливого человека (*делать подарки, подарок, цветы, преподнести цветы*),

– выявляющие расположенность, доброжелательность человека (*ухаживать за девушкой, пожать руку, поздороваться, одноклассник*),

– необходимость учитывать зависимое положение от человека, стоящего

выше на социальной лестнице (*босс, староста группы, проходящий собеседование*),

– низкий социальный статус человека (*учитель начальных классов, евнух*),

– проявление услужливости как характеристики профессиональной деятельности (*наливать чай, добавить воду, приветствие, конкуренция, официант*),

– трудолюбие (*пчела*),

– стереотипное представление об услужливом человеке (*китаец*) и др.

Операциональные реакции связаны с реализацией грамматического отношения «признак + носитель признака»: *人* / человек 6, *学生* / учащийся 2, *工人* / рабочий 2, *工作人员* / работник, *员工* / сотрудник 2, *男人* / мужчина, *女人* / женщина, *你* / ты, *父母* / родители, *陌生人* / незнакомец, *行为* / поведение *朋友* / друг, *狗* / собака, *某些人* / некоторые люди, *表现* / проявление. (Отметим, что реакции *工人* / рабочий и *工作人员* / работник компонентов отличаются: так, в первой лексеме этимологически выделяются признаки ‘работа’ и ‘человек’, во второй – ‘работа’, ‘человек’, ‘делать’, ‘член организации, участник, сотрудник’, что детерминирует и разницу в их современном значении. Естественно, что ассоциаты этой группы реализуют не только это грамматическое отношение, но их семантика часто осложнена и другими компонентами, соотносимыми с интегративным содержанием лексемы *殷勤的* / услужливый. Например, в реакциях *учащийся, собака* реализуется сема «подчиненность», *работник, сотрудник* – «иерархичность», *проявление* – «актуализация признака», *родители* – «доброжелательность» и др. компонентов отличаются: так, в первой лексеме этимологически выделяются признаки ‘работа’ и ‘человек’, во второй – ‘работа’, ‘человек’, ‘делать’, ‘член организации, участник, сотрудник’, что детерминирует и разницу в их современном значении.

Выводы

Итак, опираясь на фундаментальные положения теории речевой деятельности, мы акцентировали, что ассоциативный эксперимент выявляет не значение слова, а позволяет на основании соотношения стимула и реакции как речевого действия, по сути, исследовать высказывание, мысленно включенное в определенную коммуникативную ситуацию. Это позволяет не только констатировать психологически актуальные значения лексем, не отмеченные в лексикографических источниках, но и более точно моделировать содержание и структуру картины мира. Так, в частности, экспериментально установлено, что частотность негативных оценочных реакций на стимул 殷勤的 / услужливый, их процентное соотношение по сравнению с понятийными позволяют предполагать, что в современном китайском языке негативная коннотация уже входит в ядро лексического значения этого слова.

Список литературы

1. Osgood Ch. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979. 236 p.
2. Бруннер Дж. Психология познания: за пределами непосредственной информации. М., 1977. 413 с.

3. Леонтьев А.А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969. 214 с.

4. Кинцель А.В. Экспериментальное исследование эмоционально-смысловой доминанты как текстообразующего фактора: дис. ... канд. филол. наук. Барнаул, 1998. 177 с.

5. Rommetveit R. Words, Meanings and Messages. Theory and Experiments in Psycholinguistics. NY; L.: Academic Press, Oslo: Universitets-forlaget, 1968. 328 p.

6. Пищальникова В. А. Проблема смысла поэтического текста: психолингвистический аспект: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1992. 356 с.

7. Пищальникова В. А., Сорокин Ю. А. Введение в психопэтику: монография. Барнаул, 1993. 209 с.

8.中国社会科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典 (第5版) – 北京: 商务印书馆, 2005年, 1870页.

9. 夏征农、陈至立 辞海 [Электронный ресурс]. URL: <http://cihai.supfree.net/two.asp?id=303452>.

10. 商务印书馆出版 新华字典 [Электронный ресурс]. URL: <http://xh.5156edu.com/html5/170598.html>.

11. 罗竹风 汉语大词典 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.guoxuedashi.com/hydc/439756r.html>.

Поступила в редакцию 06.11.18

UDC 81'23

V. A. Pishchalnikova, Doctor of Philological Sciences, Professor, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia) (e-mail: pishchalnikova@mail.ru)

Zh. Yao, Post-Graduate Student, Department of General and Comparative Linguistics, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia) (e-mail: 735265556@qq.com)

<I WILL> SERVE, WILLINGLY – BE OSEQUIOUS, NEVER, OR DYNAMICS OF THE MEANING OF THE WORD 殷勤的 PLEASING IN CHINESE LANGUAGE CULTURE

Fundamental statements of speech activity theory allow to view correlation of stimulus and reaction as a speech act, as a speech component of communicative situation. That is why we can state not only psychologically

relevant meanings of legend that are not mentioned in lexicographic sources but also model content and structure of the image of the world more precisely based on associative experiment data. The authors try to establish in which components of the meaning and why a researcher can discover the beginning of change in the stable structure of a word's meaning. This adds to the theoretical problem of lexical meaning modelling principles, identifies the ground for functional hierarchization of its structure, and provides material for juxtaposition of the content of the notions that are significant for different linguistic cultures. The authors conducted experimental research of the notion 殷勤的/pleasing in the language image of the world of Chinese native speakers and established unequal psychological significance of its semantic components and different degree of their dynamics. Besides, they discovered significant discrepancies in dictionary and psychologically relevant meaning of the lexemes denoting this notion. The material for this research is a pool of reaction data that was accumulated in the framework of a pilot free associative experiment conducted in Heihe College (Heilongjiang province, China) in December 2017. The authors conducted an experiment and discovered that frequency of negative assessment reactions to the stimulus 殷勤的, their quality and percentage ratio with notion associates attest that a negative connotation is included into the nucleus of this word's lexical meaning in modern Chinese.

Key words: concept; associations experiment; speech activity; dynamics of lexical meaning; modeling of lexical meaning; image of the world.

For citation: Pishchalnikova V. A., Zh. Yao. <I will> serve, willingly – be obsequious, never, or dynamics of the meaning of the word 殷勤的 pleasing in Chinese language culture. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 56–64 (in Russ.).

References

1. Osgood Ch. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979. 236 p.

2. Brunner Dzh. Psihologiya poznaniya: za predelami neposredstvennoj informacii. Moscow, 1977. 413 p.

3. Leont'ev A. A. Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'. Moscow, 1969. 214 p.

4. Kincel' A. V. Eksperimental'noe issledovanie ehmocional'no-smyslovoj dominanty kak tekstoobrazuyushchego faktora. Diss. kand. filol. nauk. Barnaul, 1998. 177 p.

5. Rommetveit R. Words, Meanings and Messages. Theory and Experiments in Psycholinguistics. R. Rommetveit. NY; L.: Academic Press, Oslo: Universitets-forlaget, 1968. 328 p.

6. Pishchal'nikova V. A. Problema smysla poehticheskogo teksta: psiholingvisticheskij aspekt. Diss. d-ra filol. nauk. Moscow, 1992. 356 p.

7. Pishchal'nikova V. A., Sorokin Yu. A. Vvedenie v psihopoehtiku. Barnaul, 1993. 209 p.

8. 中国社会科学院语言研究所词典编辑室 现代汉语词典 (第5版) – 北京: 商务印书馆, 2005年, 1870页.

9. 夏征农、陈至立 辞海. URL: <http://cihai.supfree.net/two.asp?id=303452>.

10. 商务印书馆出版 新华字典. URL: <http://xh.5156edu.com/html5/170598.html>.

11. 罗竹凤 汉语大词典. URL: <http://www.guoxue-dashi.com/hydc/439756r.html>.

УДК 81 23

Чжао Нань, аспирант, Московский педагогический государственный университет
(Москва, Россия) (e-mail: 54115387@qq.com)

ГРАДАЦИОННЫЕ ОТНОШЕНИЯ РУССКИХ ПАРЕМИЙ НА ОСНОВЕ АНТОНИМОВ

Паремии являются особыми единицами языка, имеющими культурную значимость и сложно организованную семантическую структуру.

Это замкнутые устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях.

Каждый язык хранит в себе уникальный набор таких единиц, которые отражают мышление представителей конкретного народа. В лингвистической науке паремии исследуются с точки зрения их семантики, структуры и тематической организации.

Данная статья уделяет внимание ряду аспектов этого лексического явления, в частности, семантике и структуре паремий; наиболее пристально здесь рассматривается категория градуальности на примере единиц русского языка. В лингвистических исследованиях понятие «градационные отношения» обычно связывают с объективно-субъективными отношениями в грамматическом аспекте. Градуальные оппозиции охватывают в лексико-семантической системе языка наиболее значительный пласт антонимов. Семантическое градуирование представляет собой универсальный метод изучения и описания языковых единиц и применяется для анализа градационных отношений в том числе и на уровне более крупных единиц – паремий. Основная цель статьи состоит в исследовании градационных отношений паремий, обладающих противоположным значением, в установлении степеней градации в семантике таких единиц. Анализу подвергаются антонимические отношения между паремиями с градуальной семантикой; делается вывод о количественно-качественном соотношении паремий: диаметрально противоположном лексико-семантическом содержании или же схожем значением их компонентов. Основными языковыми средствами выражения градации являются методы экспликации субъективной оценки, способы глагольного действия со значением меры и степени, степени сравнения прилагательных и наречий. Например: «Любишь говорить – люби и слушать» – это фазисная градация, которая передается с помощью повтора глагола. «Утро вечера мудренее» – в данной пословице циклический градационный ряд наречий: «утро – день – вечер – ночь», а степень сравнения имени прилагательного «мудренее» актуализирует градоним «более мудрый».

Изучение градуальной семантики даёт возможность подробнее описать даже самые незначительные дифференциации значений близких по смыслу паремий. Результаты семантического градуирования этих единиц могут послужить базой для составления их семантического словаря. Лингводидактический потенциал семантического градуирования заключается в том, что его можно использовать как один из способов семантизации паремий при обучении РКИ.

Ключевые слова: паремия; градационные отношения; градуатор; градуальность; градуальная семантика; градуальная оппозиция; шкала градации; антонимия.

Ссылка для цитирования: Чжао Нань. Градационные отношения русских паремий на основе антонимов // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 65–72.

Паремии, или пословицы и поговорки, исстари привлекали к себе внимание исследователей, специалистов многих сфер науки. В течение столетий ученые, философы и просто любители мудрого изречения и острого словца собирали паремии, анализировали и систематизировали их. Владимир Иванович Даль, великий русский лексикограф и собиратель фольклора, определяет пословицу как «коротенькую притчу, суждение, приговор, поучение, высказанное обиняком и пущенное в оборот, под чеканом народ-

ности» [4]. По мнению И. А. Молоткова, пословица в обобщенном виде констатирует **свойства** людей и явлений ('вот как бывает'), даёт им **оценку** ('то хорошо, а это плохо') или предписывает **образ действий** ('следует или не следует поступать так-то'). Обязательное наличие обобщения и весьма частое оценочно-предписывающее содержание образуют характерный для пословиц назидательный смысл [10, с. 18]. Отличительной чертой рассматриваемых единиц является их культурная значимость и сложно органи-

зованная семантическая структура [10, с. 108]. Л. Б. Савенкова под **паремиями** понимает замкнутые устойчивые в языке и воспроизводимые в речи анонимные изречения, пригодные для употребления в дидактических целях [Цит. по: 3, с. 24].

Паремийный корпус русского языка содержит изречения практически на любой случай жизни, характеризующие такие важные для носителя языка явления, как любовь, дружба, брак, деньги, труд, душа, горе, болезнь, смерть, надежда и т. д. Нередко встречаются пословицы с близким значением, например: «*Ранняя птичка носок прочищает (очищает), <a> поздняя глаза (глазки) продирает*» – ‘трудолюбивый человек уже наработается к тому времени, когда лодырь только просыпается’ [5, с. 274]; «*Долго спать, с долгом встать*» – ‘долго спать невыгодно, убыточно’ [там же, с. 107]. Синонимичные паремии обладают градосемами, которые определяют степень выраженности в них семантики, например, из двух приведённых паремий большей степенью градуальности обладает вторая, так как в ней смысл (тема трудолюбия) передаётся более определённее и интенсивно. В первой паремии использована метафоризация, иносказательная передача той же мысли (о необходимости для трудолюбивого человека рано вставать), и в семантике присутствует градосема ‘слегка, мило пожуришь’. Смягчению воздействия паремии на слушателя служит также использование в ней форм субъективной оценки имён существительных (*птичка, носок, глазки*). Общность семантики поддерживается применением в обеих паремиях антитезы, выраженной с помощью противопоставления частей и антонимичных лексем (*ранняя – поздняя, спать – встать*).

Наблюдаются и, наоборот, паремии, противоположные по смыслу, например: «*Не в деньгах счастье*» – ‘говорится, чтобы утешить, ободрить кого-либо, когда у него нет или мало денег’ [5, с. 202]

– «*За свой грош везде хорошо*» – ‘говорится с уверенностью, что деньги все-ильны’ [там же, с. 37]. Семантику данных паремий можно передать следующим образом: ‘деньги не очень важны’ и, соответственно, ‘деньги важны’. Вторая пословица более интенсивна по семантике, значит, её семантическая структура содержит градосему ‘уверенность в правоте’. Как видим, паремии, как языковые единицы, имеют синонимы и антонимы среди единиц своего уровня, а следовательно, могут вступать и в градационные отношения.

Цель доклада – анализ градационных отношений в русских паремиях, обладающих противоположным значением, установление степеней градации в семантике таких паремий. Пословицы, выступающие в речи как антонимы, становятся предметом исследования лингвистов нечасто. С точки зрения отражения менталитета народа рассматривает их Е. А. Боровых [2]. Градуальную семантику русских пословиц анализирует Н. В. Прекина, отметившая, что для пословиц данного типа характерны «оценочный момент и субъективность» [10, с. 4]. Необходимо более детально проанализировать особенности выражения градуальной семантики в рядах пословиц, связанных антонимическими отношениями.

Изучение градуальной семантики русских паремий даёт возможность подробнее описать даже самые незначительные дифференциации значений близких по смыслу паремий. Результаты семантического градуирования данных единиц служат базой для составления их семантического словаря, а также могут быть использованы в лингводидактике как один из способов семантизации и объяснения значения паремий иностранным студентам.

Понятие «градационные отношения» пришло в лингвистическую науку из логики, оно связано с объективно-субъек-

тивными отношениями в грамматическом аспекте. Такие отношения устанавливаются говорящим субъектом и воспринимаются адресатом; они служат основанием противопоставления (оппозиции) [7, с. 16]. Градуальные оппозиции охватывают в лексико-семантической системе языка наиболее значительный пласт антонимов. В современной лингвистике градационные отношения определяются как парадигматическая связь оппозиции между лингвистическими единицами в соответствии с нарастанием или убыванием их качественного проявления признака [9, с. 101]. На основе градационных отношений выявляются дифференциации между двумя или более однородными единицами, а также логико-лингвистические противоположности между ними.

Изучение градуальной семантики языковых единиц является одним из приоритетных направлений современной лексикологии. С. М. Колесникова в своих исследованиях описывает шкалу градаций как упорядоченный ряд единиц, относительных градуаторам *больше/меньше, равный*, который представляет собой нарастание/убывание степени признака. С. М. Колесникова отмечает, что «в градуальном (или градуированном) предложении, в векторно-синонимическом ряду синоним – это “градоним”, имплицитно (реже эксплицитно – с префиксом *не-*) передающий градуальную семантику» [6, с. 166]. Например: «*Один большой, толстоватый и с пузцом, но сильный и быстрый, другой – невысокий, худой, работающий без устали*» (В. Ремизов. Воля вольная). В данном предложении видим пары антонимов, служащих для характеристики образов людей по признаку роста (*большой – невысокий*), веса (*толстоватый, с пузцом – худой*), а также другие лексические компоненты – качественные имена прилагательные, уточняющие описание: *сильный, быстрый*. Данные лексические элементы выступа-

ют как градонимы, выражающие градуальную семантику ‘больше/меньше’. В предложении градонимы позволяют одновременно противопоставить описываемых людей друг другу, увидеть отличия в их внешнем облике и сопоставить, увидеть сходство – способность *быстро, без устали* работать.

Градуатор можно рассматривать и как общее градуирующее понятие, через которое осуществляется переход от одного признака к другому, и как специальное средство, повышающее или понижающее степень проявления признака [7, с. 19]. Логический градуатор служит для формирования синонимичных и антонимичных отношений между лингвистическими единицами, которые соответствуют градационным отношениям на шкале градации. [8, с. 192] Антонимы на шкале градации градуируют от «слабой» антонимии (дифференциации) до «сильной» антонимии (оппозиции). Общая семантическая особенность градуирующих лингвистических единиц связывает синонимы и антонимы по смыслу. Например, на шкале градации *горячий – тёплый – прохладный – холодный* наблюдается постепенный переход синонимических отношений в антонимические между первым градонимом шкалы и каждым последующим: *горячий – тёплый, горячий – прохладный, горячий – холодный*, то есть происходит убывание степени признака среди языковых единиц, объединённых одной семой – ‘температура’.

В лингводидактическом аспекте логический градуатор способен стать одним из способов усвоить новые слова с помощью семантического градуирования языковых единиц. Например, семантику лексем *богатый – обеспеченный – небогатый – нуждающийся – бедный* гораздо проще уяснить, если рассматривать их вместе, в одном синонимо-антонимическом ряду. Работа с таким рядом – это ос-

нова формирования в восприятии обучающегося семантической связи лексем и фразем и установления их соответствия с денотативными и коннотативными значениями.

Семантическое градуирование представляет собой универсальный метод изучения и описания языковых единиц и может применяться для анализа градационных отношений в том числе и на уровне более крупных единиц – паремий.

Например, в русском языке широко представлены пословицы о терпении:

Куй железо, пока горячо – ‘торопись делать что-либо, пока есть возможности, благоприятные условия и т. п.; пользуйся моментом’ [5, с. 154].

Тут и у святого терпенье лопнет – ‘в некоторых ситуациях терпеть становится невозможно’ [5, с. 328].

Всякому терпению бывает конец – ‘терпение безгранично’ [5, с. 81].

Всякому терпению мера – ‘не всегда нужно терпеть’ [5, с. 80].

Терпеть не беда, было бы чего ждать – ‘терпение должно иметь разумные пределы’ [5, с. 324].

На (всякое) хотенье есть терпенье – ‘нужно обдумать, действительно ли нужно то, что хочется, и к чему может привести это желание’ [5, с. 191].

<И> Москва не сразу (не вдруг) строилась – ‘сразу ничего не делается; на всё нужно время’ [5, с. 174].

Поживём – увидим – ‘говорится тогда, когда не хотят высказываться о том, что в данный момент не вполне ясно, что станет ясно лишь со временем’ [5, с. 258].

Будет и на нашей улице праздник – ‘добьёмся и мы своего, осуществляются наши надежды, желания; придёт и к нам удача, восторжествует справедливость’ [5, с. 51].

Терпенье и труд всё перетрут – ‘любая, даже самая тяжелая работа обязательно будет сделана, если не сдаваться, если не бросать ее при малейших сложностях’ [5, с. 323].

Терпи, казак, атаманом (атаман) будешь – ‘будь терпелив, переноси трудности, испытания, дождешься и чего-либо лучшего’ [5, с. 324].

На шкале градации отобранные пословицы можно расположить следующим образом (табл.).

Пословицы о терпении, расположенные в соответствии со значением градуатора

Значения градуатора	Пословицы о терпении
-5	<i>Куй железо, пока горячо</i>
-4	<i>Тут и у святого терпенье лопнет</i>
-3	<i>Всякому терпению бывает конец</i>
-2	<i>Всякому терпению мера</i>
-1	<i>Терпеть не беда, было бы чего ждать</i>
0	<i>На <всякое> хотенье есть терпенье</i>
+1	<i><И> Москва не сразу (не вдруг) строилась</i>
+2	<i>Поживём – увидим</i>
+3	<i>Будет и на нашей улице праздник</i>
+4	<i>Терпенье и труд всё перетрут</i>
+5	<i>Терпи, казак, атаманом (атаман) будешь</i>

В таблице представлен лишь один из вариантов расстановки паремий в соответствии со значениями градуатора, поскольку экспрессивность и эффективность значения пословицы могут увеличиваться или уменьшаться в соответствии с контекстом, в котором она используется.

Таким образом, пословицы 11 (*Терпи, казак, атаманом будешь*) и 1 (*Куй железо, пока горячо*) оказываются на градуальных полюсах шкалы и имеют значения, приближающиеся к антонимическим (на шкале градации показатели – соответственно +5 и –5). Наиболее интенсивно тема важности и необходимости терпения выражена в пословице 11, которая занимает крайнее правое положение на шкале градации. «*Терпи, казак, атаманом будешь*» – так говорят, чтобы подбодрить того, кто жалуется на трудности, тяжёлое положение, боль и т. п. Н. В. Прекина отмечает: «Градуальный характер пословиц обусловлен спецификой структурных особенностей» [10, с. 5]. Действительно, наибольшая концентрация значения здесь достигается благодаря эксплицитному выражению темы с помощью глагола *терпеть*, усиливается императивной формой *терпи*, а также указанием на результат такого терпения – *атаманом будешь*. Повелительное наклонение, противопоставление *казак – атаман* и бессоюзная синтаксическая связь между частями сложного предложения повышают уровень экспрессии высказывания. В тексте данная паремия чаще всего используется в диалоге, для передачи мысли о необходимости терпеть трудности или физическую боль в надежде, что неприятности закончатся: «*Ладно, терпи, – привычными резкими движениями отдирая размоченные бинты, сказала ему Александра по-русски, – терпи, казак, атаманом будешь!*» (В. Михальский. Для радости нужны двое). В

данном примере мы видим двукратное повторение глагола *терпи*, что дополнительно усиливает интенсивность пословицы, её градуальную семантику.

Противоположна по шкале градуальности пословица 1 «*Куй железо, пока горячо*». В ней интенсивно передаётся информация о том, что терпение – это не всегда благо, и от человека нередко требуется быть активным и незамедлительно приступать к действию. Структурными средствами передачи градуальной семантики является повелительное наклонение глагола (*куй*), краткость, иносказательность. В тексте с помощью данной паремии одни герои подбадривают других (или себя), стимулируют активность собеседника (или собственную): «*Он любил работать по свежим следам, по живым впечатлениям, не раз повторяя любимую фразу: “Куй железо, пока горячо”*» (Г. Фукс. Двое в барабане).

В примере 6 (*На (всякое) хотенье есть терпенье*) наоборот, градус экспрессии минимален, показатель по шкале градуальности – 0. В этой паремии мысль о том, что терпение является важным для человека качеством, передаётся с минимальной интенсивностью и эмоциональностью. В тексте с помощью данной паремии поучают нетерпеливого героя: «*Он очень захотел мороженого! – А на всякое хотенье есть терпение. – Что это значит? – То и значит! Надо сдерживаться!*» (Л. Петрушевская. Город Света).

Остальные паремии (со значениями градуатора от –1 до –4 и от +1 до +4) выражают семантику соответственно ненужности или нужности терпения с различной степенью интенсивности, соответствующей присвоенному им значению. Они все обладают градусемами, но различными по степени передачи градуальной семантики.

Способствуют выражению градуальности и лексическое наполнение, и

грамматические особенности каждого предложения. Например, в паремии 4 (*Всякому терпению мера*) с показателем градуальности -2 позицию субъекта занимает неодушевленное имя существительное *мера*, то есть человек как субъект действия (терпения) в грамматической структуре паремии отсутствует, отсутствует и указание на необходимость каких-либо психических и эмоциональных усилий, переживаний, сопутствующих терпению (нетерпению). Нулевая форма глагола-сказуемого (он опущен) передаёт констатацию факта: терпение должно иметь границы. То есть тема терпения выражена имплицитно, без указания на субъекта, которому необходимо терпеть.

Материал Национального корпуса русского языка (НКРЯ) показывает, что в речи более востребованными являются паремии, обладающие более высоким значением градуатора. Это можно проследить на примере использования внешне схожих пословиц «*Всякому терпению мера*» (градуатор -2) и «*Всякому терпению бывает конец*» (-3). Примеры использования первой немногочисленны: «*Вот уж воистину “и возмутятся смиренные”*. *Всякому терпению есть мера, а?*» (Б. Акунин. Чайка). Вторая паремия применяется намного чаще (примерно в 10 раз): «*Я, когда разрывал конверт, подумал, что всякому терпению есть предел и за эти художества она у меня получит не ремнем, а пряжкой...*» (А. Абрагамовский. Часовщик). Пословица «*Всякому терпению бывает конец*» помогает говорящему более эмоционально и интенсивно передать мысль.

Примером синонимических отношений как неотъемлемой части семантического градуирования может послужить пословица 10 (*Терпенье и труд всё перетрут*). Она очень близка по значению к паремии «*Терпи, казак, атаманом будешь*», на шкале градации занимает со-

седнюю с ней позицию (показатель градуатора $+4$) и почти так же далека семантически от пословицы «*Куй железо, пока горячо*». Между значениями соседствующих градонимов совсем незначительная дифференциация, но экспрессии в пословице «*Терпенье и труд всё перетрут*» меньше. Снижение экспрессии и интенсивности значения здесь происходит благодаря: 1) отсутствию субъекта терпения, 2) форме изъявительного наклонения (*перетрут*), 3) тому, что результативность выражена грамматически (сов. в. глагола), а не лексически (*атаманом будешь*) и т. д. По частоте употребления данная паремия так же значительно уступает пословице «*Терпи, казак, атаманом будешь*». Отсутствие в ней конкретной адресации не позволяет говорящему выражать мысль о необходимости терпения интенсивно и эмоционально: «*Не подумайте уж чего-нибудь такого, сейчас постараюсь вспомнить и рассказать. Терпенье и труд всё перетрут. Не зря так говорят*» (А. Моторов. Преступление доктора Паровозова).

Анализ примеров паремий, приведённых в таблице, показывает, что каждый последующий градоним, с одной стороны, является близким по значению к соседним градонимам (их связывают синонимические отношения), а с другой – всё больше удаляется от значения крайнего правого градонима «*Терпи, казак, атаманом будешь*» (антонимические отношения).

Изучение градационных отношений русских пословиц о терпении показало, что на шкале градации нарастание/убывание степени и меры признака однородных лингвистических единиц последовательно сопровождается переходом от количественных изменений значения к качественным [1, с. 110]. На двух полюсах шкалы градации находятся градонимы, значения которых в рамках од-

ной темы разделены антитезой, градонимы с двумя соседними показателями градуатора обладают синонимичными значениями.

Семантическое градуирование данных и многих других пословиц помогло бы описать оттенки значения каждой единицы, степень выраженности этого значения, её экспрессивность и таким образом дополнить существующие словари пословиц или составить новый, семантический словарь паремий.

В силу того, что антонимические отношения паремий – явление, характерное для всех языков, семантическое градуирование пословиц можно использовать не только для изучения русских лингвистических единиц, но и для единиц других языков, а также при сравнительном анализе паремий двух языков.

Семантическое градуирование паремий с целью определить самые незначительные дифференциации их значений представляется актуальным, так как в русском языке для одной жизненной ситуации можно найти несколько пословиц с похожим значением, но каждая из них обладает эффективностью, экспрессивностью и особой интенсивностью значения. Носитель языка обычно интуитивно различает эти оттенки значения и руководствуется ими при выборе той или иной паремии в конкретной ситуации общения. Интуитивное чувство языка у неносителя языка (иностранца) развито очень слабо, поэтому даже иностранец с высоким уровнем владения русским языком испытывает трудности при выборе пословицы и часто ошибочно понимает её значение и коннотации при восприятии русской речи. В связи с этим появляется необходимость изучения лингводидактического потенциала семантического градуирования: его можно использовать как один из способов семантизации паремий

при обучении русскому языку как иностранному.

Список литературы

1. Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка: монография. М.: Дрофа, 2000. 640с.
2. Боровых Е. А. Антонимическая парадигма в русских и английских паремиях: структурно-семантический и культурологический аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2007. 23 с.
3. Волошкина И. А. Портрет человека в паремиологии // Единство системного и функционального анализа языковых единиц: матер. Междунар. науч. конф. Вып. 9: в 2 ч. / под ред. О.Н. Прохоровой, С.А. Моисеевой. Белгород: Изд-во БелГУ, 2006. С. 24–30.
4. Даль В. И. Пословицы русского народа: сб.: в 2-х т. URL: <http://vdahl.ru> (дата обращения: 06.04.2018).
5. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Русский язык, 2000. 544 с.
6. Колесникова С. М. Градуальность: системные связи и отношения в русском языке. М.: Прометей, 2012. 291 с.
7. Колесникова С. М. Категория градуальности в современном русском языке: дис. ... д-ра филол. наук. М., 1999. 425 с.
8. Колесникова С. М. Градационные отношения в современном русском языке: дис. ... канд. филол. наук. М., 1993. 252 с.
9. Молотков А. И., Цеслинська В. Учебный русско-польский фразеологический словарь. СПб.: Астрель, 2001. 336 с.
10. Прекина Н. В. Градуальная семантика русских пословиц: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2005. 166 с.

Поступила в редакцию 27.09.18

UDC 81 23

Zhao Nan, Post-Graduate Student, of Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)
(e-mail: 54115387@qq.com)

GRADATIONAL RELATIONS OF RUSSIAN PARAMIES BASED ON ANTHONYMES

Paroemias are signs of culture, special units of language. They are clear for different Nations, reflect thinking of different Nations' people. Special attention is paid to the category of gradualness on base of paroemias in Russian language. The main linguistic means of expression of gradation are means of subjective evaluation explication, ways of verbal action with the meaning of measure and degree, degrees of comparison of adjectives and adverbs. The article is devoted to the analysis of the gradational relations of the language units at the semantic level. It describes antonymic relations between Russian paroemias in their gradual semantics, also it considers the linguo-didactic potential of the semantic gradation of these units. Language is the most important means of communication of mankind, and the crystallization of human wisdom. Proverbs and sayings are wonderful in language. The Russian language is rich in proverbs and sayings with different antonyms, which gives an extensive field of information for analysis. The author of the article covers the basics of the study of paroemia as a generic designation of Russian proverbs and sayings from the standpoint of semantics in linguistics. Analysis of gradational relations in Russian proverbs with antonyms allows you to see assets of different levels with a value of the measured variable or trait.

Key words: *paroemia; gradational relations; graduator; graduality; gradual semantics; gradual opposition; gradation scale; antonymy.*

For citation: Zhao Nan Gradational relations of russian paramies based on anthonymes. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 65–72 (in Russ.).

Reference

1. Babajceva V. V. Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka. Moscow, Drofa Publ., 2000. 640 p.
2. Borovyh E. A. Antonimicheskaya paradigma v russkih i anglijskih paremiyah: strukturno-semanticheskij i kul'turologicheskij aspekty. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Chelyabinsk, 2007. 23 p.
3. Voloshkina I. A. Portret cheloveka v paremiologii. Edinstvo sistemnogo i funkcional'nogo analiza yazykovyh edinic. Mat. Mezhdunar. nauch. konf., is. 9; ed. by Prohorova O. N., Moiseeva S. A. Belgorod, 2006, pp. 24–30.
4. Dal' V. I. Posloviy russkogo naroda: Sb. URL: <http://vdahl.ru> (accessed 06.04.2018).
5. Zhukov V. P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2000. 544 p.
6. Kolesnikova S. M. Gradual'nost': sistemye svyazi i otnosheniya v russkom yazyke. Moscow, Prometej Publ., 2012, 291 p.
7. Kolesnikova S. M. Kategoriya gradual'nosti v sovremennom russkom yazyke. Diss. d-ra filol. nauk. Moscow, 1999. 425 p.
8. Kolesnikova S. M. Gradacionnye otnosheniya v sovremennom russkom yazyke. Dis. Kand. filol. nauk. Moscow, 1993, 252 p.
9. Molotkov A. I., Ceslin'ska V. Uchebnyj russko-pol'skij frazeologicheskij slovar'. St. Petersburg, Astrel' Publ., 2001. 336 p.
10. Prekina N. V. Gradual'naya semantika russkih poslovic. Avtoref. diss. kand. filol. nauk. Saransk, 2005. 166 p.

УДК 81'23

Н. И. Степыкин, канд. филол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «ЮГО-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: nick1086@mail.ru)

К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕХОДА РЕЧЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ В ОПЕРАЦИИ

В статье поднята проблема превращения речевого действия в операцию на примере ассоциации. Вслед за А.А. Леонтьевым мы рассматриваем связь SR как речевое действие. По сути, ассоциация – речевое действие с одним опосредованием. В результате того, что опосредование становится непосредственным, неосознаваемым, речевое действие становится операцией, которая может включаться в новые действия. При переходе действий в операции работают законы прецедентности и аналогии. В речевом действии отпечатываются «следы текстов», которые в разное время проходили через ассоциативно-вербальную сеть носителя языка. Закон аналогии заключается в уподоблении (формальном или содержательном) единиц сети в процессе текстопорождения. Значение слова-стимула прецедентно задано в ассоциативно-вербальной сети, а полученное действие отражает личностный смысл, психологически актуальный аналог значения слова в речевой деятельности. Множественность смыслов, актуализируемых в речевой деятельности, обусловлена значением как когнитивной структурой.

Проблема перехода действия в операцию важна для теории речевой деятельности по целому ряду причин.

Во-первых, изучение этой проблемы углубляет познание и представления учёных о взаимосвязи и взаимовлиянии ключевых структурных компонентов речевой деятельности, коими являются действия и операции.

Во-вторых, в результате превращения действия в операцию развивается ассоциативно-вербальная сеть, что, как правило, влечёт за собой качественные изменения в речевой способности индивида.

В-третьих, выявление динамики и характера изменений значения и смысла при переходе действий в операции может стать ключом к изучению развития речевой деятельности.

Ключевые слова: ассоциативно-вербальная сеть; динамика; речевое действие; речевая деятельность; речевая операция.

Ссылка для цитирования: Степыкин Н. И. К проблеме перехода речевых действий в операции // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 73–79.

Отечественная психолингвистика с момента ее зарождения складывалась и развивалась как теория речевой деятельности. Поэтому большинством учёных (Леонтьев 1969 [11], Леонтьев 1974 [12], Жинкин 1982 [5], Зимняя 1985 [7] и др.) речь рассматривается либо как отдельно взятый цельный акт деятельности при условии её специфической мотивации, либо как речевые действия, включенные в какую-либо неречевую деятельность. Способом выполнения действия и осуществления деятельности является операция. Однако соотношение этих ключевых компонентов структуры речевой деятельности не ограничивается субординацией. Согласно А. Н. Леонтьеву, действие может превратиться в операцию, если неоднократно достигаемая цель, устойчиво связываясь со способом достижения, ввиду автоматизации действия перестает осознаваться и оказывается в

структуре деятельности условием выполнения другого действия (механизм сдвига цели на условие) [10, с. 77 – 78].

Возникает вопрос, каким образом происходит переход от осознаваемого к неосознаваемому, где находится точка сдвига цели на условие?

В рассуждениях великого немецкого философа о взаимоотношении сознаваемого и неосознаваемого, опосредованного и непосредственного читаем: «Я это знаю, - говорит Гегель, - непосредственно, и, однако, я узнал это лишь благодаря учению и убежден через посредство доказательства» [3, с. 549]. Обобщая подобные примеры, Гегель находит, что непосредственное знание «везде опосредствовано» [3, с. 414].

К определению точки перехода действия в операцию подводит следующее высказывание: «В конце процесса систематического поэтапного формирования

понятий очень ясно выступает своеобразное явление, отмечаемое во многих прежних исследованиях. Это вот что: едва человек знакомится с предъявляемым ему новым материалом, как он сразу видит данное понятие. Например, он видит существительное. Но существительное же нельзя видеть, можно видеть написанное слово, но что оно есть существительное – это ведь его понятийная характеристика. Но ученик-то видит существительное, т.е. возникает картина непосредственного видения» [2, с. 233].

Рассмотрим процесс перехода действия в операцию на примере ассоциации. Сочетание SR (ассоциация) – это речевое действие с одним опосредованием L в процессе смысловой регуляции по закону прецедентности или аналогии (по форме или содержанию). О прецедентности и возможности интерпретации речевых действий может свидетельствовать уже сложившаяся система языка, «устойчивость» и «уловимость» сочетаний слов: «обычному не высказанному никем, но всеми негласно, как само собой разумеющееся понимаемому взгляду о необъятности всего множества возможных на каждом языке сочетаний слов я противопоставляю тезис об устойчивости и уловимости сочетаний слов. Ни одно слово не может вступать в сочетание с любым другим словом; каждое слово сочетается с ограниченным количеством других слов. И в каждом случае границы могут и должны быть нащупаны и установлены» [1, с. 99]. Но возникает вопрос, как происходит развитие языка? Как отмечает В. фон Гумбольдт, нет языков с несложившейся, формирующейся внутренней формой, «каждый его элемент соответствует другому, недостаточно четкому элементу, а также той совокупности, которая сложилась из суммы явлений и законов духа или может еще сложиться. Истинное развитие протекает постепенно, и то, что возникает вновь, образуется по аналогии с уже существующим (курсив мой. – Н.С.)» [4, с. 97]. Идея о внутренней форме языка В. фон Гумбольдта

была развита в теории внутренней формы слова А.А. Потебни: «...мы имеем дело не с началом, а с продолжением; но о начале мы можем судить по качеству продолжения, ибо никогда мысль человеческая не доходит до начала» [16, с. 215]. Слово всегда содержит «...признак, взятый из значения предшествующего слова и служащий знаком значения данного слова» [16, с. 212]. Каждое слово поэтому является для индивида «средством сравнения»: при возникновении слова действие мысли есть сравнение двух мысленных комплексов (связок), а именно – вновь познаваемого (х) и прежде познанного (А), причем между тем и другим оказывается точка соприкосновения (а). Это а есть *представление*, иначе – *средство сравнения, tertium comparationis, знак значения, символ* (курсив мой. – Н.С.). При этом во всяком вновь возникающем слове обозначение его знаком есть всегда иносказание, аллегория, так как между одним признаком (представлением) и массой признаков (значение) всегда находится значительное расстояние [16]. Это психологически актуальный признак или представление (мы условно обозначили его как опосредование L – от английского *link* – *связь*) задаётся в ассоциативно-вербальной сети (далее АВС) по закону аналогии. АВС организуется множеством пересекающихся между собой разнообразных связей [7] и демонстрирует «язык в его предречевой готовности» [8]. Единицы языка в АВС заданы прецедентно, в виде находящихся в пассивном режиме смыслов и соединены с единицами лингвокультурного знания [Караулов, Филиппович 2009, 32–33]. При возбуждении АВС стимулом S (задан прецедентно) из бесконечного числа связей L1 – Ln актуализируется доминантная, наиболее подходящая для текущей коммуникативной ситуации (см. рис. 1). Например, *небо – синее, голубое* (аналогия по цвету), *снег – холодный, мокрый* (аналогия по прецедентному ощущению). Смысл из пассивного режима переходит в активный, актуализируя значение, ко-

торое нужно говорящему здесь и сейчас, а, следовательно, зависит от конкретных условий деятельности. Так, ребёнок, играя со снегом, скажет, что он холодный или мокрый (после того, как промокнут варежки); человек в обыденной коммуникации охарактеризует снег по цвету (белый, серебристый) или по действию (идет, падает, кружится). А поэт напишет о снеге так:

Словно с видом чудака,
С верхней лестничной площадки,
Крадучись, играя в прятки,
Сходит небо с чердака (Б. Пастернак).

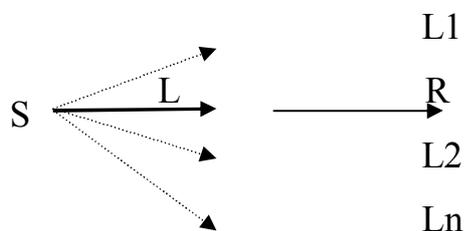

Рис. 1. Схема речевого действия или фрагмент работы ABC

При условии, что та или иная связь L становится неосознаваемой, сочетание $S(L)R$, например, *белый (цвет) снег* становится непосредственным и превращается в операцию SR . Отметим, что наши мысли об операционализации действий близки концепции А.А. Потебни: «Представление замещает собою чувственный образ, и так как оно *просто*, то этим достигается *быстрота мысли*. В течение какой-нибудь минуты мы произносим значительное количество слов. Что же? Разве каждый раз при этом мы представляем себе содержание каждого произносимого слова? Нет, мы проводим только заместителей их значений». В понимании А.А. Потебни представление – это как раз основание сравнения. Чем проще, непосредственнее представление, тем быстрее мысль, тем оперативнее действие. Согласно А.А. Потебне, представление может стать «несущественным», уйти в «забвение», стать неосознаваемым, что, по

нашему мнению, служит главным основанием превращения действия в операцию: «уже при самом возникновении слова между представлением и значением (= совокупностью признаков, заключенных в образе) существует неравенство; другими словами, всегда в значении заключено более, чем в представлении. Слово как представление служит только точкою опоры или местом прикрепления разнообразных признаков. Жизнь слова с психологической, внутренней стороны состоит в применении его к новым признакам, и каждое такое применение увеличивает его содержание. Вместе с этим растет несоответствие между представлением и значением: наконец, несоответствие это достигает до такой степени, что признак, заключенный в представлении, в ряду других признаков, составляющих значение, является несущественным, и это есть одна и притом главнейшая из причин забвения представления. В самой сущности слова, в том, чем оно живет, или, выражаясь более научно, в самой его функции, заключена необходимость того, что рано или поздно представление, служащее центром значения, забывается» [16, с. 221]. Подробнее процесс операционализации действия как превращение внутренней формы языка во внешнюю рассмотрен в работе В.А. Пищальниковой «Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова» [14, с. 17–31].

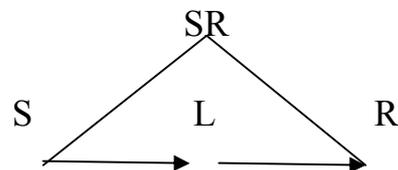

Рис. 2. Схема перехода речевого действия в речевую операцию

Представленная выше схема (рис. 2) – всего лишь упрощённый вариант перехода действия в операцию на примере ассоциации. Если же рассматривать не отдельно взятое действие или операцию, а рекуррентную последовательность дей-

ствий, реализующих как общую, так и промежуточные цели, то станет ясно, что между действиями, их элементами существуют самые разнообразные связи и отношения, в которых «треугольное опосредование» выступает как частный случай многосвязной системы с самыми разными фигурами опосредований [13].

Причины неосознаваемости кроются в непосредственной актуализации в обыденной коммуникации того, что ситуативно важно для индивида в его повседневной деятельности, – смысла. Для косяра стимул *коса* вызовет реакции *инструмент*, *травы* и т.д. Напротив, человек, который не занимался этой деятельностью и не знаком с соответствующим инструментом, на стимул *коса* даст реакцию *девичья* или *девочка*. Изучая явление омонимии в ассоциативно-вербальной сети, Т.В. Попова отмечает, что «по данным А.А. Леонтьева, на стимул кисть дирижер ответил: плавная и мягкая, медсестра – ампутация, а строитель – волосяная. По нашим наблюдениям, стимул корень вызывает у врача реакцию (корень) зуба, у лингвиста – морфема, приставка, суффикс, у ботаника – (корень) дерева, куста, растения и т.п.» [15, с. 26].

Тот или иной компонент значения слова в силу определённых обстоятельств утрачивает актуальность в речевой деятельности и начинает доминировать другой. Доминирующий компонент значения в результате актуализации в речевой деятельности прочно входит в АВС носителя языка, образуя связи с другими компонентами. Эти связи становятся непосредственными, неосознаваемыми. Действие превращается в операцию, которая является способом выполнения уже других действий. Эти действия также потенциально могут перейти в операции. Цепочка взаимопроникновения речевых действий (РД) в речевые операции (РО) схематично представлена на рисунке 3.

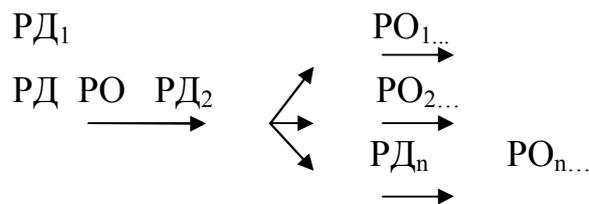

Рис. 3. Цепочка взаимопроникновения речевых действий в речевые операции

Проанализируем механизм и причины перехода речевого действия в речевую операцию на примере прецедентного имени Бетховен. В 90-е гг. после просмотра американского художественного фильма «Бетховен» счастливые обладатели четвероногих друзей стали называть своих питомцев именем великого композитора. Речевое действие, опосредованное фильмом, *Бетховен – художественный фильм – кличка собаки*, образовало устойчивые связи в АВС носителей языка, само опосредование постепенно стало неосознаваемым. Речевое действие превратилось в операцию *Бетховен – кличка собаки*, которая стала условием и способом выполнения других новых действий: носители языка по аналогии стали называть своих собак, котов и других питомцев кличками Бах, Моцарт, Шуберт и т.д. После выхода фильма «Бетховен» в прокат был открыт одноимённый зоомагазин. Речевое действие *Бетховен – художественный фильм – зоомагазин* аналогичным образом перешло в операцию и стало способом выполнения новых действий: *Бетховен – зоомагазин – шопинг-блог*, *прайс – зоомагазин – Бетховен* и пр. Подобные выражения было просто невозможно представить себе во времена великого композитора в XVIII – XIX вв.

В случае с соотношением (переходом) действий и операций, мы имеем дело с их взаимопроникновением друг в друга, признанием абсолютности бесконечных взаимопереходов между ними, которые накладывают отпечаток на речевую деятельность в целом. Изменения в речевой деятельности происходят ввиду ослабления одних связей в АВС и появления новых доминантных смыслов. Эти

смыслы образуют устойчивые связи в АВС, которые становятся неосознаваемыми и носят стереотипный, механический, операциональный характер. Рассуждая о языковых изменениях и их причинах, А. А. Леонтьев отмечал: «Отдельные индивиды, группы индивидов, целые поколения усваивают в языке то и настолько, что и насколько отвечает их потребностям, причем не только потребностям в общении, но и потребностям мышления, потребностям в сознании, потребностям в любой сознательной деятельности. Избирательность отдельных людей, групп, поколений по отношению к языку как общественно-исторической категории важно подчеркнуть еще и потому, что в этом процессе происходит отрицательное по форме изменение языка; некоторые его элементы не усваиваются последующими поколениями людей и омертвевают, перестают быть явлениями действительного языка» [11, с. 64]. Для демонстрации изменений в АВС можно обратиться к ассоциативному полю «совесть», представленному в русском ассоциативном словаре (РАС) [9]. Реакции *ум, честь, нашей эпохи, советского человека, гражданина, чекист, лучший контролёр, партии, плакат* указывают на их связь с советской эпохой. Реакции *ум и честь, ум=честь* – политическая аллюзия из статьи «Политический шантаж» В. И. Ленина, в которой он характеризует партию большевиков как *ум, честь и совесть нашей эпохи*. Очевидна взаимосвязь данных реакций с поссессивными сочетаниями *совесть партии, совесть чекиста, совесть эпохи*. Также можно предположить, что соотношение *совесть – плакат* обусловлено распространенностью плакатов, актуализирующих цитату В. И. Ленина. Реакция *лучший контролер* тоже отражает советскую действительность: в городском транспорте не было контролеров, а были компостеры и кассы-копилки с надписью «Совесть – лучший контролер!». Это было рассчитано на совесть добропорядочных граждан. Данные смыслы неактуальны на

сегодняшний день, для их осознания требуются дополнительные фоновые знания. Это подтверждается и при анализе АП *добро*. Самая распространенная реакция на этот стимул в РАС (22 %) – *пожаловаться*. Данная ассоциация актуализирует популярный кинофильм советской эпохи «Добро пожаловать или Посторонним вход воспрещён». К слову, в ассоциативном эксперименте, проведённом нами в 2017 г., ассоциат *пожаловаться* не был обнаружен.

В сущности говоря, превращение действия в операцию – переход от внутренней формы языка ко внешней (по В. фон Гумбольдту). При переходе действий в операции работают законы прецедентности и аналогии. Значение слова-стимула *прецедентно* задано в АВС, а полученное действие отражает личностный смысл, психологически актуальный *аналог* значения слова в речевой деятельности («представление» или «образ образа» по А.А. Потемне). Отметим, что в речевой деятельности обнаруживается множественность смыслов, которая обусловлена значением как когнитивной структурой. Но по каким причинам проблема перехода действия в операцию актуальна для теории речевой деятельности, в чём прагматический смысл обращения к данному вопросу?

Во-первых, действие и операция – неотъемлемые составляющие структуры речевой деятельности. Операционализация действий приводит к оптимизации и ускорению речемыслительных процессов. Именно потому за 15-20 сек. человек может произнести до 50 слов, тем самым передав не меньшее количество смыслов.

Во-вторых, в результате превращения действия в операцию происходит развитие АВС («расширение значения» по А.А. Потемне), при этом АВС мы понимаем как модель речевой способности индивида, отражающую совокупность семантико-грамматических, когнитивных и прагматических знаний индивида. Как следствие развития АВС, качественно

улучшается речевая способность индивида.

В-третьих, исследователь может сфокусироваться на выявлении динамики и характера изменений значения и смысла при переходе действий в операции. Обнаружение таких изменений может стать ключом к изучению развития речевой деятельности и системы языка.

Список литературы

1. Аничков И. Е. Труды по языкознанию. СПб.: Наука, 1997. 510 с.
2. Гальперин П. Я. О методе поэтапного формирования умственных действий // Вопросы психологии. 1969. №1. С.15-25.
3. Гегель Г. В. Лекции по истории философии. Т. 11. Кн. 3. М.: Соцэкгиз, 1935. 560 с.
4. Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 400 с.
5. Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М.: Наука, 1982. 159 с.
6. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 1999. 382 с.
7. Зимняя И. А. Психологические аспекты обучения говорению на иностранном языке. М.: Просвещение, 1985. 160 с.
8. Караулов Ю. Н. Активная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: Институт русского языка РАН, 1999. 180 с.

9. Русский ассоциативный словарь как новый лингвистический источник и инструмент анализа языковой способности / Ю. Н. Караулов, Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов [и др.] // Русский ассоциативный словарь: в 2 т. М.: Астрель: АСТ, 2002. 992 с.

10. Краткий психологический словарь / сост. Л. А. Карпенко; под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. М., 1985. 431 с.

11. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.

12. Леонтьев А. Н. Общее понятие о деятельности // Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974.

13. Назаров А.И. Ассоциации без ассоцианизма // *Dubna Psychological Journal*. 2013. №2. С. 43-77.

14. Пищальникова В.А. Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова // *Методология современного языкознания*. М.: ЛЕНАНД, 2016. С. 17-31.

15. Попова Т. В. Ассоциативный эксперимент в психологии: учебное пособие. М.: Флинта: Московский психолого-социальный институт, 2006. 72 с.

16. Потебня А. А. Психология поэтического и прозаического мышления // *Слово и миф*. М., 1989. С. 201-235.

Поступила в редакцию 26.11.18

UDC 81'23

N. I. Stepykin, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: nick1086@mail.ru)

TO THE ISSUE OF TRANSFORMING SPEECH ACTIONS IN OPERATIONS

The article focuses on the problem of transforming a verbal action in the operation on the example of association. Following A. A. Leontiev, we consider the SR link a speech act. In fact, association is a verbal action with one mediation. As the mediation becomes direct, unconscious, speech action acquires a mechanical, stereotypical character and it turns into an operation that is necessary to perform new actions. In the process of transforming an action in an operation the laws of precedent and analogy work. Speech actions imprint "traces of texts", which at different times passed through the associative-verbal network of a native speaker. The law of analogy is to liken (formally or semantically) the units of the network in the process of text production. The meaning of the word-stimulus is set in the associative-verbal network precedent, and the resulting action reflects the personal meaning, psychologically relevant analogue of the word meaning in speech activity. The plurality of meanings found in speech activity is due to the meaning as a cognitive structure.

The problem of transition of actions into operations is relevant for the theory of speech activity for a number of reasons.

First, the study of this problem deepens the knowledge and understanding of scientists about the correlation and interaction of the key structural components of speech activity, which are actions and operations.

Secondly, as a result of the transforming an action into an operation, the development of the associative-verbal network takes place, which entails qualitative changes in the individual's speech ability.

Third, the identification of the dynamics and nature of changes in vocabulary and psychological meaning in the transition of actions in operations can be the key to the study of the development of speech activity and language system.

Key words: associative-verbal network; dynamics; speech action; speech activity; speech operation.

For citation: Stepykin N. I. To the issue of transforming speech actions in operations. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 73–79 (in Russ.).

References

1. Anichkov I. E. *Trudy po yazykoznaniiyu*. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 510 p.

2. Gal'perin P. Ya. O metode poehapnogo formirovaniya umstvennyh dejstvij. *Voprosy psichologii*, 1969, no. 1, pp. 15-25.

3. Gegel' G. V. *Lekcii po istorii filosofii*, vol. 11. Kn. 3. Moscow, Socehgiz Publ., 1935. 560 p.

4. Gumbol'dt V. fon. *Izbrannye trudy po yazykoznaniiyu*. Moscow, Progress Publ., 1984. 400 p.

5. Zhinkin N. I. *Rech' kak provodnik informacii*. Moscow, Nauka Publ., 1982. 159 p.

6. Zalevskaya A. A. *Vvedenie v psicholingvistiku*. Moscow, 1999. 382 p.

7. Zimnyaya I. A. *Psichologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostranom yazyke*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1985. 160 p.

8. Karaulov Yu. N. *Aktivnaya grammatika i asociativno-verbal'naya set'*. Moscow, 1999. 180 p.

9. Karaulov Yu. N., Sorokin Yu. A., Tarasov E. F. i dr. *Russkij asociativnyj*

slovar' kak novyj lingvisticheskiy istochnik i instrument analiza yazykovoj sposobnosti. *Russkij asociativnyj slovar'*. 2th ed. Moscow, Astrel': AST Publ., 2002. 992 p.

10. *Kratkij psichologicheskiy slovar'*; ed. by Karpenko L. A. Petrovskij A. V., Yaroshevskij M. G. Moscow, 1985. 431 p.

11. Leont'ev A. A. *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'*. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1969. 214 p.

12. Leont'ev A. N. *Obshchee ponyatie o deyatel'nosti. Osnovy teorii rechevoj deyatel'nosti*. Moscow, Nauka Publ., 1974.

13. Nazarov A.I. *Associacii bez asocianizma*. *Dubna Psychological Journal*, 2013, no. 2, pp. 43-77.

14. Pishchal'nikova V. A. *Vnutrennyaya forma yazyka i vnutrennyaya forma slova. Metodologiya sovremennogo yazykoznaniiya*. Moscow, LENAND Publ., 2016, pp. 17-31.

15. Popova T. V. *Associativnyj eksperiment v psichologii*. Moscow, Flinta Publ., 2006. 72 p.

16. Potebnaya A. A. *Psichologiya poeticheskogo i prozaicheskogo myshleniya. Slovo i mif*. Moscow, 1989, pp. 201–235.

А. И. Хлопова, ст. преподаватель, Московский государственный лингвистический университет (Москва, Россия) (e-mail: chloпова_anna@mail.ru)

АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК МЕТОД УСТАНОВЛЕНИЯ ИЗМЕНЕНИЯ КОННОТАЦИИ БАЗОВОЙ ЦЕННОСТИ

Автор обращается к результатам свободного ассоциативного эксперимента, чтобы установить изменение коннотации базовой ценности «работа». С помощью ассоциативного эксперимента можно установить субъективные смыслы слов и определить характер семантических связей слов внутри ассоциативного поля. Исследования с использованием ассоциативного эксперимента предоставляют материал для ассоциативных словарей. В статье сравниваются данные Русского ассоциативного словаря, отражающие психологически актуальное содержание слова «работа» для респондентов 80-х гг. XXв., с данными, полученными посредством проведенных автором свободных ассоциативных экспериментов в 2013 г. и в 2018 г. Ценностные системы иерархичны, и каждая базовая ценность, представленная вербально, является смысловой структурой, анализ которой предполагает вычленение ее компонентов и их взаимоотношений. Для этого необходима дополнительная обработка полученного частотного распределения ассоциатов путем их кластеризации. При этом полученные реакции подразделяются на различные типы ассоциаций. Автор полагает, что для определения коннотации базовой ценности следует обращаться не только к эмоционально-оценочным, но и иным культурным реакциям, фиксирующим оценочное отношение к историческим фактам и событиям.

Таким образом, наблюдаются изменения в иерархии ассоциатов на слово «работа», что не только свидетельствует о динамике семантических компонентов, но и может указывать на изменение отношения к базовой ценности.

Резкое изменение коннотации слова, отмеченное в ассоциативном эксперименте, свидетельствует о динамике самой базовой ценности и о начавшемся процессе переструктурирования понятия, а так как базовые ценности – это, по сути, стереотипы, в основе формирования которых лежит эмоциональный компонент, можно говорить о начале преобразования стереотипного содержания базовой ценности.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; стимул; реакция; базовая ценность; коннотация.

Ссылка для цитирования: Хлопова А. И. Ассоциативный эксперимент как метод установления изменения коннотации базовой ценности // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 80–85.

Многие лингвисты обращаются сегодня к результатам ассоциативного эксперимента, так как с его помощью можно установить субъективные смыслы слов и определить характер семантических связей слов внутри *ассоциативного поля* – интерпретативного конструкта, по сути интегрирующего внутренние и внешние связи и отношения слова как единицы языка [2]. Ассоциативный эксперимент регистрирует вербальные и невербальные ассоциативные связи слова и позволяет верифицировать предположения о структуре и содержании лексического значения, выдвинутые на основании дефиниционного анализа. Кроме того, результаты ассоциативного эксперимента позволяют обнаружить степень актуальности слова-стимула для носителей языка [2]. Так как идентификация слова-стимула представляет собой включение его в контекст индивидуального и социального

опыта конкретного человека, в зависимости от уровня идентификации оно представляет более или менее развернутый контекст поверхностного или глубинного яруса индивидуального лексикона [2, с. 63].

Все исследования с использованием ассоциативного эксперимента являются материалом для ассоциативных словарей, которые позволяют более полно представить содержание той или иной лексемы и выявить универсальные и этнические закономерности ассоциативных норм, которые специфичны для лексического ассоциирования носителей различных языков.

Благодаря ассоциативным словарям и ассоциативным экспериментам можно моделировать содержание определенных фрагментов образа мира значительного числа представителей того или иного социума в момент проведения эксперимента. Анализируя реакции, можно понять,

чем живет общество, какие идеи и интересы доминируют в нем, а сопоставление ассоциативных полей соотносимых слов в разных языках позволяет продемонстрировать не только разный объем понятий, называемых словом, но и специфику их **коннотаций** и ассоциативного ряда. Поэтому можно считать, что результаты свободного ассоциативного эксперимента – это модель речевых знаний носителей языка, представленных в ассоциативно-вербальной сети.

При этом мы разделяем позицию, согласно которой ассоциативный эксперимент выявляет языковую реальность, которая не является абсолютно точным слепком мира, а опосредованно отражает его связи и отношения [1, 2, 3]. То есть привычные для человека связи слов гораздо чаще связаны с мифологией определенной культуры, чем с реальностью, или воспроизводят бытующие штампы. Однако реакции на слово-стимул могут представлять и глубоко личностные связи и отношения, ассоциации могут (по смыслу, по сходству, смежности, контрасту и т.д.) и не отражать существующих в языке закономерностей. Отсюда возникает вопрос, какую частотность ассоциаций следует признать релевантной, характеризующей стимул, и чаще этот параметр устанавливается произвольно. Но и частотные реакции не всегда являются достаточным основанием для выводов о семантической структуре слова-стимула. Но при всех недостатках и ограничениях, свободный ассоциативный эксперимент позволяет, по сравнению с другими приемами и методами исследования, изучать содержание базовых ценностей более непосредственно.

Ценностные системы иерархичны, и каждая базовая ценность, представленная вербально, является смысловой структурой, анализ которой предполагает вычленение ее компонентов и их взаимоотношений. Для этого необходима дополнительная обработка полученного частотного распределения ассоциатов путем их кластеризации. Кластеризация ассоциа-

ций в смысловые блоки предполагает формулирование их интегративного содержания, что позволяет определить их роль в общем наборе ассоциаций. В этом случае интерпретация ассоциатов представляется более аргументированной и целенаправленной. Н.И. Степыкин полагает, что классификация ассоциаций является важнейшим этапом в интерпретации данных ассоциативного эксперимента, от которого зависят полнота, валидность и достоверность полученных результатов [8, с. 45]. Для кластеризации мы используем модель ассоциативного значения В.А. Пищальниковой [5], которая предлагает разделять ассоциаты на понятийные реакции, реакции-представления, предметные реакции, деривационные реакции, операциональные, культурные реакции, формально-грамматические и эмоционально-оценочные.

Т. Г. Стефаненко отмечает, насколько важно анализировать именно эмоционально-оценочное содержание стереотипов, в которых реализуются и базовые ценности [9, с. 6]. Это важно и для выявления динамики базовых ценностей, ведь изменение коннотации – это сигнал к перестройке иерархии компонентов ценностной структуры, что выявляется, в частности, в изменении отношения к базовой ценности. В нашем исследовании мы рассмотрим изменение коннотации базовой ценности на примере базовой ценности *работа*.

Для того, чтобы установить эмоционально-оценочное содержание базовой ценности *работа*, обратимся к эмоционально-оценочным и культурным реакциям, представленным в Русском ассоциативном словаре Ю. Н. Караулова [6], а также к эмоционально-оценочным и культурным реакциям, полученным в свободном ассоциативном эксперименте, проведенном нами в 2013 г. [10, с. 73-83], и в свободном ассоциативном эксперименте 2018 г. Для определения коннотации базовой ценности следует обращаться не только к эмоционально-оценочным, но и иным культурным реакциям, фиксирую-

щим оценочное отношение к историческим фактам и событиям.

Данные Русского ассоциативного словаря отражают психологически актуальное содержание слов-стимулов носителей русского языка 80-х гг. XX в. Обратимся к реакциям возрастной группы в возрасте от 17 до 23 лет.

На слово-стимул *работа* в словаре представлено 587 реакций. Методом случайной выборки из них отобрано 53 (для релевантного сравнения с данными нашего эксперимента): *трудная* (12), *тяжелая*, *не волк*, *любимая*, *труд*, *интересная* (4), *забота*, *учеба*, *хорошая*, *легкая*, *волк*, *лень*, *дело* (2), *дом*, *сложная*, *усталость*, *по душе*, *спорится*, *домашняя*, *деньги*.

Классифицируем полученные ассоциаты в соответствии с избранной моделью:

- 1) Понятия: *труд* (4), *дело* (2), *деньги* – 7;
- 2) Представления: *учеба* (2), *дом* – 3;
- 3) Эмоционально-оценочные ассоциации: *трудная* (12), *тяжелая*, *любимая*, *интересная* (4), *хорошая*, *легкая*, *лень* (2), *сложная*, *усталость* – 32;
- 4) Деривационные реакции: 0;
- 5) Операциональные реакции: 0;
- 6) Культурные реакции: *не волк* (4), *волк* (2), *спорится*, *по душе*, *домашняя* – 9;
- 7) Формально-грамматические реакции: 0;
- 8) Фонетические: *забота* (2) – 2 [5].

Наиболее частотной реакцией, по данным Русского ассоциативного словаря, является эмоционально-оценочная реакция *тяжелая*, *трудная* (21%), которая вместе с эмоционально-оценочными реакциями *лень* и *усталость* выражает отрицательное отношение к работе. Но одновременно представлены частотные эмоционально-оценочные реакции *любимая*, *интересная*, *хорошая*, *по душе*, *легкая*, *оплата*, *престижность*, *легкость*, *интерес*. В Русском ассоциативном словаре 23% реакций репрезентирует положительное отношение к работе. Реакция *не волк* вызвана ассоциацией с идиомой *Работа – не волк, в лес не убежит*, которая

актуализирует личностный смысл «с работой можно не торопиться, работа не является главным видом деятельности». (Отметим попутно, что эту поговорку используют вариативно как побуждение отложить дела и в других языках: польск. *Robotaniezajac, w lasnieucieknie!* Работа не заяц, в лес не убежит); болг. *Работа не е вълк, няма да избяга в гората!* Работа не волк – не убежит). Эти пословицы объединены негативной коннотацией. Следовательно, в ассоциатах словаре выявляется психологически актуальный коннотативный компонент значения, который фиксирует отрицательное отношение к базовой ценности *работа* у исследуемой части представителей русской культуры. При этом реакции *спорится* и *по душе* однозначно положительные. Таким образом, количество положительных и отрицательных реакций примерно совпадает, что не позволяет говорить о каких-то ярко выраженных тенденциях в оценке респондентами работы как отрицательной или положительной.

Ассоциативный эксперимент 2013 г. проводился с испытуемыми в возрасте от 17 до 23 лет в индивидуальном порядке и коллективно. Испытуемые получали печатную анкету со словами-стимулами и должны были реагировать на предъявляемый стимул первым любым пришедшим на ум словом, не обдумывая варианты ответа.

На слово-стимул *работа* мы получили 530 реакций. Из них методом случайной выборки было отобрано 53: *деньги* (8), *труд* (5), *дело* (4), *не волк* (3), *заработок / зарплата*, *трудная / тяжелая* (3), *занятость* (2), *рутина*, *робот*, *ответственность*, *стол*, *ежедневно*, *завод*, *скука*, *будни*, *отрыв от близких*, *интерес*, *усталость*, *портфель*, *достаток*, *время*, *долг*, *дом*, *специалист*, *социальный статус*, *любимое занятие*, *телефон*, *офис* (1), *отказ от реакции* (3).

Классифицируем полученные ассоциаты по семантическим признакам, которые они представляют.

1) Понятия: *деньги* (8), *труд* (5), *дело* (4), *заработок / зарплата* (3), *занятость* (2), *ответственность, достаток* – 24;

2) Представления: *робот, стол, завод, портфель, дом, специалист, социальный статус, телефон, офис* – 9;

3) Предметное содержание: 0;

4) Эмоционально-оценочные ассоциации: *трудная / тяжелая* (3), *рутина, ежедневно, скука, будни, отрыв от близких, интерес, усталость, специалист, долг, любимое занятие* – 13;

5) Деривационные реакции: 0;

6) Операциональные реакции: 0;

7) Культурные реакции: *не волк* (3), *время* – 4;

8) Формально-грамматические реакции: 0.

Реакции, представляющие *понятийный* компонент, являются частотными. Они семантически синонимичны стимулу, что подтверждается данными словарей. Эмоционально-оценочные реакции большинства респондентов указывают на негативное отношение носителей языка к работе: *трудная, тяжелая, рутина, будни, ежедневно, скука, отрыв от близких, усталость*, подчеркивают монотонный характер работы: *рутина, ежедневно, будни*. Только три респондента относятся к работе положительно. При этом среди культурных реакций частотной является реакция *волк*, указывающая на отрицательное отношение к *работе*.

Для верификации предположения об изменении коннотации базовой ценности *работа* обратимся к реакциям респондентов в возрасте от 17 до 23 лет, полученным спустя 5 лет после проведения первого свободного ассоциативного эксперимента, в 2018 г.:

1) Понятия: *деньги* (7), *зарплата* (6), *труд, дело* (3), *профессия* (2), *деятельность, занятость, долг, ответственность, навык, прибыль* – 27;

2) Представления: *дом, здание, мама, мозг, налоги, отдых, независимость, развитие, стабильность, утро, хобби, школа* – 12;

3) Предметное содержание: 0;

4) Эмоционально-оценочные реакции: *сложная* (2), *кризис, напряжение, неизбежность, необходимость, радость, рутина, трудолюбие* – 9;

5) Деривационные реакции: 0;

6) Операциональные реакции: 0;

7) Культурные реакции: *не волк, время* (2), *серп* – 5;

8) Формально-грамматические реакции: *нравится, окупится, усердная, физическая* – 4.

Наиболее частотна реакция *деньги*, которая в подавляющем большинстве случаев у исследуемой группы связывается с положительными ассоциациями, хотя коннотация слова *работа* изменилась за последние 30-40 лет в сторону доминирования отрицательных оценок (несмотря на то, что социологи и психологи считают базовые ценности стабильными на протяжении двух-трех поколений). Ассоциат *время* может быть связан с поговоркой *Делу – время, потехе – час; серп* – с символом, олицетворяющим единство рабочих и крестьян – серпом и молотом. Эти реакции могут указывать, скорее, на положительную или нейтральную коннотацию слова *работа*.

Но подавляющее число эмоционально-оценочных реакций указывает на однозначно негативное отношение к работе: *неизбежность, необходимость, рутина*; положительных реакций только две – *радость, трудолюбие*.

Сравнивая реакции, приведенные в Русском ассоциативном словаре, с реакциями, полученными в наших экспериментах, можно сделать вывод, что многие ассоциаты, которые представляют значимые для носителей языка компоненты понятия, совпадают: «*труд*», «*дело*», «*деньги*»; «*любимая/любимое дело*», «*интересная/интерес*»; «*не волк*», «*волк*», «*трудная*», «*тяжелая*», что свидетельствует об устойчивости ядра структуры базовых ценностей при всех возможных изменениях ее периферических компонентов.

О динамике самого значения свидетельствует изменившееся количественное соотношение реакций. В Русском ассоци-

ативном словаре реакция *деньги* является единичной, в наших экспериментах эта реакция относится к ядерным. Реакция *трудная* представлена в Русском ассоциативном словаре 12 раз и является наиболее частотной, в наших экспериментах – только 2 раза. Кроме того, в Русском ассоциативном словаре представлены реакции, которые отражают официальную пропаганду труда как *добросовестного, честного*, направленного на *благо рабочего класса, коллектива*, имеющего воспитательный и созидательный характер: *облагораживает, общественно-полезный, полезный, всему голова, созидательный, радостный, добросовестный, праведный*. Труд понимался как неотъемлемая часть жизни государства, как обязательная часть его политики, что повлекло за собой создание системы языковых стереотипов и клише. Система таких языковых стереотипов и представлена в ассоциатах Русского ассоциативного словаря. В нашем ассоциативном эксперименте такие реакции не отмечены. Из этого следует, что ассоциативные связи стимула и реакции у современных испытуемых изменяются. Для них *работа* в первую очередь источник заработка.

Очевидны изменения в иерархии ассоциатов на слово *работа*, что не только свидетельствует о динамике семантических компонентов, но и может указывать на изменение отношения к базовой ценности.

Резкое изменение коннотации слова, отмеченное в ассоциативном эксперименте, свидетельствует о динамике самой базовой ценности и о начавшемся процессе переструктурирования понятия, а так как базовые ценности – это, по сути, стереотипы, в основе формирования которых лежит эмоциональный компонент, можно говорить о начале преобразования стереотипного содержания базовой ценности.

Мы изучили изменение коннотативного признака только на основе одного ассоциативного поля. Наши результаты подтверждаются исследованиями Н. И. Степыкина [7] и Н. С. Панариной [4], кото-

рые выделяют ту же закономерность в изменении коннотации, хотя и на другом материале. Поэтому можно предполагать, что «момент» изменения коннотации – это и начало изменения структурной иерархии семантических компонентов слова.

Список литературы

1. Горошко Е. И. Интегративная модель свободного ассоциативного эксперимента. М.-Харьков: Издательство Ра-Каравелла, 2001. 320 с.
2. Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова и возможности ее исследования: теоретическое и экспериментальное исследование. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 с.
3. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. 4-е изд-е. М.: Смысл, 2005. 310 с.
4. Панарина Н. С. Психолингвистическое моделирование механизма реализации прецедентности: дис. ... канд. фил. наук. 10.02.19. М., 2017. 257 с.
5. Пищальникова В.А. Психопоэтика. Барнаул: Изд-во АГУ, 1999. 176 с.
6. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://tesaurus.ru/dict/dict.php/> (дата обращения: 12.09.16)
7. Степыкин Н. И. Способы структурно-содержательного моделирования лингвокультурного концепта: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2011. 187 с.
8. Степыкин Н. И. Классификация вербальных реакций как важнейший этап интерпретации экспериментальных данных // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. Т. 7. №1(22). 2017. 107 с.
9. Стефаненко Т. Г. Этнопсихология: практикум. М.: Аспект Пресс, 2006. 208 с.
10. Хлопова А. И. Вербальная диагностика динамики базовых ценностей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2018. 213 с.

Поступила в редакцию 16.11.18

UDC 81'139

A. I. Khlopova, Senior Lecture, Moscow State Linguistic University (Moscow, Russia)
(e-mail: chlopova_anna@mail.ru)

ASSOCIATIVE EXPERIMENT AS A METHOD OF ESTABLISHING THE CHANGES IN THE CONNOTATION OF THE CORE VALUE

The author refers to the results of a free associative experiment in order to establish a change in the connotation of the core value "rabota" (work). With the help of an associative experiment, one can establish the subjective meanings of words and determine the nature of the semantic links of words within an associative field. Studies using associative experiment provide material for associative dictionaries. The article compares the data of the Russian associative dictionary, reflecting the psychologically relevant content of the word "rabota" (work) within the respondents in the 80s. of the XX century with the data that was collected by the author during a free associative experiments in 2013 and in 2018. Value systems are hierarchical, and each core value represented verbally is a semantic structure, the analysis of which involves the isolation of its components and their relations. It requires additional processing of the obtained frequency distribution of the associates by clustering them. The reactions are divided into different types of associations. The author states that in order to determine the connotation of a core value, one should apply not only to emotional and evaluative reactions, but also to the cultural ones, which altogether create an evaluative attitude to historical facts and events.

It was established that changes in the hierarchy of associates for the word "rabota" (work) exist, which not only indicates the dynamics of semantic components, but may also indicate a change in attitude towards a core value.

A sharp change in the connotation of the word, noted in an associative experiment, indicates the dynamics of the core value itself and the beginning of the process of restructuring the concept. Since core values are, in fact, stereotypes, formed mainly on the emotional component, one may speak about the beginning of the reformation if the stereotypes perception of the core value.

Key words: associative experiment; stimulus; reaction; core value; connotation.

For citation: Khlopova A. I. Associative experiment as a method of establishing the changes in the connotation of the core value. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 80–85 (in Russ.).

References

1. Goroshko E. I. Integrativnaya model' svobodnogo asociativnogo eksperimenta. M.-Har'kov, Ra-Karavella Publ., 2001. 320 p.

2. Zalevskaya A. A. Dvojnaya zhizn' znacheniya slova i vozmozhnosti ee issledovaniya: teoreticheskoe i eksperimental'noe issledovanie. Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. 278 p.

3. Leont'ev A. A. Osnovy psiholingvistiki. 4th ed. Moscow, Smysl Publ., 2005. 310 p.

4. Panarina N. S. Psiholingvisticheskoe modelirovanie mekhanizma realizacii precedentnosti. Diss. kand. fil. nauk. Moscow, 2017. 257 p.

5. Pishchal'nikova V. A. Psihopoehtika. Barnaul, AGU Publ., 1999. 176 p.

6. Russkij asociativnyj slovar'. URL: <http://thesaurus.ru/dict/dict.php/> (accessed 12.09.16)

7. Stepykin N. I. Sposoby strukturno-soderzhatel'nogo modelirovaniya lingvokulturnogo koncepta. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2011. 187 p.

8. Stepykin N. I. Klassifikaciya verbal'nyh reakcij kak vazhnejshij ehtap interpretacii eksperimental'nyh dannyh. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*. 2017, vol. 7, no. 1(22). 107 p.

9. Stefanenko T. G. Ehtnopsihologiya. Moscow, Aspekt Press Publ., 2006. 208 p.

10. Hlopova A. I. Verbal'naya diagnostika dinamiki bazovyh cennostej. Diss. kand. filol. nauk. Moscow, 2018. 213 p.

Янь Хундо, аспирант, ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет» (Киров, Россия)
(e-mail: yhd_duoduo@163.com)

ЛИНГВОКОГНИТИВНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА МЕТАФОРИЧЕСКОГО ЗНАКА «ИЗОБРЕТЕНИЕ» В ГАЗЕТНОМ ДИСКУРСЕ

В современном газетном дискурсе метафора может не только создавать яркую экспрессию, но и служить способом концептуализации фрагментов картины мира человека, передавая отношение к тем или иным событиям и лицам, их понимание и видение. Целью статьи является выявление лингвокогнитивных признаков лексемы «изобретение», реализуемой в метафорических моделях при интерпретации различных объектов действительности в масс-медиа. Материалом исследования послужили факты газетного корпуса НКРЯ (2001-2014 гг.), а также медиатекстов ведущих газет (2017 г). Для достижения поставленной цели использовался ряд методов: дискурс-анализ, метод моделирования, а также контекстуальный и концептуально-семантический анализ лексемы «изобретение» как единицы медиадискурса.

Дискурс-анализ показал, что метафорический знак «изобретение» обладает способностью применяться в процессе категоризации элементов различных когнитивных пространств реальной жизни: политики, экономики, культуры, быта. Метод моделирования позволил установить, что данная лексема может находиться в сфере-мишени, но, в основном, обнаруживается в сфере-источнике. Выявлены 4 схемы-образа, выступающих семантической основой концептуализации различных объектов реальности: «изобретение – человек», «изобретение – мир» (сфера-мишень) и «мир – изобретение», «человек – изобретение» (сфера-источник).

С помощью контекстуального и концептуально-семантического анализа были выявлены когнитивные характеристики данной дискурсивной единицы. Установлено, что во всех объективируемых с ее помощью сферах реализуются 4 концептуальные оппозиции: «новое-старое», «истинное-ложное», «полезное-вредное», а также «свое-чужое». Все они выступают прагматической основой метафорической репрезентации оценки новых явлений в различных областях жизни общества и человека в рамках газетного дискурса.

Ключевые слова: газетный дискурс; лексема «изобретение»; метафорическая модель; сфера-источник; сфера-мишень; когнитивная сфера; концептуальная оппозиция.

Ссылка для цитирования: Янь Хундо. Лингвокогнитивная характеристика метафорического знака «изобретение» в газетном дискурсе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 86–94.

В современном медиaprостранстве газетный дискурс представляет особый интерес для когнитивных исследований языка, так как прагматическая направленность адресанта на передачу оценочной информации способствует выбору не прямых (опосредованных) способов концептуализации различных объектов реальности. Газетный дискурс можно определить как часть медиадискурса, и конкретнее – массово-информационного дискурса, который, следуя характеристике А.В. Олянича, является «коммуникацией, имеющей целью социальную ориентацию», призванной удовлетворять потребности в информировании [7, с. 122]. Язык медиадискурса рассматривается как «когнитивный инструмент для репрезентации и кодирования действительности» [4, с. 185].

Обращение к когнитивной составляющей газетного дискурса неминуемо приводит к такому объекту, как метафорический знак, посредством которого репрезентируются концептуализируемые фрагменты картины мира современного человека и социума. Метафора представляет собой специфический способ концептуализации внеязыкового пространства в индивидуальном и коллективном сознании, и следовательно, может быть рассмотрена с позиций когнитивной семантики. Когнитивный подход позволяет узнать, «как отражено в сознании человека его понимание и видение мира», который представлен «в виде определенных структур знания, мнения и оценки мира» [1, с. 23]. Как отмечают Дж. Лакофф и М. Джонсон, «наиболее фундаментальные культурные ценности согласованы с

метафорической структурой основных концептов этой культуры» [6, с. 46]. Действительность, объекты которой интерпретируются в знаках вторичного семиозиса, получает более яркую характеристику, направляя восприятие адресата в определенные концептосферы.

Описывая этот процесс как «the metaphorical mapping between two conceptual domains of information» [10, с. 272], Дж. Лакофф раскрывает сущность концептуальной метафоры, которая заключается в том, что неосязаемые и абстрактные концепты осмысливаются через призму известных, осязаемых и конкретных когнитивных признаков, связывая разные концепты.

По мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, реализация метафорического способа репрезентации знания основана на взаимодействии двух структур знаний: источника (сфера-источник) и цели (сфера-мишень). «Метафорическая проекция», или «когнитивное отображение», осуществляется, когда «некоторые области цели структурируются по образцу источника» [6, с. 9]. С помощью концептуальной метафоры человек реализует способность устанавливать «ассоциативные связи между предметами органического и неорганического мира, различными абстрактными и конкретными сущностями» [5, с. 225].

Следует отметить, что семантическая основа метафорической концептуализации не является произвольной или случайной. Ассоциативная связь между различными предметами и явлениями формируется на основе их сходства, которое устанавливается при участии перцепции человека. Как отмечают исследователи, «область источника в когнитивной теории метафоры представляет собой обобщение опыта практической жизни человека» [2, с. 131]. В языке метафорическая концептуализация объекта осуществляется на основе модели (сфера-источник → сфера-мишень).

В проведенном нами исследовании была поставлена цель выявить лингвоко-

гнитивные признаки лексемы «изобретение», реализуемой в метафорических моделях при интерпретации различных объектов действительности в масс-медиа.

Для достижения данной цели были проанализированы 2716 фактов употребления лексемы из газетного корпуса НКРЯ (2001-2014 гг.) [3] и 749 фактов – из ведущих российских газет за 2017 год, которые были выявлены методом сплошной выборки. Было установлено, что в метафорических контекстах слово «изобретение» может находиться 1) в сфере-мишени (33 факта, 1 % найденного материала) и 2) в сфере-источнике (623 фактов, 18 %).

1. В границах сферы-мишени в большинстве случаев метафора является антропоморфной: человек отражает ситуацию в соответствии с моделью **изобретение – человек** (живой субъект) – таких фактов в выборке 32. К примеру, в высказываниях *Любое изобретение должно найти свою нишу* (РБК Дейли, 25.01.2012). *Так родилось простое изобретение* (Труд-7, 30.07.2004) лексема «изобретение» обозначает конкретные предметы (в терминах когнитивистики – естественные объекты), которые категоризируются в соответствии с ее прямым значением «то, что изобретено». Конечно, обозначаемые объекты сами по себе не активны, и в дискурсе мыслится условная «деятельностная» ситуация. Данная модель еще более наглядно реализуется в следующих высказываниях: *Такая же странная судьба постигла и самое великое из изобретений Франклина* (Известия, 22.08.2013) – о пропаганде; *Это недавнее изобретение, которому, к тому же, в Таиланде просто не повезло* (РИА Новости, 02.10.2017) – об электронной сигарете.

Кроме названной модели, в очень редких случаях прототипические свойства знака «изобретение» могут проявляться в натуроморфной метафоре, т.е. *изобретение* концептуализируется через явления окружающей человека природы, например: *Значительная часть изобре-*

тателей по разным причинам не патентуют свои разработки, и большое количество изобретений **утекают за границу** (Комсомольская правда, 09.04.2011). Семантика прототипа – глагола «утекать» – указывает на движение определенной жидкости (например, *вода утекла*). Модель «изобретение – это вода» (т. е. **изобретение – это мир / природа**) задает семантическую рамку интерпретации фразы *изобретение утекает* на основе когнитивных признаков «плавное/незаметное перемещение», наполняя ее в дискурсе оценочным смыслом.

Отметим, что в языковом сознании носителя другого языка встречающиеся в

русскоязычном медапространстве речевые клише со «стертым» образным компонентом обычно воспринимаются как метафорические единицы. Характерно, что механизм предметно-чувственного познания мира в его русскоязычной репрезентации при этом всегда базируется на реконструкции прототипических свойств объекта.

Таким образом, в сфере-мишени лингвокогнитивными признаками лексемы как единицы дискурса в первичном значении выступают компоненты рассмотренных моделей «человек/живой субъект» и «мир/природа» (рис. 1).

Рис. 1. «Изобретение» как сфера-мишень

2. В границах сферы-источника, по данным материала, фиксируется метафорическая модель **мир – это изобретение** (618 факта), т. е. слово изобретение может выступать репрезентантом практически любого объекта реальности.

Как справедливо отмечает З.И. Резанова, «в характеристике функционирования концептуальной сферы в качестве сфер-источников и сфер-мишеней метафорического осмысления важными... являются и качественные, и количественные характеристики» [8, с. 32]. Качественные характеристики зависят от способности той или иной концептосферы «актуализировать в метафорических связях более или менее широкий спектр конкретных признаков» [8, с. 32].

Словарное толкование лексемы «изобретение» позволяет говорить о том, что

самым важным концептуально-семантическим признаком обозначаемых словом «изобретение» предметов является признак **«новое»**, который в его семантической структуре зафиксирован как ядерная сема. В ряду денотативных значений в словарной статье указаны:

1) действие по значению глаголов «изобретать-изобрести» – творческим трудом создавать что-л. *новое, прежде неизвестное*;

2) результат данного действия – то, что изобретено; вновь созданный, *прежде неизвестный* предмет [9, с. 652].

Признак **новое** относится к временной категории и занимает противоположную позицию к признаку **старое**. Развитие мира необратимо, и в силу линейного характера ментальной модели времени события не обладают способностью по-

вторяться, не теряя признака новизны. В связи с этим концептуализируемые синкретичной лексемой «изобретение» факты можно рассматривать в рамках когнитивной схемы, имеющей «временные референтные точки» (time-reference-point) [11]. Объекты, которые находятся на временной оси до создания или появления какого-л. изобретения, обладают противоположным признаком **старое**. В медиадискурсе точка отсчета для старого/нового относительна: любой объект может быть отражен в картине мира отдельного субъекта как появление («изобретение») или результат появления нового.

Таким образом, в основе концептуализации нового события находятся концептуальные оппозиции, под которыми здесь понимаются двучленные мыслительные категории, в рамках которых интерпретируется и репрезентируется объект. В газетном дискурсе оппозиция **«новое-старое»** выступает в роли доминирующей концептуальной основы репрезентации различных объектов посредством метафорического знака «изобретение». Следует подчеркнуть, что временные признаки в дискурсе не обладают относительной точностью. Так, в контексте *Флэш-моб двухсотлетней давности. Ошибаются те, кто думает, что флэш-мобы – современное изобретение*. (Комсомольская правда, 28.01.2012) объект «флэш-моб» интерпретируется не как новое, а как старое явление, которое существует уже 200 лет.

Контекстуальный анализ материала позволяет утверждать, что, кроме оппозиции «новое-старое», в газетном дискурсе реализуются и другие концептуальные оппозиции: аксиологические «истинное-ложное», «полезное-вредное», а также не обладающая явной оценкой пара «свое-чужое». В основе концептуальной оппозиции **«истинное-ложное»** находится оценка достоверности, реальности нового объекта. Во многих случаях *изобретение* может метафорически обозначать несуществующие или ненужные,

надуманные вещи. Например: *А пока мир еще трепыхается, Де Селби исследует теорию относительности и тестирует другие абсурдные изобретения, например, состаривает виски до нужной кондиции с помощью машины времени* (РБК Дейли, 29.08.2017). В подобных контекстах изобретение обозначает нелепые, бессмысленные выдумки, ценность которых, как правило, отрицается.

Когнитивная сущность оппозиции **«полезное-вредное»** заключается в подтверждении либо опровержении значимости созданного объекта или действия по его созданию. Например, в контексте *Американские политики сочли, что сотни казней, использование филиппинской полицией киллеров и другие «изобретения» филиппинского режима нарушают права человека* (Труд-7, 24.05.2017) дается негативная оценка антигуманных политических мер, подчеркивается их аморальный характер.

«Свое-чужое» – это рациональная оппозиция, так как изобретение как действие и его результат обязательно имеет определенного субъекта – изобретателя (создателя), который обладает правом собственности на результат своей деятельности, т. е. изобретение должно принадлежать определенному субъекту. Метафоры, основанные на этой оппозиции, часто пересекаются в концептуальной плоскости с другими оппозициями, например, «истинное-ложное»: *Но ведь геополитические интересы России никак нельзя считать изобретением Путина* (РИА Новости, 07.07.2008) и «полезное-вредное»: *Что касается репертуарного театра – это гениальное изобретение Станиславского и Немировича* (Известия, 19.11.2013).

Перечисленные концептуальные оппозиции задают для адресата аксиологические рамки интерпретации различных сторон действительности и выступают когнитивно-прагматическими параметрами лексемы «изобретение» в дискурсе. Оценка объективируемого процесса создания объекта или его самого становится

их качественной характеристикой, отражающей отношение говорящего к предметам и явлениям, претендующим на новизну и возникающим в результате поиска решения проблемы в любой области жизнедеятельности социума.

Лексема **изобретение**, являясь синкретичной единицей, совмещающей процессуальную и предметную семантику, при метафорической концептуализации вербализует разнообразные когнитивно-семантические признаки объекта. Хотя они фиксируются в практически неограниченной сфере отображаемой в газетном дискурсе реальности, можно назвать следующие наиболее типичные в нем характеристики.

Реализация процессуального значения синкрета наблюдается в 109 фактах дискурса, в которых метафорически вербализуются следующие основные признаки (расположены по убыванию частотности в материале):

1) социально-политического характера (в том числе идеологического, экономического, правового)

– появление новых идей, теорий, концепций: *Многие приписывают террористке изобретение идеологии секс-джихада, хотя он появился до нее* (Комсомольская правда, 12.10.2017);

– выработка новых практических решений: *«Турция в очередной раз продемонстрировала большие творческие способности в плане изобретения новых способов повышения своей конкурентоспособности», – говорит глава Российского союза туриндустрии Сергей Шпилько* (РБК Daily, 26.02.2010);

– создание объектов социально-политической значимости (государства, фондов, общественных организаций, имиджа страны: *«Самые гениальные изобретения русских – это создание 1000-летнего государства»* (РИА Новости, 26.10.2017);

2) социально-бытового характера:

– конструирование одежды: *Он прибрел известность в 1989 году благодаря изобретению так называемого бандаж-*

ного платья, корректирующего фигуру с помощью специальных лент из эластана и лайкры (Известия, 06.10.2017);

– создание новых кулинарных рецептов, блюд, напитков, различных предметов питания: *Славу изобретения шампанского легенда приписывает монаху-бенедиктинцу Дону Периньону, в обязанности которого входил надзор за винными подвалами монастыря* (Труд-7, 30.12.2004);

– разработка новых способов изменения образа жизни: *По словам Юмашевой, после изобретения такой «кремлевской диеты» она помогла похудеть десяткам мужчин и женщин* (Комсомольская правда, 12.01.2010);

3) социально-культурного характера:

– литературное творчество: *Есть высшая смелость: смелость изобретения, смелость создания, где план обширный объемлетя творческой мыслью, – такова смелость Шекспира, Данте, Гете в «Фаусте»* (Труд-7, 31.08.2004);

– массовая коммуникация, кино: *Режиссер, которому Голливуд обязан изобретением нового киноязыка, не выиграл ни одной из пяти номинаций.* (Труд-7, 05.03.2010.03.05);

– спорт и развлечения: *...с изобретением диско появилась клубная культура, заведения, куда можно прийти и сходиться с ума всю ночь* (Известия, 05.06.2012).

Факты реализации предметной семантики по сравнению с процессуальной более многочисленны и разнообразны. В качестве источника слово **изобретение** имеет практически безграничную потенциальную способность концептуализировать любой объект, появляющийся в той или иной области жизни человека и общества. Концептуально-семантический анализ 509 фактов, в которых вербализуется прототипическое значение «то, что изобретено», выявил следующие концептуальные сферы и их компоненты, в которых метафорическим способом объективируется широкий спектр новых явлений.

1. Социально-политическая сфера.

1) Новые политические субъекты, меры, проекты, решения, организации, учреждения: *Все эти указы, приказы и указания – изобретение громадного бюрократического аппарата* (Известия, 28.05.2013); 2) экономические меры, проекты, решения, организации: *Пока что отечественные ГК* (госкорпорации – Я.Х.) – явление уникальное. *Мировых аналогов отыскать не удалось. Чисто российское изобретение* (Известия, 16.09.2009); 3) объекты военной сферы: *Только институт самураев, японское изобретение, позволил к XVI веку оттеснить айнов на Хоккайдо, а оттуда и на Курилы, где их и застали русские* (Известия, 07.12.2010); 4) идеологические и религиозные идеи и понятия (например, марксизм-ленинизм получает оценочную характеристику *страшное изобретение человеческого интеллекта* (Труд-7, 15.04.2003); 5) государственные меры и решения в сфере образования: *Изобретение самого последнего времени – введение единого государственного экзамена, по результатам которого будет проводиться зачисление в высшие учебные заведения* (Труд-7, 01.07.2002); 6) преступления: *Геноцид не является изобретением XX века – его печальные факты имели место и в древности* (РБК Daily, 08.10.2007).

2. Естественно-научная сфера.

1) Научные теории и открытия, способы исследований, программы, методы: *Профилактическая промышленная медицина – это ваше изобретение?..* (Труд-7, 28.06.2002); 2) природные явления: *До последнего времени считалось, что оплодотворение яйца внутри утробы будущей матери – изобретение акул, появившихся только спустя 20 миллионов лет после того, как плакодермы... полностью вымерли* (РИА Новости, 26.02.2009).

3. Социально-культурная сфера.

1) Историко-культурные ценности: *Чтение и письменность в корне изменили историю человечества... Это изобрете-*

ние за несколько тысяч лет привело к созданию современной цивилизации. (Комсомольская правда, 26.05.2017); 2) общественные организации, объединения: *Один из способов победить недуг – стать членом Содружества анонимных алкоголиков (АА). Это американское изобретение* (Труд-7, 15.12.2004); 3) искусство и архитектура (стиль, форма, произведение, новые идеи, музыкальные инструменты, учреждения, актеры и т. д.): *Архитектурный конструктивизм – советское изобретение* (Комсомольская правда, 25.06.2001); 4) медиакоммуникация, в том числе кино и телевидение (жанры, методы): *Киносказка в ее чистом виде потому и стала изобретением советского кино, что снимать ее сложно, дорого и не слишком выгодно* (Известия, 07.03.2006); 5) литературное и речевое творчество (произведения, новые слова): о черном юморе: *Нет, это чисто английское изобретение, которое я не разделяю, предпочитая здоровый русский юмор* (Комсомольская правда, 20.08.2001); 6) спорт (виды спорта, способы тренировки, тактики, системы оценки, достижения и т.п.: *...медали – серебряные и бронзовые – это исключительное российское изобретение* (Советский спорт, 27.10.2010); 7) развлечения (игры, способы проведения досуга): *Тектонический тотализатор – изобретение давнее. Поскольку Камчатку трясет регулярно, вы можете сделать ставку на то, что завтра, к примеру, 22 октября, случится землетрясение силой 2 балла в районе Ключевского вулкана* (Известия, 24.12.2007); 8) традиции, праздники: *...на встрече со студентами, приуроченной к 250-летию Московского университета, глава государства сказал: «Татьянин день – это чисто российское изобретение* (РИА Новости, 25.01.2006).

4. Социально-бытовая сфера.

1) Блюда, напитки и способы их приготовления: *– Роллы – американское изобретение, это все знают, – Арая листает меню* (Советский спорт, 22.09.2011); 2) предметы одежды, обувь, украшения,

косметика, духи: – *А вот советские женщины любили «Красную Москву» – единственное заметное в то время изобретение наших парфюмеров* (Комсомольская правда, 01.02.2002); 3) интерьер, мебель, дизайн: *Говорят, что плетеная мебель – это изобретение Древнего Рима* (Труд-7, 12.02.2001); 4) интимная жизнь: *В сексе будут отыскивать применение своего интеллекта, разнообразя его новыми приятными изобретениями, например, украшая тело партнера цветами или разрисовывая его* (Комсомольская правда, 26.11.2005).

Кроме того, была выделена модель «человек – это изобретение» с незначи-

тельным количеством фактов ее реализации, например: *Выдающийся английский актер Дейвид Найвен... называл актрису (Клаудиа Кардинале – Я.Х.) «самым отличным изобретением итальянцев после спагетти»* (Труд-7, 01.04.2006). Помимо признака «талант», в данной метафорической модели вербализуются признаки «честность» (некоррупцированный чиновник), «статус» (интеллигенция) и «амплуа» (либеро).

Результаты статистического анализа фактов со словом «изобретение» в разных метафорических моделях отражены в следующей диаграмме (рис. 2).

Рис. 2. «Изобретение» как сфера-источник

В результате исследования лексемы «изобретение» как метафорического знака газетного дискурса можно сделать следующие выводы. Около 20% фактов употребления синкретичной лексемы «изобретение» в исследованном нами материале СМИ на лингвокогнитивном уровне связано с метафорической концептуализацией различных объектов действительности. Девербатив «изобретение» выступает в дискурсе средством метафорической интерпретации различных фрагментов картины мира современника и использу-

ется как в качестве источника, так и в качестве мишени (объекта концептуализации). Однако в последнем случае это, как правило, стертые метафоры, почти не вызывающие образа при восприятии знака, причем они зафиксированы только в группе фактов с предметной семантикой.

Из четырех выявленных моделей: «изобретение – это человек», «изобретение – это мир», «мир – это изобретение» и «человек – это изобретение» для газетного дискурса наиболее типична третья («мир – это изобретение»). Для синкре-

тичного знака «изобретение», обладающего процессуальной и предметной семантикой, наиболее характерна метафорическая концептуализация таких семантических сфер, как политика, культура и быт. Вербализуя всевозможные социально значимые явления, а также предметы, которые непрерывно создаются человеком во всех областях его жизнедеятельности, лексема «изобретение» служит объективации различных когнитивных признаков, в том числе ценностного плана. Актуализация таких признаков не может осуществляться вне концептуальных оппозиций «новое-старое», «истинное-ложное», «полезное-вредное», что подтверждает прагматический потенциал данной дискурсивной единицы, выступающей универсальным средством интерпретации действительности.

Список литературы

1. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику. Тамбов, 2014. 236 с.
2. Вавилина М. А. Индустриальная метафора в представлении системы образования в британских и российских текстах СМИ // Вопросы когнитивной лингвистики. 2013. №2. С. 131-134.
3. Газетный корпус Национального корпуса русского языка (НКРЯ). URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>
4. Добросклонская Т. Г. Массмедийный дискурс как объект научного описания // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2014. №13 (184). С. 181-187.
5. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. Томск, 2002. 312 с.
6. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: [пер. с англ.] / под ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М.: Едиториал УРСС, 2004. 256 с.
7. Олянич А.В. Избранные статьи по лингвистике и лингводидактике. Волгоград, 2014. 364 с.
8. Резанова З.И. Обратимые метафорические модели: семантико-функциональная асимметрия // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2012. №2 (18). С. 29-43.
9. Словарь русского языка / под ред. А. П. Евгеньевой: в 4 т. Т. 1. М., 1999. 702 с.
10. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. 1993. 678 p.
11. Núñez R., Motz B., Teuscher U. Time After Time: The Psychological Reality of the Ego- and Time-Reference-Point Distinction in Metaphorical Construals of Time // Metaphor and symbol. 2006. № 21(3). pp. 133-146.

Поступила в редакцию 23.12.18

UDC 81'22

Yan Hongduo, Post-Graduate Student, Vyatka State University (Kirov, Russia)
(e-mail: yhd_duoduo@163.com)

LINGUO-COGNITIVE CHARACTERISTICS OF THE METAPHORIC SIGN "INVENTION" IN THE NEWSPAPER DISCOURSE

In the modern newspaper discourse, metaphor can not only create vivid expression, but also serve as a way of conceptualizing the fragments of the picture of the human world, conveying the attitude of the subject to the different events, persons and their understanding and vision. The purpose of the article is to identify the linguistic cognitive signs of the lexeme "invention", which is realized in metaphorical models when interpreting various objects of reality in the mass media. The material of the study was the facts of the newspaper corpus of the National Corpus of the Russian Language (2001-2014), as well as the media texts of leading newspapers (2017). To achieve this purpose, a

number of methods were used: discourse analysis, modeling method, as well as contextual and conceptual semantic analysis of the token "invention" as units of media discourse.

Discourse analysis showed that the metaphorical mark "invention" has the ability to be used in the process of categorizing the elements of various cognitive spaces of real life: politics, economics, culture and life. The simulation method allowed to establish that this lexeme can be in the target sphere, but, basically, in the source sphere. Four image-patterns are singled out, which are the semantic basis for the conceptualization of various objects of reality: "Invention is man", "invention is world" (target sphere) and "world is invention", "man is invention" (source sphere).

With the help of contextual and conceptual-semantic analysis, the cognitive characteristics of this discursive unit were identified. It has been established that in all the semantic areas, objectified with its help, 4 conceptual oppositions are realized: "new-old", "true-false", "useful-harmful", as well as "own-others". All of them are the pragmatic basis of the metaphorical representation of the assessment of new phenomena in various areas of the life of society and the individual in the framework of newspaper discourse.

Key words: newspaper discourse; lexeme "invention"; metaphoric model; source sphere; target sphere; cognitive sphere; conceptual opposition.

For citation: Yan Hongduo Linguo-cognitive characteristics of the metaphoric sign "invention" in the newspaper discourse. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 86–94 (in Russ.).

Reference

1. Boldyrev N. N. Kognitivnaya semantika. Vvedenie v kognitivnuyu lingvistiku. Tambov, 2014. 236 p.

2. Vavilina M. A. Industrial'naya metafora v predstavlenii sistemy obrazovaniya v britanskikh i rossijskikh tekstah SMI. *Voprosy kognitivnoj lingvistiki*, 2013, no. 2, pp. 131–134.

3. Gazetnyj korpus Nacional'nogo korpusa russkogo yazyka (NKRYA). URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-paper.html>

4. Dobrosklonskaya T. G. Massmedijnyj diskurs kak ob"ekt nauchnogo opisaniya. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, 2014, no. 13 (184), pp. 181–187.

5. Ivancova E. V. Fenomen dialektnoj yazykovej lichnosti. Tomsk, 2002. 312 p.

6. Lakoff Dzh., Dzhonson M. Metafora, kotorymi my zhivem: per. s angl.; ed.

by Baranova A. N. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. 256 p.

7. Olyanich A.V. Izbrannye stat'i po lingvistike i lingvodidaktike. Volgograd, 2014. 364 p.

8. Rezanova Z.I. Obratimye metaforicheskie modeli: semantiko-funkcional'naya asimmetriya. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2012, no. 2 (18), pp. 29–43.

9. Slovar' russkogo yazyka; ed. by Evgen'eva A. P., vol. 1. Moscow, 1999. 702 p.

10. Lakoff G. The contemporary theory of metaphor. 1993. 678 p.

11. Núñez R., Motz B., Teuscher U. Time After Time: The Psychological Reality of the Ego- and Time-Reference-Point Distinction in Metaphorical Construals of Time. *Metaphor and symbol*, 2006, no. 21(3), pp. 133–146.

УДК 81'373.42+37+367

О. П. Довгер, канд. пед. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия) (e-mail: odovger@yandex.ru)

К. М. Лопата, канд. пед. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия) (e-mail: 0707karina@mail.ru)

О. В. Чаплыгина, канд. пед. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия) (e-mail: olya.thapligina2015@yandex.ru)

А. А. Кузнецова, канд. психол. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия) (e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru)

Е. А. Никитина, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: eanikitina72@mail.ru)

ПРИРОДА ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ КОЛЛОКАЦИЙ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛИЙСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ДИСКУРСА)

Статья посвящена рассмотрению проблем коллокационных сочетаний в русском и английском языках. Термин «коллокация», который сравнительно недавно вошел в употребление, получил распространение в современной лингвистике. Коллокации обычно образуются в процессе изменения значений слов в результате переосмысления отдельных компонентов сочетания. Главная особенность коллокации – это сохранение лексического значения одним из её компонентов при устойчивости словосочетания в целом и отсутствии или ослаблении значения образности и эмоционально оценочной нагрузки. Приведена классификация различных категорий коллокаций в зависимости от семантики и функции их употребления. Особое внимание уделено вопросу терминологических сочетаний в английском медицинском дискурсе. Авторы подчеркивают несомненную важность корректного употребления коллокаций в подъязыке медицины. Приведены примеры часто встречающихся коллокационных сочетаний как в медицинской литературе, так и в медицинском дискурсе.

Подчеркнута важность изучения коллокаций в процессе освоения языка. Такое явление, как коллокации существует во всех языках и является одной из особенностей. Значение слова конкретизируется с помощью коллокаций. Употребление слова в каком-либо языке учитывает его наличие в коллокациях, и этот факт стоит иметь в виду при создании разного рода словарей и изучении иностранных языков.

Кроме того, грамотный перевод терминологических коллокаций крайне важен для работы с аутентичными медицинскими текстами, а также при необходимости перевода медицинской информации на английский язык для врачей-практиков или научных работников в области медицины.

Ключевые слова: коллокации; корпусная лингвистика; медицинский дискурс; сочетаемость; устойчивые сочетания.

Ссылка для цитирования: Природа терминологических коллокаций (на материале английского медицинского дискурса) / О. П. Довгер, К. М. Лопата, О. В. Чаплыгина, А. А. Кузнецова, Е. А. Никитина // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 95–102.

Язык – живая и постоянно развивающаяся система. Культура речевого поведения представляет собой многоплановое явление. Она включает несколько компонентов, среди которых основное значение имеют следующие: а) культура речевого этикета; б) культура мышления – процесса формирования и решения мыслительных, коммуникативных задач; в) культура языка; г) культура речи.

Говоря о речевом этикете, мы подразумеваем совокупность типовых высказываний, закрепленных национально-культурными и языковыми традициями в

данном языковом коллективе для использования в конкретных социально-коммуникативных ситуациях. Известный исследователь речевого этикета Н. И. Формановская определяет речевой этикет как «регулирующие правила речевого поведения, систему национально специфичных стереотипных, устойчивых формул общения, принятых и предписанных обществом для установления контакта собеседников, поддержания и прерывания контакта в избранной тональности» [9].

В целом культура речевого поведения выражается в совокупности профес-

сиональных умений человека, осуществляющего коммуникацию вообще и профессиональное общение в частности. К этим умениям, как известно, А. А. Леонтьев относит умение быстро и правильно ориентироваться в социальных условиях, найти адекватные средства для передачи мысли и обеспечить обратную связь.

В процессе употребления языка складываются определенные речевые шаблоны, одним из которых и являются коллокации (англ. *collocation*). Коллокация – это устойчивое словосочетание, целостное синтаксически и семантически. Термин «коллокация», хотя и вошел в постоянное употребление сравнительно недавно, закономерно получил распространение в современной лингвистике. В широком смысле это комбинация двух или более слов, имеющих тенденцию к совместной встречаемости. По мнению Л. Н. Иорданской и И. А. Мельчука, в основе большинства определений коллокации находится явление семантико-грамматической взаимообусловленности элементов словосочетания [6]. Например, «задать вопрос», «совершить преступление», «оказать помощь», «играть роль», «вести разговор»; «to take measures» – принимать меры, «to raise a problem» – поднимать проблему, «to make a decision» – принять решение, «thick fog» – густой туман и т.п.

Согласно концепции М. Бенсона, Э. Бенсон и Р. Илсона, коллокации – это устойчивые неидиоматические фразы и конструкции, которые состоят исключительно из слов знаменательных частей речи, например: «call an election» – назначить выборы, «make an impression» – производить впечатление, «compose music» – сочинять музыку, «to grab the moment» – ухватить момент, «commit a crime» – совершить преступление, «do your best» – постараться [10].

Коллокации в настоящий момент играют важную роль в лексикографической практике. В последнее время за рубежом и в России создаются специальные словари коллокаций (Benson 1986; Crowther

et al. 2002; Krishnamurthy et al. 2006; Sinclair 1995; Бирюк 2008; Денисов 2002, Кустова и др. 2008).

Однако существующие словари устойчивых словосочетаний, во-первых, охватывают не полный их перечень, во-вторых, часто делают это недостаточно последовательно. Термин «коллокация» в русскоязычной научной литературе впервые появился в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой (Ахманова 1966). В данном словаре этот термин представлен в формальном понимании, которое не учитывает контекст определенной речевой ситуации. Однако в действительности мы сталкиваемся с комбинациями слов, в которых основное денотативное значение слова проявляется часто вместе с новыми коннотациями [1].

В настоящее время термин «коллокация» нашел широкое применение в корпусной лингвистике, в рамках которой понятие коллокации переосмысливается или упрощается по сравнению с традиционной лингвистикой. Этот подход смело можно назвать статистическим. Во главу угла ставится частота совместной встречаемости, поэтому коллокации в корпусной лингвистике могут быть определены как статистически устойчивые словосочетания [8].

По мнению многих языковедов, коллокации обладают такими признаками совокупной встречаемости лексем, как устойчивость, характерность, шаблонность для носителей языка. В лингвистике коллокациями называют «words which are statistically much more likely to appear together than random chance suggests, или слова, которые встречаются вместе чаще, чем можно было бы ожидать исходя из случайности распределения». Как правило, знание других иностранных языков не помогает в понимании принципов коллокационной сочетаемости. Например, русское выражение «привести к присяге» на английском языке звучит как «to administer an oath», на испанском – «hacer prestart juramento», на немецком – «den Eid ab-

nehmen» и т.д. Подобных примеров можно привести тысячи.

Особо следует подчеркнуть, что в этом значении коллокация не является синонимом фразеологизма, традиционно понимаемого как идиома. Коллокации обычно образуются в процессе изменения значений слов в результате переосмысления отдельных компонентов сочетания. Главная особенность коллокации – это сохранение лексического значения одним из её компонентов при устойчивости словосочетания в целом и отсутствие или ослабление значения образности и эмоционально-оценочной нагрузки. Например, в русском языке много слов, для которых характерна своеобразная аномалия в сочетаемости: они образуют фиксированные сочетания с несходными по семантике словами (например, установить: палатку, мачту, памятник, аппаратуру, будильник на пять часов, наблюдение, контакт, мировой рекорд, новую власть, расписание, значение слова, личность, истину и т. д.). Данные коллокации не являются необычными для носителей русского языка, однако людям, изучающим русский язык как иностранный, довольно трудно понять, почему необходимо говорить именно так. Подобная лексико-фразеологическая сочетаемость специфична, т. е. присуща только конкретному слову в конкретном языке. Это основное свойство несвободных словосочетаний, получивших название коллокаций. Оно относит их к периферийным единицам как традиционной лексикологии, занимающейся в основном свободной сочетаемостью, так и фразеологии, в центре внимания которой находятся идиомы. Следовательно, коллокации занимают промежуточное положение в системе языка, оказываясь на границе между фразеологией и лексикологией.

В комбинаторной лексикологии в зависимости от семантики и функции их употребления изучаются различные категории коллокаций, которые можно классифицировать следующим образом: традиционные, экспрессивные, этнокультур-

ные, терминологические [2], грамматические.

Традиционные (общеупотребительные) коллокации – тип нормативных стандартных словосочетаний, которые общеизвестны и могут употребляться в публицистических и официально-деловых текстах, а также в разговорной речи, например: в русском языке – «поднять уровень», «конфликт интересов», «возмещение вреда», «принять меры»; в английском языке – «toothache», «to propose a resolution», «to break the law», «to pay attention», «to take photo», «to save money», «to commit suicide», «a heavy smoker», «to inflict a wound».

Экспрессивные коллокации – тип нормативных коннотативных словосочетаний, которые применяются в публицистике или художественных произведениях для выражения эмотивно-экспрессивного значения, например: «потрясающая новость», «несметные богатства», «шикарный наряд», «невыносимая боль», «пронизывающий взгляд»; в английском языке – «a devoted friend», «a burning desire», «a golden opportunity», «ridiculously cheap», «auspicious event», «agonizing pain», «deep gloom».

Этнокультурные коллокации – тип словосочетаний, которые отражают социально-значимые реалии, содержащие в себе национально-культурную специфику; они свойственны определённому этносу и, как правило, непонятны носителям других языков и культур, например: в русском языке – участковый терапевт, медицинская сестра, медико-социальная экспертиза, больничный лист; в английском языке – «an amenity bed» – койка с улучшенным обслуживанием, «a health center» – медицинский государственный консультативный центр, «a house physician» – врач-терапевт, живущий при больнице, «a nursing home» – частная лечебница или больница, «a registered nurse» – дипломированная медицинская сестра со сроком обучения три года, «an enrolled nurse» – аттестованная медицинская сестра со сроком обучения два года,

«a teaching hospital» – клиническая больница при медицинском университете.

Терминологические коллокации – терминологические словосочетания, которые относятся к определенной области знаний и выражают одно понятие, например: в русском языке – «сердечная недостаточность», «геморрагический шок», «хирургическая инфекция», «сердечный приступ», «хроническая болезнь»; в английском языке – «arterial pressure», «dental probe», «soft diet», «laser therapy», «genetic deficiency», «cardiac insufficiency», «bone marrow», «synovial fluid», «thyroid gland».

Грамматические коллокации – это тип английского грамматического конструкта, когда глагол или прилагательное употребляются только с определенным предлогом или когда требуется определенная глагольная форма, например: to depend on, to be proud of, to object to, to divide into, to avoid +Ving, to give up+Ving, to prevent from+Ving.

Человеку, изучающему иностранный язык на поверхностном уровне, бывает сложно уловить значение коллокации и найти эквивалент в собственном языке, ведь смысл коллокации не является суммой смысла ее частей, а имеет собственное значение (например, «идет дождь», «strong tea» и т.д.). Они неделимы и характеризуются прочной композиционностью, т.е. значения составных выражений определяются значениями их частей, взятых в данной конфигурации на основании синтаксического правила, соединяющего части в целое, что основывается на так называемом принципе композиционности (compositionality), выведенном Г. Фреге. «Ученый постулировал, что значение комплексного знака есть комплексное значение его составляющих и отношения между ними, т.е. семантика любого комплексного знака может быть описана как результат соединения знаков с определенной семантикой в определенном порядке. Композиционность – это не однозначно суммативный процесс, он может сопровождаться частичным или

полным переосмыслением значения целого, которое зачастую невозможно вывести из значения отдельных его компонентов, поскольку они вступают в сложные семантические отношения» [3].

Нельзя заменить зависимое слово на другое подходящее по смыслу или контексту («крепкий чай», нельзя заменить на «стойкий, мощный чай»). Чай крепкий не потому, что его нельзя сломать, а так как сложилась определенная лингвистическая традиция, аналогично – «powerful drug». Иногда можно заменить одно из слов в коллокации на другое подходящее по смыслу, и это не будет считаться грубой ошибкой, окружающие люди поймут, о чем идет речь, но такая фраза не будет звучать натурально. Если кто-то скажет «I did a few mistakes», его поймут, но грамотный человек или носитель языка сказал бы «I made a few mistakes». Коллокации – комбинации слов, употребляемых вместе, составляющих единую фразу и образующих сращение [11].

Такие словосочетания очень частотны в использовании и существуют в каждом языке. Почему же они так распространены? Такие шаблоны помогают выражать мысль емко и кратко. С помощью коллокаций, описание явления, которое могло занять целое предложение, сокращается до всего лишь нескольких слов. Также, они формируют богатство речи и являются ее украшением, делают разговор красочнее.

Коллокационные сочетания широко применяются во всех сферах жизни. Исключением не стала и медицина. В медицинской терминологии и медицинском английском можно найти множество сочетаний слов, которые очень специфичны. Следует обращать особое внимание на перевод анатомических терминов, а также устойчивых сочетаний, используемых в медицинском дискурсе: «first finger»/большой палец, «small intestine»/тонкий кишечник, «large intestine» – толстый кишечник, «skull cap»/свод черепа, «crazy bone»/внутренний мыщелок плечевой кости, «tail bone»/копчик, «collar-

bone»/ключица, «spinal cord»/спинной мозг, «vertebral column»/позвоночный столб, «renal pelvis»/почечная лоханка, «myelin sheath»/миелиновая оболочка. Подобных примеров можно привести множество.

Необходимо учитывать особенности перевода коллокационных сочетаний при работе с англоязычными медицинскими текстами. Корректность перевода подобных сочетаний, несомненно, является значимым фактором для правильного определения и употребления терминологических единиц при переводе аутентичных текстов с целью точной передачи мысли автора: лучевая болезнь – «atomic disease», свистящее дыхание – «goose breathing», временная повязка – «battle dressing», высокая доза – «heavy dose», лечить заболевание – «to manage a disease». Использование различных компьютерных программ-переводчиков, как правило, не помогает в переводе, а лишь искажает смысл терминов: например, жидкая диета – soft diet (а не liquid diet!), сильный кашель – bad cough (а не strong cough!), влажный кашель – productive cough (а не wet cough!).

Знание терминологических коллокаций также служит важным условием для осуществления профессиональной коммуникации в сфере медицины на английском языке. Коллокационные сочетания достаточно активно используются при общении врача и пациента в ситуациях иноязычного общения, поэтому при подготовке будущих врачей необходимо уделять самое пристальное внимание корректному переводу подобных сочетаний в медицинском дискурсе. Медицинский дискурс является особой подсистемой, предназначенной для медицинской коммуникации: для определения и уточнения диагноза, принятия и обоснования тактик лечения, усиления эффекта обратной связи с пациентом. Чтобы врач получил нужную информацию, добился доверия пациента, он должен отвечать определенным требованиям, таким как грамотность речи, четкость изложения. В

системе «врач – пациент» врач выступает безусловным коммуникативным лидером, поэтому для достижения оптимальных результатов он должен использовать лексические единицы с соблюдением правил, характерных для данной ситуации и языковой среды. Грамотное использование лексических сочетаний в речи повышает статус врача, показывает уровень его информированности и компетентности, а также способствует успешному взаимопониманию всех участников дискурса. Семантические барьеры, возникающие вследствие неправильного понимания значения символов, используемых в коммуникациях, могут иметь самые печальные последствия в медицинской практике.

Так, например, когда пациенты жалуются на такой симптом, как «upset stomach», они имеют в виду расстройство желудка, а вовсе не расстроенный, грустный желудок. Таких словосочетаний, которые используются для описания состояния пациента, достаточно много. Например: «to lose weight» – похудеть (дословно – потерять вес), «to catch a cold» – простудиться (досл. – поймать простуду), «high temperature» – повышенная температура, выше нормальной температуры тела (обычно high используется как пространственная характеристика), «gunning nose» – насморк (дословно – бегущий нос), «bad pain» – сильная боль (досл. – плохая боль), «productive cough» – влажный кашель. Выражение «to prescribe a treatment» используется врачом, чтобы выписать соответствующие рецепты на лекарства, а не «выписать лечение». Коллокация «a drug fog», конечно же, используется как «лекарство от», то есть лекарство для уменьшения какого-либо недуга, болезни, а не «лекарство для», как это понял бы человек, не знающий особенности устойчивых фраз. «to admit to a hospital» – госпитализировать больного («to admit» – признавать, впускать, «hospital» – больница), «to take blood pressure» – измерять кому-либо кровяное давление (хотя дословно фраза означает

«брать кровяное давление», «to feel the pulse» – щупать пульс (дословно – чувствовать пульс), «to fall ill» – заболеть (а не упасть больным). Как мы видим, значение устойчивых выражений нельзя трактовать как значение отдельных слов.

Опрос пациента занимает важное место в медицинском дискурсе. Используя корректные коллокационные сочетания, врач устанавливает коммуникативную связь с пациентом, что положительно влияет на скорость и эффективность постановки диагноза и назначения лечения. Поэтому в ходе иноязычной коммуникации необходимо уделять пристальное внимание употреблению коллокационных комбинаций медицинской сферы. В качестве примера приведем ряд вопросов врача при сборе анамнеза:

What do you *complain of*? (ане *complain on!*)

When did you *fall ill*? (досл. Когда Вы упали больным?)

Did you *throw up blood*? (досл. Вы выбрасывали кровь?)

Do you have *sore throat*? (ане *painful throat!*)

Do you suffer from *running nose*? (досл. Вы страдаете от бегущего носа?)

Необходимо подчеркнуть несомненную важность изучения коллокаций в процессе освоения иностранного языка. Употребление слова в каком-либо языке определяется в том числе его наличием в коллокациях, и этот факт стоит учитывать при создании разного рода словарей и изучении иностранных языков. Такое явление, как коллокации существует во всех языках и является одной из главных особенностей. Значение слова конкретизируется с помощью коллокаций. Для достижения ощутимых результатов в овладении иностранным языком следует использовать словари коллокаций, представляющие собой относительно новый ресурс в лингвистике. Эти словари содержат множество контекстов и располагают более широким спектром коллокаций, чем традиционные. Взаимное понимание речевых единиц определяет каче-

ство межъязыкового и межкультурного общения. Сигнификативная и коннотационная эквивалентность определяет степень понимания коллокации. Лексическая сочетаемость осложняет понятие эквивалентности, провоцируя учащихся употреблять иностранные слова в привычных контекстах родного [7].

Применительно к обучению иностранному языку в медицинском вузе нельзя не отметить важность инновационных подходов, которые помогут обучающимся освоить тонкости иноязычного общения. Важной частью работы с коллокациями является система формирования коллокационной компетенции при работе с определенной тематикой, когда студент ведет словарь не по принципу запоминания определенного слова, а по принципу его «окружения», присущего данному языку [5]. Конкретизация профессионально-речевого и иноязычного учебного материала включает в себя отбор соответствующей тематики, текстов для чтения, аудирования и обсуждения, отвечающих профессиональной тематике; подбор лексики и типовых фраз, предназначенных для активного усвоения [4]. Знание основных коллокаций позволит студентам в более короткие сроки овладеть медицинским дискурсом, так как применять готовые фразы гораздо удобнее, чем самостоятельно построить иноязычную фразу. Студенты, освоившие большое количество коллокаций, продуктивнее используют иностранный язык в своей профессиональной сфере.

Важно уметь различать и знать особенности медицинской терминологии для профессионального роста и совершенствования, взаимодействия с иностранными больными, использования медицинских зарубежных текстов, ведь иногда пословный перевод может иметь совершенно противоположный смысл, нежели смысл коллокации, сочетающей те же слова. Неправильный выбор лексики может привести к неправильному восприятию информации как врачом, так и пациентом, что, несомненно, осложнит

коммуникацию и может привести к печальным последствиям.

Изучение коллокаций дает возможность вести разговор с носителями языка на одном уровне, в натуральной для этого языка манере, выражать свои мысли разными способами, более четко и ярко излагать свою точку зрения.

Список литературы

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.
2. Влавацкая М. В. Понятия коллокации и коллигации в диахроническом рассмотрении // Актуальные проблемы филологии и методики преподавания иностранных языков. Новосибирск: НГПУ, 2011. С. 19–26.
3. Горбунова Н.Г. Языкотворчество Дж. Джойса: словообразовательный аспект (на примере романа "Улисс"): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб., 2006. 203 с.
4. Довгер О. П., Лопата К. М. Интенсификация формирования дискурсивной компетенции студентов через игровое пространство иноязычной речевой коммуникации // Язык. Образование. Культура: сборник материалов XI Всероссийской научно-практической электронной конференции с международным участи-

ем, посвященной 82-летию КГМУ (24–29 апреля 2017 г.). Курск, 2017.

5. Иванова Л. А. Проблемы обучения иноязычной стилистической компетенции в деловом английском языке на базе коллокационной комбинаторики // Гуманитарный вестник. 2013. Вып. 5(7).
6. Иорданская Л. Н., Мельчук И. А. Смысл и сочетаемость в словаре. М.: Языки славянских культур, 2007.
7. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М.: Слово / Slovo, 2000. 264 с.
8. Хохлова М. В. Экспериментальная проверка методов выделения коллокаций // SlavicaHelsingiensia 34 Инструментарий русистики: Корпусные подходы / под ред. А. Мустайоки, М. В. Копотева, Л. А. Бирюлина, Е. Ю. Протасовой. Хельсинки, 2008. С. 343–357.
9. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М., 1987. С. 15.
10. Benson M., Benson E., Ilson R. (ed.) The BBI Combinatory Dictionary of English. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co; М.:Русскийязык, 1990. 286 с.
11. English collocations in use – Michael McCarthy, Felicity O'Dell.

Поступила в редакцию 10.12.18

UDC 81'373.42+37+367

O. P. Dovger, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (Kursk, Russia) (e-mail: odovger@yandex.ru)

K. M. Lopata, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (Kursk, Russia) (e-mail: 0707karina@mail.ru)

O. V. Chaplygina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (Kursk, Russia) (e-mail: olya.thapligina2015@yandex.ru)

A. A. Kuznetsova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (Kursk, Russia) (e-mail:(kuznetsova.a80@mail.ru)

E. A. Nikitina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: eanikitina72@mail.ru)

TERMINOLOGICAL COLLOCATIONS IN MEDICAL DISCOURSE (ON THE MATERIAL OF ENGLISH LANGUAGE)

The article is devoted to the problems of collocations in Russian and English languages. The term "collocation" having been recently introduced in use, plays one of the key roles in modern linguistics. Collocations are usually formed in the process of altering words' meanings as a result of rethinking particular components of a combination.

The principle feature of collocations is a conservation of lexical meaning by any of its components with sustainability of a combination as a whole and weakening the affective pattern. The collocation categories are classified according to their semantic and functional usage. A special attention is paid to the problem of terminological combinations in English medical discourse. The authors consider the correct usage of collocations in sublanguage of medicine to be of great importance. The most widespread collocations used both in medical literature and medical discourse are given as common examples.

To study collocations while learning English language is considerably important. The usage of words in any language is determined by their availability in collocations, and this fact must be taken into account in composing dictionaries of various types and studying foreign languages. Collocations as a lexical structure are the most important features of any language. The word meaning is detailed with the help of collocations.

Besides, the correct translation of terminological collocations is essential for the work with authentic medical literature and for professional activity of medical practitioners and medical scholars.

Key words: collocations; corpus linguistics; medical discourse; compatibility; recurrent word combinations.

For citation: Dovger O. P., Lopata K. M., Chaplygina O. V., Kuznetsova A. A., Nikitina E. A. Terminological collocations in medical discourse (on the material of english language). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 90–102 (in Russ.).

References

1. Ahmanova O. S. Slovar' lingvističeskikh terminov. Moscow, 1966.

2. Vlavackaya M. V. Ponyatiya kollokacii i kolligacii v diahroničeskom rassmotrenii. Aktual'nye problemy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov. Novosibirsk, 2011, pp. 19–26.

3. Gorbunova N.G. Yazykotvorčestvo Dzh. Dzhosja: slovoobrazovatel'nyj aspekt (na primere romana "Uliss"). Diss. kand. filol. nauk. St. Petersburg, 2006. 203 p.

4. Dovger O. P., Lopata K. M. Intensifikacija formirovaniya diskursivnoj kompetencii studentov čerez igrovoe prostanstvo inoyazyčnoj rečevoj komunikacii. Yazyk. Obrazovanie. Kul'tura. sbornik materialov XI Vserossijskoj nauchno-praktičeskoj ehlektronnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashčennoj 82-letiju KGMU. Kursk, 2017.

5. Ivanova L. A. Problemy obučeniya inoyazyčnoj stilističeskoj kompetencii v delovom anglijskom yazyke na baze kollokacionnoj kombinacii. *Gumanitarnyj vestnik*, 2013, is. 5 (7).

6. Iordanskaya L. N., Mel'čuk I. A. Smysl i sočetaemost' v slovare. Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur Publ., 2007.

7. Ter-Minasova S. G. Yazyk i mezhkul'turnaya kommunikacija. Moscow, Slovo Publ., 2000, 264 p.

8. Hohlova M. V. Ehksperimental'naya proverka metodov vydeleniya kollokacij. *Slavica Helsingiensia* 34 Instrumentarij rusistiki: Korpusnye podhody; ed. by Mustajoki A., Kopotev M. V., Biryulin L. A., Protasova E. Yu. Hel'sinki, 2008, pp. 343–357.

9. Formanovskaya N. I. Russkij rečevoj ehtiket: lingvističeskij i metodičeskij aspekt. Moscow, 1987, p. 15.

10. Benson M., Benson E., Ilson R. (ed.) *The BBI Combinatory Dictionary of English*. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co; Moscow, Russkijyazyk, 1990. 286 p.

11. English collocations in use – Michael McCarthy, Felicity O'Dell.

УДК 81

А. В. Гребенников, аспирант, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет»
(Курск, Россия) (e-mail: alexgreb2012@gmail.com)

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ КОНЦЕПТА ДИСТАНЦИЯ В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ

В статье отмечается важность изучения индивидуального языкового сознания для формирования представлений о культурных и социальных особенностях носителей того или иного языка. В связи с этим автор рассматривает толкование понятия «языковое сознание», предлагаемое в трудах различных учёных, отмечая его неоднозначность. На основе проанализированных определений языкового сознания формулируется содержание понятия «индивидуальное языковое сознание», которое используется в данном исследовании.

Автор отмечает, что одной из наиболее продуктивных методик в изучении индивидуального языкового сознания является методика субъективных дефиниций, при которой испытуемые предлагают свои собственные дефиниции к анализируемым словам. Приводятся достоинства использования данной экспериментальной методики и рассматриваются ситуации её применения, отражённые в различных научных трудах.

В статье описывается процедура проведения эксперимента, направленного на получение субъективных дефиниций слова «дистанция», с привлечением носителей русского языка, а также осуществляется анализ имеющихся результатов. Тот факт, что в большей части представленных дефиниций присутствует слово «расстояние», свидетельствует о связи концептов «дистанция» и «расстояние» в индивидуальном языковом сознании носителей русского языка.

Кроме того, анализ предложенных носителями языка дефиниций показал, что в толковании слова «дистанция» могут присутствовать указания на территориально-пространственные отношения, отношения между людьми, представления респондентов, относящиеся к спортивной сфере и математике, и на неоднозначность толкования слова. Сравнение анализируемых дефиниций с определениями слова «дистанция» в толковом словаре показывает, что носители русского языка при субъективном толковании могут как приносить что-то отличающееся от словаря (например, связь значения слова «дистанция» с чувствами, эмоциями), так и не упоминать того, что в словаре указано.

В качестве перспектив исследования указывается возможность проведения аналогичного эксперимента с носителями других языков, где в качестве стимула будет использоваться иноязычное слово, соответствующее русскому слову «дистанция».

Ключевые слова: индивидуальное языковое сознание; дистанция; эксперимент; субъективные дефиниции.

Ссылка для цитирования: Гребенников А. В. Функционирование концепта дистанция в индивидуальном языковом сознании // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 103–110.

Введение

В настоящее время в различных источниках можно встретить термин «индивидуальное языковое сознание». Его трактовка достаточно неоднозначна и может зависеть от толкования понятия «языковое сознание».

Существует мнение, что понятие «языковое сознание» отсутствует, например, в англоязычных и франкоязычных работах, но широко встречается в работах русскоязычных. Причём, сложно найти единообразие при толковании этого понятия [12]. Например, в словаре лингвистических терминов О.С. Ахмановой под языковым сознанием подразумеваются «особенности культуры и общественной

жизни данного человеческого коллектива, определившие его психическое своеобразие и отразившиеся в специфических чертах языка» [2, с. 18]. Е.Ф. Тарасов под языковым сознанием понимает «образы сознания, овнешняемые языковыми средствами: отдельными лексемами, словосочетаниями, фразеологизмами, текстами, ассоциативными полями и ассоциативными тезаурусами как совокупностью этих полей» (цит. по [12, с. 32]). О.Я. Кабанова и П.Я. Гальперин считают, что «языковое сознание – это закрепленный в грамматических значениях специфический языковой способ отражения действительности народом, говорящим на данном языке» [6, с. 111–112].

Если провести обобщение подобных определений применительно к понятию «индивидуальное языковое сознание», то можно сказать, что оно обозначает психические черты, особенности восприятия и отражения действительности отдельного индивида, передаваемые с помощью языка. Изучение индивидуального языкового сознания может способствовать формированию более полных представлений о культурных и общественных особенностях носителей того или иного языка.

Результаты и обсуждение

Одним из эффективных способов изучения индивидуального языкового сознания является методика субъективных дефиниций. Данная методика подразумевает, что испытуемые формулируют свои собственные определения к предлагаемым словам. Такой подход, как полагает С.В. Лебедева, несёт в себе особый результат «переработки субъективного опыта человека при попытке определить значение слова» [10, с. 223]. С.И. Тогоева отмечает, что рассматриваемая методика показала высокую продуктивность при осуществлении психолингвистических исследований [14]. Например, возможно её использование для дальнейшего сравнения полученных результатов со словарными дефинициями при восприятии новых слов и выделения их сходств и отличий по различным признакам [5]. Методика субъективных дефиниций может помочь с анализом процесса идентификации неизвестного слова как синергетического процесса [15]. Также можно отметить, что анализ субъективных дефиниций способен предоставить доступ к имеющимся в сознании индивида переживаниям и ассоциативным связям (например, при выделении аспектов ментальной и языковой репрезентации дирекциональности у билингвов) [9] или послужить доказательной базой для определения существования междискурсивных характеристик образной репрезентации слова [7].

Для нас же представляет интерес исследование субъективных дефиниций с целью изучения фрагмента индивидуального языкового сознания носителей русского языка, являющегося структурным элементом категории «пространство».

По нашему мнению, одним из ключевых понятий, формирующих пространственную картину мира, является понятие «дистанция». Это, в частности, подтверждают определения соответствующего слова, предлагающиеся в «Большом толковом словаре русского языка», составленном под редакцией С.А. Кузнецова: «1. Расстояние, промежуток между чем-либо ... 2. *Спорт*. Расстояние между стартом и финишем ... 3. Несоответствие, различие между кем-, чем-либо, обусловленное разной степенью их развития, положения, состояния и т.п. ... 4. Участок административно-технического деления железной или шоссейной дороги, водного пути ...» [3, с. 261–262]. Наличие семы ‘расстояние’ в первых двух дефинициях слова «дистанция», данных в словаре, указывает на связь между соответствующими понятиями. Можно также отметить, что в «Словаре синонимов русского языка» З.Е. Александровой слово «расстояние» синонимично и со словом «пространство» (синонимический ряд «промежуток, просвет, пространство, расстояние») [1, с. 397], и со словом «дистанция» (синонимический ряд «расстояние, дальность, дистанция, путь») [1, с. 427]. Поэтому можно сделать вывод о том, что слова «дистанция» и «расстояние» не просто связаны между собой, а образуют синонимический ряд базовых номинаций концепта «пространство».

Для получения более детальных данных о содержании концепта, актуализируемого словом «дистанция», был проведён эксперимент с использованием методики субъективных дефиниций. В экспериментальном исследовании приняли участие студенты первого и второго курсов факультета экономики и менеджмента, а также исторического и юридического факультетов Курского государственного

ного университета: тридцать один (31) человек (23 девушки и 8 юношей) в возрасте от восемнадцати до двадцати лет, что, как отмечают Левицкий В.В. и Стернин И.А. [11], а также Серышева Ю.В. и Агаб С.Е. [13], соответствует рекомендуемому минимуму для осуществления подобных исследований. Каждый респондент получил один бланк, в котором испытуемым предлагалось привести определение слова «дистанция». Всего было получено тридцать семь (37) субъективных дефиниций. В исследовании соблюдены основные принципы, применяемые в психолингвистических экспериментах и описанные в работах соответствующей тематики (см., например, [8]).

Стоит отметить, что в тридцати одной приведённой дефиниции присутствует слово «расстояние». Этот факт, на наш взгляд, свидетельствует о тесной связи между концептами «дистанция» и «расстояние».

Пятнадцать представленных дефиниций начинаются с фразы «определённое расстояние». В данную категорию можно отнести ещё одну дефиницию, начинающуюся с фразы «определённый промежуток». Это может говорить о том, что для многих людей слово «дистанция» ассоциируется с уже известной величиной, заданной заранее. Нужно сказать, что продолжение обозначенной фразы может отличаться и относиться к различным сферам жизни.

В некоторых случаях речь может идти о простом описании пространственных отношений. Об этом могут свидетельствовать такие дефиниции, как «определённое расстояние между какими-либо объектами или людьми», «определённое расстояние между точкой А и В, некий отрезок», «определённое расстояние от пункта А до пункта В», «определённое расстояние между чем-либо (субъектами/объектами, группами)», «определённое расстояние, путь». В некоторых ситуациях речь может идти не просто о заданном и уже известном расстоянии, а о предписанном и/или реко-

мендуемом расстоянии («определённое расстояние, которого должны придерживаться автомобили или люди», «определённое расстояние, на котором желательно или необходимо находиться от какого-либо объекта», «определённый промежуток, который человек должен пройти, проехать»). Есть примеры, в которых присутствует отнесение имеющихся у носителя языка представлений о дистанции к спортивной сфере («определённое расстояние, которое нужно преодолеть (физкультурное понятие)», «определённое расстояние на соревнованиях»). Представлены также дефиниции, описывающие отношения между людьми. Здесь стоит отметить, что в данном случае присутствуют как относительно простые варианты дефиниций («определённое расстояние, на котором человек держит другого от себя (чем оно меньше, тем ближе отношения между людьми)»), так и довольно сложные («определённое расстояние, заданное определёнными рамками, которое нельзя нарушать, в частности, в том случае, когда имеется в виду расстояние между людьми, так как в случае нарушения личных границ будет выходить неприятная ситуация», «определённое расстояние от чего-то одного до чего-либо другого, но не просто расстояние, а расстояние, которое нужно или же не нужно преодолевать, соблюдать или не соблюдать, которое важно и нужно соблюдать в диалоге с малознакомым человеком, но которое можно и иногда даже нужно нарушать между двумя любящими друг друга людьми, боящимися своих чувств»). Можно сказать, что для многих людей дистанция ассоциируется с различными чувствами и эмоциями.

Довольно большая доля дефиниций начинается со слова «расстояние». В такой ситуации, как правило, в определении было представлено указание на пространственно-территориальное расположение объектов. Сюда можно отнести такие примеры, как «расстояние в пространстве от одной точки до другой», «расстояние между двумя объектами»,

«расстояние между чем-либо», «расстояние от начальной точки до чего-либо», «расстояние от точки А до точки В». В данной ситуации дистанция несёт в себе указание на начальную и конечную точки перемещений.

Оставшиеся субъективные дефиниции со словом «расстояние», в основном, относятся к описанию пути или движения пространственных объектов («длинное расстояние», «какое-либо количественное расстояние между людьми, предметами», «преодолённое расстояние», «примерное расстояние между движущимися объектами, предметами, допустимое и наиболее безопасное»), но есть случай, в котором представлена неоднозначность определения понятия «дистанция» («широкое понятие, которое может означать как расстояние между физическими объектами, так и уровень отношений между людьми»).

Если же говорить о дефинициях, в которых слово «расстояние» не представлено, то в них можно отметить наличие указания на связь представлений о дистанции со сферой математики («отрезок от одного места до другого», «территориальный отрезок, выражающийся в математических единицах измерения (миллиметры, метры, километры)») и обозначение отношений между людьми («индивидуальное отношение к каждому человеку», «некое отделение от людей, неотожествление себя с ними, воспринимаемое через призму неимения тесного контакта», «степень близости между людьми»).

В целом, полученные субъективные дефиниции на слово «дистанция» можно разделить на шесть групп, которые представлены в таблице «Субъективные дефиниции слова *дистанция*».

Субъективные дефиниции слова *дистанция*

Категория дефиниций	Примеры
Дефиниции, отражающие пространственные понятия	длинное расстояние; какое-либо количественное расстояние между людьми, предметами; какое-то расстояние между людьми; определённое расстояние между какими-либо объектами или людьми; определённое расстояние между объектами, рассматриваемое часто как направление движения, измеряемое в метрах или километрах; определённое расстояние между объектами; определённое расстояние между предметами, людьми; определённое расстояние между точкой А и В, некий отрезок; определённое расстояние между чем-либо (субъектами/объектами, группами); определённое расстояние от пункта А до пункта В; определённое расстояние, путь; отрезок от одного места до другого; преодолённое расстояние; расстояние в пространстве от одной точки до другой;

Продолжение табл.

Категория дефиниций	Примеры
	<p>расстояние между двумя объектами; расстояние между двумя предметами; расстояние между чем-либо; расстояние между чем-то; расстояние от начальной точки до чего-либо; расстояние от одного объекта до другого; расстояние от точки А до точки В; расстояние перед кем-то или чем-то; территориальный отрезок, выражающийся в математических единицах измерения (миллиметры, метры, километры)</p>
Дефиниции, отражающие рекомендации и/или предписания	<p>определённое расстояние, заданное определёнными рамками, которое нельзя нарушать, в частности, в том случае, когда имеется в виду расстояние между людьми, так как в случае нарушения личных границ будет выходить неприятная ситуация; определённое расстояние, которого должны придерживаться автомобили или люди; определённое расстояние, на котором желательно или необходимо находиться от какого-либо объекта; определённый промежуток, который человек должен пройти, проехать; примерное расстояние между движущимися объектами, предметами, допустимое и наиболее безопасное</p>
Дефиниции, затрагивающие спортивные понятия	<p>определённое расстояние, которое нужно преодолеть (физкультурное понятие); определённое расстояние на соревнованиях</p>
Дефиниции, затрагивающие отношения между людьми	<p>индивидуальное отношение к каждому человеку; некое отделение от людей, неотожествление себя с ними, воспринимаемое через призму неимения тесного контакта; определённое расстояние, заданное определёнными рамками, которое нельзя нарушать, в частности, в том случае, когда имеется в виду расстояние между людьми, так как в случае нарушения личных границ будет выходить неприятная ситуация; определённое расстояние, на котором человек держит другого от себя (чем оно меньше, тем ближе отношения между людьми);</p>

Окончание табл.

Категория дефиниций	Примеры
	определённое расстояние от чего-то одного до чего-либо другого, но не просто расстояние, а расстояние, которое нужно или же не нужно преодолевать, соблюдать или не соблюдать, которое важно и нужно соблюдать в диалоге с малознакомым человеком, но которое можно и иногда даже нужно нарушать между двумя любящими друг друга людьми, боящимися своих чувств; расстояние между двумя людьми (в эмоциональном значении); степень близости между людьми
Дефиниции, отражающие широту толкования рассматриваемого слова	широкое понятие, которое может означать как расстояние между физическими объектами, так и уровень отношений между людьми
Дефиниции, связанные со сферой математики	отрезок от одного места до другого; территориальный отрезок, выражающийся в математических единицах измерения (миллиметры, метры, километры)

Выводы

Важно отметить, что в некоторых рассматриваемых дефинициях прослеживается связь с первыми тремя значениями, указанными в словаре, однако субъективные дефиниции, представленные информантами, не совпадают с ними полностью. Четвёртое словарное значение слова «дистанция» является профессиональным термином и в предложенных испытуемыми дефинициях не отмечается, так как не связано со сферами деятельности респондентов. В то же время мы можем сказать, что словарь не даёт определений, относящихся к чувствам, эмоциям или подчёркивающих заданную величину, которые присутствуют в предложенных испытуемыми ответах. Также стоит сказать, что два первых определения слова «дистанция» начинаются со слова «расстояние». Это в очередной раз подчёркивает тесную связь между концептами «расстояние» и «дистанция».

В целом, результаты исследования соотносятся с идеей о том, что ментальная и языковая репрезентация фрагментов категории «пространство» обусловлена индивидуальными представлениями о пространстве и пространственных отношениях [4].

Таким образом, проведённое нами исследование показывает, что концепт «дистанция» как элемент индивидуального языкового сознания неотъемлемо связан с концептом «расстояние» и может иметь несколько разное содержание в сознании отдельных носителей русского языка, что выражается с помощью различных субъективных дефиниций.

Перспективы дальнейшего исследования пространственных концептов в индивидуальном языковом сознании видятся в их анализе на материалах других языков.

Список литературы

1. Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: Практический

справочник: Ок. 11 000 синоним. рядов. 11-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 2001. 568 с.

2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: КомКнига, 2007. 576 с.

3. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2000. 1536 с.

4. Бороздина И.С. Ментальная и языковая репрезентации фрагментов пространственной картины мира: описание и сопоставление // Функционирование языка в социуме, тексте, индивидуальном сознании: коллективная монография / под общ. ред. А.А. Залевской. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2018. С. 19–37.

5. Виноградова В. М. Воздействие гендерного фактора на степень соответствия субъективных дефиниций словарным определениям // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. 2009. № 2 (6). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-04.pdf> (дата обращения: 06.11.2018).

6. Гальперин П. Я., Кабанова О. Я. Языковое сознание как основа формирования речи на иностранном языке // Управление познавательной деятельностью учащихся / под ред. П. Я. Гальперина, Н. Ф. Талызиной. М.: Изд-во МГУ, 1972. С. 109–133.

7. Денисова В.В. Междискурсивные характеристики образной репрезентации слова // Теория языка и межкультурная коммуникация: электронный научный журнал. 2013. № 1 (13). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-004.pdf> (дата обращения: 06.11.2018).

8. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Директ-Медиа, 2013. 561 с.

9. Идельсон Е. В. Лингво-когнитивные аспекты дирекциональности при двуязычии: дис. ... канд. филол. наук. Курск, 2016. 200 с.

10. Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: дис. ... докт. филол. наук. Тверь, 2002. 311 с.

11. Левицкий В. В., Стернин И. А. Экспериментальные методы в семасиологии. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1989. 192 с.

12. Нечаева Е. Ф. Языковое сознание и национальный менталитет (к вопросу о терминологии) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 30–33.

13. Серышева Ю. В., Агаб С. Е. Психолингвистический эксперимент как метод исследования языковых явлений // Молодой учёный. Научный журнал. 2015. № 11 (91). С. 1688–1690.

14. Тогоева С. И. Субъективные дефиниции в идентификации лексических инноваций // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2014. № 4. С. 236–240.

15. Федурко Ю. В. Идентификация незнакомого слова как синергетический процесс: дис. ... канд. филол. наук. Тверь, 2008. 177 с.

Поступила в редакцию 14.12.18

UDC 81

A. V. Grebennikov, Post-Graduate Student, Kursk State University (Kursk, Russia)
(e-mail: alexgreb2012@gmail.com)

FUNCTIONING OF THE CONCEPT *DISTANCE* IN INDIVIDUAL LINGUISTIC PERCEPTION

The importance of studying individual linguistic perception to get to know cultural and social peculiarities of native speakers is emphasized in the article. The author analyzes definitions of the term "linguistic perception" given by different scientists and pays attention to the ambiguousness of the term. The definition of the term "individual linguistic perception", which is used in the following research, is based on the analyzed definitions of linguistic perception.

A technique of subjective definitions is described as one of the most efficient techniques in order to study individual linguistic perception. Various advantages of the technique are enumerated and possible situations of its use are discussed.

The author describes the procedure of the experiment aimed at getting subjective definitions of the Russian word «дистанция» (which can be translated into English as “distance”) and the results of the experiment. The fact that most of the definitions include the word «расстояние» (which can be translated into English as “distance”) shows possible connections between the Russian concepts «дистанция» and «расстояние» (both can be translated into English as “distance”) in individual linguistic perception of the Russian language speakers.

Besides, the analysis of the offered definitions showed that some interpretations of the word «дистанция» can include spatial terms, can express relations between people, respondents' representations connected with sports and mathematics, can depict the ambiguousness of the word. The analyzed definitions of the word «дистанция» are compared with those ones that can be found in an explanatory dictionary.

A similar experiment with native speakers of other languages can be offered as a perspective of the research. A foreign word that has similar meanings as the Russian word «дистанция» has can be used as a stimulus word.

Key words: individual linguistic perception, distance, experiment, subjective definitions.

For citation: Grebennikov A. V. Functioning of the concept distance in individual linguistic perception. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 103–110 (in Russ.).

References

1. Aleksandrova Z. E. Slovar' sinonimov russkogo yazyka. Prakticheskij spravochnik: Ok. 11 000 sinonim. ryadov. Moscow, Russkij yazyk Publ., 2001. 568 p.
2. Akhmanova O. S. Slovar' lingvisticheskikh terminov. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 576 p.
3. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka; ed. by S. A. Kuznecov. St. Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
4. Borozdina I. S. Mental'naya i yazykovaya reprezentacii fragmentov prostanstvennoj kartiny mira: opisanie i sopostavlenie. Funkcionirovanie yazyka v sociume, tekste, individual'nom soznanii; ed. by Zalevskaya A. A. Tver', 2018, pp. 19–37.
5. Vinogradova V. M. Vozdejstvie gendernogo faktora na stepen' sootvetstviya sub"ektivnykh definicij slovarnym opredeleniyam. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. Elektronnyj nauchnyj zhurnal, 2009, no. 2 (6). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/006-04.pdf> (accessed 06.11.2018).
6. Gal'perin P. Ya., Kabanova O. Ya. Yazykovoe soznanie kak osnova formirovaniya rechi na inostrannom yazyke. Upravlenie poznavatel'noj deyatel'nost'yu uchashchikhsya; ed. by Gal'perina P. Ya., Talyzinoj N. F. Moscow, 1972, pp. 109–133.
7. Denisova V. V. Mezhdiskursivnye kharakteristiki obraznoj reprezentacii slova. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikaciya*. Elektronnyj nauchnyj zhurnal, 2013, no. 1 (13). URL: <http://tl-ic.kursksu.ru/pdf/013-004.pdf> (accessed 06.11.2018).
8. Zalevskaya A. A. Vvedenie v psikholingvistiku. Moscow, Direkt-Media Publ., 2013. 561 p.
9. Idel'son E. V. Lingvo-kognitivnye aspekty direkcional'nosti pri dvuyazychii. Dis. kand. filol. nauk. Kursk, 2016. 200 p.
10. Lebedeva S.V. Blizost' znacheniya slov v individual'nom soznanii. Diss. dokt. filol. nauk. Tver', 2002. 311 p.
11. Levickij V. V., Sternin I. A. Eksperimental'nye metody v semasiologii. Voronezh, 1989. 192 p.
12. Nechaeva E. F. Yazykovoe soznanie i nacional'nyj mentalitet (k voprosu o terminologii). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikaciya*, 2009, no. 2, pp. 30–33.
13. Serysheva Yu. V., Agab S. E. Psikholingvisticheskij eksperiment kak metod issledovaniya yazykovykh yavlenij. *Molodoj uchyonyj. Nauchnyj zhurnal*, 2015, no. 11 (91), pp. 1688–1690.
14. Togoeva S. I. Sub"ektivnye definicii v identifikacii leksicheskikh innovacij. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, 2014, no. 4, pp. 236–240.
15. Fedurko Yu.V. Identifikaciya neznakomogo slova kak sinergeticheskij process. Diss. kand. filol. nauk. Tver', 2008. 177 p.

УДК 821.161.1

И. В. Васильева, канд. культурологии, ст. преподаватель, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия) (e-mail: ivasi67@mail.ru)

ОБРАЗ ВОЙНЫ В РОМАНЕ Г. ГАЗДАНОВА «ПРИЗРАК АЛЕКСАНДРА ВОЛЬФА»

Представленная статья акцентирует внимание на особенностях восприятия темы войны в романе Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа». Имя этого писателя долгое время оставалось неизвестным российскому читателю. Только в конце 80-х годов прошлого века произведения и имя этого писателя вернулись на Родину, о которой сам Г. Газданов тосковал на протяжении всех долгих лет вынужденной эмиграции. В этой связи наиболее значителен в творчестве писателя образ России, представляющий собой синтез воспоминаний, ассоциаций и душевных переживаний самого Г. Газданова, наиболее сильным из которых явилась Гражданская война, с описания которой и начинается роман «Призрак Александра Вольфа». При создании данного образа максимальное внимание автором уделяется художественным деталям и символике, передающим всю сложность и неоднозначность эпохи, а также психологическое состояние главного героя, демонстрируется личностное осмысление данной темы. Поиск новых форм в интерпретации образа войны, передающих, с одной стороны, дух времени, с другой, мироощущение самого Г. Газданова представляет собой весьма сложный процесс, заключающий в себе как героическую патетику, так и трагедию русского общества, своеобразный разлом, произошедший после революции 1917 года и разделивший одну большую страну на два непримиримых лагеря. На примере текста романа «Призрак Александра Вольфа» анализируются сложность и неоднозначность творческого метода писателя, в основе которого лежит особое культурное пространство, подчиняющееся авторскому замыслу и принципам его реализации, а также органично соединяющее в себе автобиографичность и художественность.

Ключевые слова: образ; творчество; символ; тематика; контекст.

Ссылка для цитирования: Васильева И. В. Образ войны в романе Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 111–116..

Война – самое «противное человеческому разуму и всей человеческой природе событие» [9, с. 7]. Иван Ильин в 1915 году в своей книге «Духовный смысл войны» написал: «Война есть не только потрясение, но и духовное испытание и духовный суд» [5, с. 15]. Гайто Газданов соприкоснулся с войной еще одиннадцатилетним подростком, а в неполные 16 лет в 1919 году будущий писатель вступает в ряды Добровольческой армии барона П. Н. Врангеля и целый год служит рядовым, находясь непосредственно в самом центре событий. Сам Газданов позже признавался, что его решение отправиться на фронт, было мотивировано горячим стремлением «узнать, что такое война» [4, с. 147]. Сложный и трагический образ Гражданской войны разворачивается перед читателем в романе, созданном писателем в 40-е годы XX века. Возможно, причиной вновь окунуться в воспоминания и обратиться к событиям более чем двадцатилетней давности, стала страшная и кровопролитная Вторая

мировая война, оставившая свой глубокий след и в жизни Г. Газданова. Писатель, проживший весь период оккупации в Париже, активно участвовал в движении Сопротивления, спасая евреев, сбегавших советских военнопленных, выпуская информационные листки о действительном положении на фронте.

В романе «Призрак Александра Вольфа» война становится сюжетообразующим, композиционно значимым образом, с ней связаны судьбы всех героев произведения, их последующая мирная жизнь освещена ее трагическим светом. Писателя же в первую очередь интересует не столько само это историческое событие, сколько вся сложность и многогранность его осознания и осмысление разными по своей сути людьми. Социальные, психологические, этические, философские проблемы, исследуемые автором в романе в контексте эмоциональности, дают уникальную возможность постичь все многообразие характеров.

Можно с уверенностью предположить, что события, описанные в произведении «Призрак Александра Вольфа», непосредственно связаны с судьбой и самого Газданова, подтверждение этому можно увидеть, в первую очередь, в той форме, в которой ведется повествование. Все события романа передаются читателям от первого лица, что придает тексту максимальную документальность и искренность. Война расколола жизнь писателя и его героя на до и после, результатом этого стала вынужденная перемена места жительства, что, несомненно, явилось тяжелым испытанием как для самого автора, так и для его автобиографического героя. Однако еще более глубоко этот раскол проявился на уровне психологии и выразился в серьезном переосмыслении рассказчиком жизненных принципов. Если в начале своей военной жизни молодой человек надеется на захватывающие приключения, то, пройдя через суровые будни сражений и отступлений, мечтает о том, чтобы поскорее все это забылось в мирной жизни.

Картина описания войны появляется уже в самом начале произведения, и занимает совсем не значительную часть романа, при этом именно она придает этому образу особую насыщенность, переходящую в детективный эмоционально напряженный сюжет, достигающий своей кульминации в финале текста. При этом нельзя упустить и тот факт, что образ войны в произведении неразрывно связан с образом России, родины, которая всю жизнь оставалась в сердце самого писателя.

Г. Газданов ведет свое повествование очень лаконично, представляя читателям картину, в которой нет полутонов, все четко и ясно, при этом писателя интересуют не столько факты, сколько реакция, отклик, которые они в себе несут. Картина выжженной степи в начале романа, где из-за каждого поворота дороги, уже смертельно уставшего от бесконечных скитаний героя, подкарауливает всё новая опасность, представляет собой

своеобразную иллюстрацию вышесказанного. Описание природы в данном произведении не просто фон, а важный психологический компонент, чрезвычайно необходимый для создания образа войны и внутреннего состояния героя. «В томительном безумии гражданской войны Повествователь блуждал по раскаленным южным степям с выжженной травой, под высоко стоявшим солнцем» [2, с.2]. Изображение сложного психологического состояния молодого человека создается автором через самохарактеристики и личные воспоминания персонажа. При этом время как будто остановилось, и не было этих долгих лет во Франции, события Гражданской войны вновь и вновь всплывают в памяти героя в мельчайших подробностях. Возможно, в этом и заключен особый смысл его существования. Он живет прошлым, проецируя его на современность. Причина этого, скорее всего, кроется в том, что жизнь главного героя – «смертельно тосклива», «хаотична и печальна» [2, с. 36]. «Я не мог бы точно описать то, что было до этого, потому что все проходило в смутных и неверных очертаниях, характерных почти для всякого боя каждой войны, участники которого меньше всего представляют себе, что происходит в действительности» [3, с. 5].

Непосредственные события войны в романе показаны глазами трех героев: повествователя, имя которого нам неизвестно, Александра Вольфа и Вознесенского. Для каждого из них она является безумием и личной трагедией, всеобщей вакханалией, несущей смерть. Последний из трех, к слову сказать, дабы забыться и уйти от прошлого избирает самый простой путь: туманит мозг алкоголем. Для главного же героя это цепь сложных ощущений и воспоминаний, центральным из которых является смертоубийство. «Я совершенно потерял представление о времени, я не мог бы даже сказать, где именно я тогда находился. Я помню только те ощущения, которые я испытывал и которые могли бы иметь

место и в других обстоятельствах, - чувство голода, жажды и томительной усталости; я не спал перед этим две с половиной ночи» [3, с. 5] Видимо неслучайно, поэтому в тексте произведения слово «смерть» появляется слишком часто. Сам повествователь находится на грани между жизнью и смертью: «Мне смертельно хотелось спать, мне казалось тогда, что это самое большое счастье» [3, с. 108]. Это ощущение отчуждения от жизни, безразличия ко всему вокруг, желание забыться в вечном сне преследуют рассказчика, заставляют все время чувствовать «томительную усталость» [3, с. 6], символизирующую состояние близкое к смерти. Усиливая этот мотив, ассоциирующийся, в первую очередь, с войной, несколько раз делает автор и акцент на мертвой значительности в лице А. Вольфа. «Я наклонился над ним и увидел, что он умирает; пузыри розовой пены вскакивали и лопались на его губах. Он открыл свои мутные глаза, ничего не произнес и опять закрыл их» [3, с. 7]. Эта страшная картина вновь и вновь всплывает в сознании главного героя в последующие годы, это «лицо, измененное приближением смерти, той самой смерти» [3, с. 7] мучает и преследует его, не дает забыть весь ужас войны. Усиливает это состояние и описание зловещей знойной выжженной степи, которая будет являться перед ним и много лет спустя, также символизируя войну: «Я видел снова эту розово-серую громадную тень лесного пожара и медленное ее смещение в треске горящих сучьев и ветвей, я чувствовал эту незабываемую, томительную усталость и почти непреодолимое желание спать, беспощадный блеск солнца, звенящую жару...» [3, с. 8].

Любопытным дополнением, своего рода, интерпретацией этого страшного действия представляется авторский акцент на топониме «Севастопольский бульвар», сделанный автором, скорее всего, тоже неслучайно, именно Севастополь для многих стал последним аккордом войны и на долгие годы последним ощущением

Родины. Но возможно упоминание данного названия выступает и в роли оппозиции к тому разделению, которое произошло в русском обществе и привело к Гражданской войне. Поскольку мотивация выбора Наполеоном III такого имени для русской улицы в Париже долгое время сопровождалась дискуссией о ее причинах, породившей в итоге две точки зрения. Одни историки Парижа считали, что таким образом увековечен подвиг русских солдат при обороне Севастополя в 1854–1855 годов, но более обоснованной представляется другая версия: прославление французским императором своей собственной победы над Россией. В любом случае упоминание в романе этого места в «чреве» Парижа становится особенно символичным, ведь тогда Севастопольский бульвар в сознание повествователя в обеих версиях о выборе его названия символизирует доблесть и мужество всей русской армии, ее единство в борьбе с внешним врагом.

Оппозиция как художественный прием вообще достаточно распространена в романе Г. Газданова, играя особую роль при создании образа Александра Вольфа, одного из участников Гражданской войны в России, героя именем которого названо произведение. Его сквозной образ, появляющийся в самом начале текста в воспоминаниях повествователя, затем в рассказе Вознесенского, а в довершении и в своеобразной «исповеди» Елены Николаевны, является своего рода проводником между прошлым страшным военным временем, которое не отпускает, и настоящим, смертью и жизнью, статикой и динамикой. Фигура этого человека возникает неожиданно и представляется олицетворением войны. Впервые повествователь встречается с ним в начале романа, еще не зная его имени, кто он и откуда. «Я обернулся и увидел, что не очень далеко за мной тяжелым и медленным, как мне показалось, карьером ехал всадник на огромном белом коне <...> всадник бросил поводья и вскинул к плечу винтовку, которую до тех пор держал

наперевес. В эту секунду я выстрелил. Он дернулся в седле, сполз с него и медленно упал на землю» [3, с.7]. Уверенное движение героя в один момент сменяется неподвижностью, мгновенно обрывается жизнь, смертельная маска появляется на лице. В этом событии воплощаются все самые трагические для повествователя впечатления о войне, поселив в его душе страдание и муку. Это убийство, впоследствии часто всплывая в памяти героя, заставляя его вновь вернуться в прошедшие годы.

Однако война наложила свой отпечаток и на самого Александра Вольфа, с которым повествователь встречается уже в Париже. Это происходит неожиданно, когда в руки главного героя попадает сборник из трех рассказов, в котором один повествует о давнем событии Гражданской войны, так хорошо ему знакомом. Название и имя автора написано было на английском языке: "I'll Come Tomorrow" (перевод "Я приду завтра"), by Alexander Wolf, но содержание рассказа "Приключение в степи" с документальной точностью вновь восстановило в памяти повествователя события далеких лет. «Это был рассказ об одном из эпизодов войны; он был написан без какого бы то ни было упоминания о стране, в которой это происходило, или о национальности его участников, хотя, казалось бы, одно его название, "Приключение в степи", указывало на то, что это как будто должно было быть в России» [3, с.10]. Но не только страна угадывалась в этом рассказе, в нем с особой скрупулезностью и конкретикой описывались события, одним из участников которых являлся главный герой. Война вновь возвращается на страницы романа, теперь уже в виде письменного свидетельства. С этого момента начинается новая встреча двух героев, связанных одним общим жизненным эпизодом.

Война в описании А. Вольфа также ассоциируется со смертью и апокалипсисом, символом которого в его рассказе становится белый конь. Важно отметить,

что и сама фамилия автора, как уже упоминалось выше, написанная на английский манер, служила видимо средством нагнетания атмосферы ужаса, иррациональности и трагизма, словом, всего того, что несет с собой война вообще, а гражданская война в особенности, делая людей одной национальности и веры непримиримыми врагами. Несомненно, испытания прошлого оставили свой глубокий след в судьбе А. Вольфа, тяжелое ранение, несколько недель в забвении, а потом долгое выздоровление заставили героя по-новому взглянуть на жизнь. «Мой апокалиптический конь не успел довести меня до самой смерти. Но до нее, я думаю, оставалось очень недалеко, и он продолжал это путешествие, только с другим всадником на спине. Я бы дорого дал за возможность узнать, где, когда и как они оба встретили смерть и пригодился ли еще этому мальчику его револьвер, чтобы выстрелить в ее призрак» [3, с. 1] – так описывает ощущения пережитого А. Вольф в своем рассказе. Первая личная встреча двух героев в Париже вновь подчеркивает то особое мировосприятие, ставшее для Вольфа нормой. Жизнь его после испытания войной стала неподвижной, а по сути, безжизненной. Об этом говорят и его «неподвижные серые глаза» [3, с. 95], и чрезмерно немногословная и лаконичная речь, выражение лица «похожее на мертвую значительность, <...> казавшееся совершенно невероятным на лице живого человека» [3, с.96]. Это внешнее воплощение внутреннего состояния рождает в сознании повествователя мысль о том, что именно Вольф стал «невольным олицетворением всего мертвого и печального» [3, с. 98], случившегося в жизни рассказчика. Этот человек, как и многие его современники и соотечественники, пройдя через пекло Гражданской войны, оказался не только потерянным для нормальной жизни, но и надломленными внутренне, «с выжженными войной чувствами» [3, с. 93]. Складывается даже впечатление, что он призывает к себе смерть, которую, как гово-

рит Елене Николаевне, еще одной героине романа, «видел <...> но в силу необыкновенной случайности она пропустила меня (...) теперь я медленно иду по направлению к ней ...» [3, с. 86]. Герой ищет забвения в неподвижности, пытаясь достичь этого состояния любыми даже самыми опасными средствами, к которым относится морфий. С уверенностью можно сказать, что война отняла у него все, что давало стремление жить, идти вперед. Даже знакомство с человеком, который много лет назад чуть его не убил, не выводит Вольфа из состояния неподвижности. Он все принимает, как должное, чего нельзя сказать о рассказчике, для которого весть о том, что человек, оказавшийся когда-то жертвой его отчаянного выстрела, жив. Эта новость становится тем самым чудом, спасением души для главного героя, ведь убийство, ради чего бы оно не происходило, противоречит истинной человеческой сущности, а в данной конкретной ситуации еще больше усиливает личную драму героя, вынужденно оторванного еще и от своих корней. Ведь последним, врезавшимся ему в память, событием для него на русской земле стало, как он думает, убийство своего же русского человека. Встреча же рассказчика с героем своих страданий и воспоминаний, его откровенное признание в содеянном, лишь еще сильнее убеждает читателей в том, что «понять по-настоящему» [3, с.59], пространственный смысл жизни можно только в России.

Итак, война в романе Г. Газданова «Призрак Александра Вольфа» один из самых значительных образов, для усиления роли которого, автор использует и нарративные приемы, изображая события в их взаимосвязанности, а порой и последовательности. Таким образом Г. Газдановым достигается особый эффект притяжения к конкретной теме. Война не отпускает героев до конца романа и вновь уже в финале произведения расставляет точки, где снова возникает оппозиция живое – мертвое. В конце произведения,

защищая свою возлюбленную Елену Николаевну, повествователь стреляет в человека, набрасывающегося на нее и «время закружилось и исчезло» [3, с. 136], поскольку он вновь, как и много лет назад, видит перед собой мёртвые глаза Александра Вольфа. Для автора с «образом Вольфа связана атмосфера смерти» [7, с. 172], а с фигурой Елены Николаевны – стремление к жизни.

Можно с уверенностью сказать, что произведения Г. Газданова «и его судьба несут на себе отпечаток целой эпохи, но газдановское осмысление этой эпохи выделяет его на фоне современников как фигуру особую, ни с каким лагерем или течением несоотносимую» [6, с. 5]. Индивидуальность данного писателя настолько неповторима, что после возвращения в конце прошлого столетия его имени на родину, чему активно способствовал и Ласло Диенешу, интерес к произведениям Г. Газданова не угасает до сих пор.

Список литературы

1. Белокурова С. П. Словарь литературоведческих терминов. СПб., 2005.
2. Высоцкая В. Роман Газданова «Призрак Александра Вольфа»: принцип построения и главный герой. URL: <http://www.hrono.ru/text/ru/vys0304.html> (дата обращения: 22.08.2018).
3. Газданов Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 3. М.: Элис Лак, 2009.
4. Газданов Г. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 5. М.: М.: Элис Лак, 2009.
5. Ильин И. А. Духовный смысл войны. М.: Типография Сытина, 1915.
6. Орлова О. М. Газданов. М.: Молодая гвардия, 2003.
7. Сыроватко Л. В. Принцип «speculum speculor um» в романе Газданова «Призрак Александра Вольфа» // Возвращение Гайто Газданова. Научная конференция, посвященная 95-летию со дня рождения / сост. М. А. Васильева. М.: Русский путь, 2000.
8. Семенова Т. Повествовательная система Г. И. Газданова: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2001.

9. Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 6. М.: Художественная литература, 1980.

10. Ласло Д. Русская литература в изгнании: жизнь и творчество Гайто Газданова. Владикавказ, 1994.

Поступила в редакцию 19.10.18

UDC 821.161.1

I. V. Vasilyeva, Candidate of Cultural Studies, Senior Lecturer, Moscow State University named after M. V. Lomonosov (Moscow, Russia) (e-mail: ivasi67@mail.ru)

THE IMAGE OF WAR IN G. GAZDANOV'S NOVEL "THE GHOST OF ALEXANDER VOLF"

This article focuses on the features of the perception of the topic of war in G. Gazdanov's novel The Ghost of Alexander Wolf. The name of this writer for a long time remained unknown to the Russian reader. Only in the late 80s of the last century the works and the name of this writer returned to their homeland, which G. Gazdanov himself yearned for throughout the long years of forced emigration. In this regard, the most significant in the writer's work is the image of Russia, which is a synthesis of memories, associations and emotional experiences of Gazdanov himself, the strongest of which was the civil war, with the description of which the novel "The Ghost of Alexander Wolf" begins. The author pays special attention to the creation of this image with artistic details, symbols, which convey the complexity and ambiguity of the epoch and the psychological state of the protagonist, demonstrates author's interpretation of this topic. The search for new forms of interpretation of the image of war, on the one hand, the spirit of time, on the other hand, the perception of G. Gazdanov himself is a very complex process involving both heroic pathetic and the tragedy of Russian society, a kind of rift that occurred after the 1917 revolution year and divided one big country into two irreconcilable camps. On the example of the text of the novel "The Ghost of Alexander Wolf", the author analyzes the complexity and ambiguity of the writer's creative method, which is based on a special cultural space that obeys the author's concept and the principles of its realization, and also organically combines autobiography and artistry.

Key words: image; creativity; symbol; theme; context.

For citation: Vasilyeva I. V. The image of war in g. gazdanov's novel "The ghost of Alexander Volf". *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 111–116 (in Russ.).

References

1. Belokurova S. P. Slovar' literaturevedcheskih terminov. St. Petersburg, 2005.

2. Vysockaya V. Roman Gazdanova "Prizrak Aleksandra Vol'fa": princip postroeniya i glavnyj geroj. URL: <http://www.hrono.ru/text/ru/vys0304.html> (accessed 22.08.2018).

3. Gazdanov G. Sbranie sochinenij, vol. 3. Moscow, Elis Lak Publ., 2009.

4. Gazdanov G. Sbranie sochinenij, vol. 5. Moscow, Elis Lak Publ., 2009.

5. Il'in I.A. Duhovnyj smysl vojny. Moscow, Tipografiya Sytina Publ., 1915.

6. Orlova O. M. Gazdanov. Moscow, Molodaya gvardiya Publ., 2003.

7. Syrovatko L.V. Princip "speculum speculorum" v romane Gazdanova "Prizrak Aleksandra Vol'fa". *Vozvrashchenie Gajto Gazdanova. Nauchnaya konferenciya, posvyashchennaya 95-letiyu so dnya rozhdeniya*; ed. by Vasil'eva M. A. Moscow, Russkij put' Publ., 2000.

8. Semenova T. Povestvovatel'naya sistema G. I. Gazdanova. Avtoref. diss. kand. fil. Nauk. St. Petersburg, 2001.

9. Tolstoj L.N. Sbranie sochinenij, voi. 6. Moscow, Hudozhestvennaya literatura Publ., 1980.

10. Laslo Dienesh Russkaya literatura v izgnanii: zhizn' i tvorchestvo Gajto Gazdanova. Vladikavkaz, 1994.

УДК 811.111:008

Н. А. Тарасюк, д-р пед. наук, профессор, ФГБОУ ВО «Курский государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: n_a_tarasuk@mail.ru)

О. В. Раздорская, канд. пед. наук, доцент кафедры иностранных языков, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» (Курск, Россия) (e-mail: razdorski@yandex.ru)

СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ЯЗЫКА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

В статье рассмотрено функционирование системы лингвистических средств языка под влиянием культурных особенностей его носителей в процессе межкультурной коммуникации. Взаимопроникновение языков наблюдается на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях. Проанализированы современные лингвистические концепции (в частности, концепция поликультурного образования), отражающие основные факторы, влияющие на формирование современной поликультурной языковой личности и обеспечивающие эффективность решения задач межкультурной коммуникации. На примерах лексических единиц в разнообразных социокультурных контекстах отражена значимость роли социокультурной составляющей в поликультурном общении. Проведён анализ особенностей лексики британского (Standard English) и американского (American English) вариантов английского языка, приведены примеры употребления различных лексических единиц для обозначения слов в разных вариантах языка. Также приведены примеры слов с унифицированным значением, продуцируемых современным поликультурным обществом, в различных языках и культурах, отражающие влияние глобализации на языки и культуры.

Современный английский язык существует как сложный и многогранный лингвистический феномен, функционирующий в условиях глобализации общества. Раскрыты значимые аспекты современного английского языка, такие как его лингвистическая, этнокультурная, аксиологическая и этикетная составляющие, и их отражение в языке. Показана особая значимость аксиологической составляющей как речевого проявления правил этикета в процессе применения лингвистических средств в поликультурном общении. Актуальность данной составляющей связана с пониманием ценностей различных культур и способствует эффективности процесса поликультурного общения. На лексических примерах показано отражение менталитета, культурного опыта и ценностных ориентаций различных культур.

Ключевые слова: английский язык; британский вариант; американский вариант; глобализация; межкультурная коммуникация.

Ссылка для цитирования: Тарасюк Н. А., Раздорская О. В. Специфика функционирования современного языка в условиях глобализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 117–121.

Современный мир характеризуется многообразием различных языков, которые тесно функционируют в процессе межкультурной коммуникации. Необходимо отметить, что взаимопроникновение языков наблюдается на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях [2, с. 102]. Данный факт подтверждается огромным количеством заимствований на лексическом уровне, а также наличием соответствий в различных языках, как на грамматическом, так и на фонетическом уровнях.

Следует отметить, что система лингвистических средств на лексическом, грамматическом и фонетическом уровнях не существует сама по себе, а функционирует под влиянием культуры страны языка, в которой данный язык существу-

ет. В этой связи представляется целесообразным положение о том, что лингвистическая составляющая существует неразрывно с культурологической составляющей и реализуется в ней [1, с. 322]. Однако необходимо отметить, что один и тот же иностранный язык характеризуется различными лингвистическими проявлениями в процессе использования его представителями различных культур. Примером этого может служить современный английский язык, разнообразие лингвистических проявлений которого отмечается в современном британском английском (Standard English), в американском варианте английского языка (American English), а также австралийском варианте английского языка (Australian English).

Сравнительно-сопоставительный анализ современных лингвистических особенностей в британском варианте английского языка и американском варианте английского языка свидетельствует о том, что для обозначения одних и тех же слов в разных вариантах современного английского языка употребляются различные лексические единицы [7, с. 29]. Например, в американском варианте английского языка употребляется слово *pants* вместо слова *trousers* в британском варианте английского языка. Данная аналогия проявляется на примере таких лексических единиц, как *cinema – movie*, *loggy – truck*, *tube – subway*.

Современное динамичное развитие поликультурного общества приводит к тому, что в различных языках и культурах появляются слова с унифицированным значением, например, к таким английским словам могут быть отнесены следующие: *a mobile phone*, *a chat*, *globalization*, *a printer*, *a scanner* и другие.

Особенности современного функционирования лексических единиц также проявляются на социокультурном уровне, о чём свидетельствуют положения концепции поликультурного образования П.И. Сысоева, который отмечает, что учёт социокультурной составляющей в современном поликультурном общении обеспечивает эффективность решения задач межкультурной коммуникации. По мнению П.И. Сысоева, социокультурная составляющая в процессе функционирования любого языка выражается в передаче социокультурного контекста общения, который выражается не только посредством применения определённых лексических единиц в определённом социокультурном контексте, но и посредством реализации определённых моделей социокультурного поведения в типичных ситуациях социокультурного общения [6, с. 76]. В различных ситуациях социокультурного общения одна и та же лексическая единица в разнообразных социокультурных контекстах может иметь различное значение, например, лексиче-

ская единица *a studio* в русской или французской культуре применительно к представителям сферы искусства обозначает место работы творческой личности, художника. Та же лексическая единица *a studio* применительно к студенческой аудитории в американской культуре обозначает недорогую однокомнатную квартиру для студентов. Указанные примеры свидетельствуют о том, что лингвистические единицы не существуют сами по себе, а определяются социокультурным контекстом взаимодействия, который непосредственно связан с социальными и культурными особенностями представителей того или иного иностранного языка.

В современных условиях представляется особо значимой концепция И.И. Халеевой, отражающая основные факторы, влияющие на формирование современной языковой личности. Данная концепция подчёркивает актуальность ряда факторов, оказывающих непосредственное влияние на формирование языковой личности и форм выражения языка, которые функционируют в процессе общения современного носителя языка в ходе выполнения им различных видов деятельности. К данным факторам, по мнению И.И. Халеевой, относятся следующие: национальная идентичность, самосознание, культура, традиции, менталитет, обычаи, этнокультурные особенности взаимодействия [9, с. 44]. Ни в коей мере не отрицая данное положение, необходимо отметить, что в процессе поликультурного общения в условиях глобализации указанные факторы в некоторой степени нивелируются, поскольку сегодня наблюдается взаимопроникновение различных языковых культур и тенденция унификации культурных проявлений у представителей различных языков на лингвистическом уровне.

Лингвистическая, социокультурная и лингвокультурологическая составляющая в современном межкультурном взаимодействии существует в неразрывной связи с этнокультурной составляющей. Теория лингвистической относительности

Сепира-Уорфа свидетельствует о том, что народ и его язык неразрывны, этнос не существует вне языка и культуры, этнос живёт посредством использования языка для реализации своих наиболее значимых материальных и духовных потребностей [10, с. 111]. Язык является отражением образа жизни любого этноса и действительности, в которой существует данный язык. Например, у современных эскимосов существует более 20 лексических единиц для обозначения слова «снег», которое является значимым для их образа жизни.

Этнос накладывает свою специфику на особенности существования и функционирования любого языка [4, с. 123]. Например, национально-культурной особенностью немецкого народа является организованность, дисциплинированность, что также выражается и в строе современного немецкого языка, характеризующегося чёткой структурой построения. Примером данной особенности служит использование отделяемых приставок в немецком языке.

В современном американском варианте английского языка просматривается демократичность и гибкость в использовании языковых структур, что также характерно для менталитета американского народа. Примером этого является применение местоимения *who* вместо местоимения *whom* в данном варианте английского языка. Примером демократичности в современном американском варианте английского языка является использование аббревиатур, например, NY – New York. Аналогичным примером может служить упрощение написания слов, например, *theater* вместо *theatre*, *color* вместо *colour*, *thru* вместо *through*.

С современным поликультурным миром тенденция взаимопроникновения языков наблюдается в заимствованиях, многие из которых получили распространение в различных странах мира. Например, слово «карма» из индийской культу-

ры перешло в различные культуры мира и его значение осталось неизменным.

Этнокультурная составляющая ярко выражается сегодня среди представителей различных культур в США, где английский язык используется выходцами из разных уголков мира. Так, у представителей русской общины на Брайтон-Бич часто встречаются такие лексические единицы, как «блины», «пельмени», «валенки». Аналогичные примеры встречаются у выходцев из бывшего Советского Союза, представляющие среднеазиатские республики (например, «чайхана»).

Приведённые примеры указывают на актуальность овладения этнокультурной составляющей в условиях применения лингвистических средств в поликультурной среде.

Представляется актуальным отметить значимость аксиологической составляющей в процессе применения лингвистических средств в условиях глобализации. Как известно, соотношение языка и культуры является чрезвычайно сложным и многосторонним [8, с. 106]. Такие понятия, как «язык», «культура», «ценности» неразрывны, поскольку в своём единстве они отражают менталитет, культурный опыт и ценностные ориентации, приобретённые в ходе исторического развития любого народа. Ценности всегда отражены в культуре, а разделение и понимание ценностей представителями различных культур делает процесс поликультурного общения более эффективным.

Система наиболее значимых национальных ценностей всегда отражена в языке. Так, слово «деньги» в американском варианте английского языка может быть выражено следующими лексическими единицами: *money*, *cash*, *banknotes*, *dollars*, *currency*, *coins*, *greenbacks*, *bucks*. Разнообразие лексических единиц, используемых для обозначения слова «деньги» в американском варианте английского языка значительно больше, чем в русском языке, что подчёркивает различное отношение к деньгам в данных

культурах [3, с. 55]. В противоположность этому количество лексических единиц в русском языке для выражения слова «гостеприимный» значительно больше, чем в американском варианте английского языка. Для русского языка характерны такие синонимы к данному слову, как «щедрый», «хлебосольный», «радушный», «сердечный», «доброжелательный», что не свойственно для американского варианта английского языка.

Важнейшей составляющей, обеспечивающей эффективность межкультурной коммуникации в условиях глобализации, является этикетная составляющая. Соблюдение правил этикета и форм их проявления особенно важно в современном поликультурном обществе [5, с. 73]. Например, следует учитывать, что в процессе общения с британцами необходимо применять развёрнутые формы выражения просьб, которые характеризуются специфическим грамматическим и интонационным оформлением. Например, для выражения вежливой просьбы в британском варианте современного английского языка используется 'Would you be so kind and open the window, please?'

Таким образом, современный язык в условиях глобализации имеет особенности функционирования, которые проявляются на лингвистическом, социолингвистическом, социокультурном, этнокультурном, аксиологическом и этикетном уровнях. Язык существует как сложный феномен, в котором осуществляется взаимодействие всех вышеуказанных уровней. Учёт специфики функционирования современного языка в условиях глобализации должен обязательно иметь место и приниматься во внимание в процессе взаимодействия представителей различных языков и культур на всех указанных уровнях.

Эффективное осуществление взаимодействия в условиях глобализации может реализовываться только лишь в том случае, если участники общения проводят многоаспектный анализ лингвистических единиц на различных уровнях –

лексическом, грамматическом, социокультурном, стилистическом, культурологическом, этнокультурологическом, и соотносят особенности применения данных единиц с конкретным социокультурным контекстом.

Список литературы

1. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. М.: Индрик, 2005. 1038 с.
2. Володарская Э. Ф. Заимствования как отражение русско-английских контактов // Вопросы языкознания. 2002. №4. С. 102–104.
3. Исаева Л. А., Майоренко И. А. Национально-культурные особенности концепта «Деньги» // Вестник Таганрогского института управления и экономики. 2005. № 1. С. 53–59.
4. Маймакова А. Д. Язык и этнос: этносоциальный аспект // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 3, ч. 1. С. 123–127.
5. Санаева И. В., Прихожая Л. И. Речевой этикет в аспекте межкультурной коммуникации // Интерактивная наука. 2018. № 4 (26). С. 73–75.
6. Сысоев П. В. Концепция языкового поликультурного образования (на материале культуроведения США). М.: Еврощкола, 2003. 401 с.
7. Третьяков Ю. П. Американский вариант английского языка. М.: Наука, 2005. 330 с.
8. Филиппова М. М. Взаимосвязь языка, мышления и культуры и преподавание иностранного языка // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей. М.: МАКС Пресс, 2008. Вып. 36. С. 105–118.
9. Халеева И. И. Вторичная языковая личность как реципиент инофонного текста // Язык – система. Язык – Текст. Язык – способность. М.: РАН ИРЯ, 1995. 288 с.
10. Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. Cambridge, Massachusetts, London, England: The MIT Press, 2012. 417 p.

Поступила в редакцию 09.11.18

UDC 811.111:008

N. A. Tarasyuk, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Kursk State University (Kursk, Russia) (e-mail: n_a_tarasuk@mail.ru)

O. V. Razdorskaya, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Kursk State Medical University (Kursk, Russia) (e-mail: razdorski@yandex.ru)

THE SPECIFICITY OF A MODERN LANGUAGE'S FUNCTIONING IN THE CONTEXT OF GLOBALIZATION

The article considers the functioning of the system of a language's linguistic means under the influence of its speakers' cultural characteristics in the process of intercultural communication. The mutual penetration of languages is observed at the lexical, grammatical and phonetic levels. Modern linguistic concepts reflecting the main factors affecting the formation of modern multicultural linguistic personality and ensuring the effectiveness of solving intercultural communication problems have been analyzed. The importance of the socio-cultural component in multicultural communication is reflected at the examples of lexical units in various socio-cultural contexts. The characteristic features of the vocabulary of the British and American variants of the English language have been analyzed, the examples of different lexical units to denote the same words in the language's different versions have been given. There are also examples of words with a unified meaning produced by modern multicultural society in different languages, reflecting the impact of globalization on languages and cultures.

Modern English language exists as a complex phenomenon functioning in a globalized society. The significant aspects of the language, such as its linguistic, ethno-cultural, axiological and etiquette components, and their reflection in the language have been revealed. The special significance of the axiological component as a speech manifestation of the rules of etiquette in the application of linguistic means in multicultural communication has been shown. Its relevance is associated with the values of different cultures and contributes to the effectiveness of multicultural communication. Lexical examples reflect mentality, cultural experience and value orientations in different cultures.

Key words: English language; British version; American version; globalization; intercultural communication.

For citation: Tarasyuk N. A., Razdorskaya O. V. The specificity of a modern language's functioning in the context of globalization. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 117–121 (in Russ.).

References

1. Vereshchagin E. M., Kostomarov V. G. *Yazyk i kul'tura*. Moscow, Indrik Publ., 2005. 1038 p.

2. Volodarskaya Eh. F. Zaimstvovaniya kak otrazhenie russko-anglijskih kontaktov. *Voprosy yazykoznanija*, 2002, no. 4, pp. 102–104.

3. Isaeva L. A., Majorenko I. A. Nacional'no-kul'turnye osobennosti koncepta «Den'gi». *Vestnik Taganrogskogo instituta upravleniya i ehkonomiki*, 2005, no. 1, pp. 53–59.

4. Majmakova A. D. Yazyk i ehtnos: eht-nosocial'nyj aspekt. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij*, 2015, no. 3, pt. 1, pp. 123–127.

5. Sanaeva I. V., Prihozhaya L. I. Rechevoj ehtiket v aspekte mezhkul'turnoj kommunikacii. *Interaktivnaya nauka*, 2018, no. 4 (26), pp. 73–75.

6. Sysoev P. V. Konceptiya yazykovogo polikul'turnogo obrazovaniya (na ma-

teriale kul'turovedeniya SSHA). Moscow, Evroshkola Publ., 2003. 401 p.

7. Tret'yakov Yu. P. Amerikanskij variant anglijskogo yazyka. Moscow, Nauka Publ., 2005. 330 p.

8. Filippova M. M. Vzaimosvyaz' yazyka, myshleniya i kul'tury i prepodavanie inostrannogo yazyka. *Yazyk, soznanie, kommunikaciya*. Sb. statej. Moscow, MAKS Press Publ., 2008, is. 36, pp. 105–118.

9. Haleeva I. I. Vtorichnaya yazykovaya lichnost' kak recipient inofonno go teksta. *Yazyk – sistema. Yazyk – Tekst. Yazyk – sposobnost'*. Moscow, RAN IRYA Publ., 1995. 288 p.

10. Whorf B.L. Language, thought and reality: Selected writings of Benjamin Lee Whorf. Ed. John B. Carroll. Cambridge, Massachusetts, London.

УДК 378.02:372.881.1

Г. Б. Полякова, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: borisovna@inbox.ru)

**ОРГАНИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ-ИНОСТРАНЦЕВ
НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ И ЕСТЕСТВЕННО-НАУЧНЫХ НАПРАВЛЕНИЙ БАКАЛАВРИАТА
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА НА ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ СТАНДАРТ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ (3++)**

В статье рассматривается проблема экспорта образовательных услуг на мировой рынок, постулируются положения Концепции долгосрочного социально-экономического развития к 2020 г., согласно которой Россия должна занять 5% международного рынка образовательных услуг, а доход от обучения иностранных граждан должен составить не менее 10% от общего объема финансирования образовательной сферы. Особое место в исследовании уделяется рассмотрению языковой подготовки студентов –иностранцев, получающих образование по научно-техническим и естественно-научным (нефилологическим) профилям обучения бакалавриата на примере Юго-Западного государственного университета, являющегося крупным центром по профессиональной подготовке иностранных граждан. Преподавание русского языка как иностранного в Юго-Западном государственном университете ведется в рамках и объеме обязательного модуля основной образовательной программы (ООП) - дисциплины «Иностранный язык». В условиях перехода с Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования 3+ на Федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования нового поколения (3++) актуализируется проблема переосмысления целей языковой подготовки иностранных студентов, рассматривается понятие коммуникативной компетенции, закрепленной в «Общеввропейских компетенциях владения иностранным языком», проводится сравнительный анализ требований к результатам освоения иностранного языка (русского языка как иностранного) по программе бакалавриата, предъявляемых ФГОС ВО 3+ и ФГОС ВО 3++. Так, Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования 3+ акцентировал внимание на формирование коммуникативной компетенции на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5). ФГОС ВО 3++ нацеливает освоение коммуникативной компетенцией на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах) прежде всего для осуществления деловой коммуникации (УК-4). Данное обстоятельство должно привести к переосмыслению как целевых установок по обучению иностранцев русскому языку в рамках дисциплины «Иностранный язык», так и содержательного наполнения указанного курса.

Ключевые слова: ФГОС ВО (3+); ФГОС ВО (3++); профессиональная подготовка бакалавров естественно-научных и научно-технических направлений обучения; иностранные языки; русский язык как иностранный; теория и методика преподавания языка; коммуникативная компетенция.

Ссылка для цитирования: Полякова Г. Б. Организация языковой подготовки студентов-иностранцев научно-технических и естественно-научных направлений бакалавриата в условиях перехода на Федеральный государственный образовательный стандарт высшего образования (3++) // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 122–126.

Обучение иностранных граждан в высшей школе России имеет глубокие корни. Еще в советские времена наша страна занимала лидирующие позиции в области международного образования по различным специальностям и занимала третье место после США и Франции. Во времена перестройки наступил спад по экспорту образовательных услуг на мировой рынок, а затем – опять подъем. После смены экономической парадигмы образование стало отраслью экономики, участником свободного рынка образовательных услуг. По статистическим дан-

ным в 2014 году Россия стала занимать 6 место в мире по количеству обучающихся в ней иностранцев.

На современном этапе возможность государства осуществлять международную образовательную деятельность является важным показателем как качества национальной системы образования национальной системы образования, так и степени политического и экономического влияния государства на международной арене. Согласно Концепции долгосрочного социально-экономического развития к 2020 г. РФ должна занять 5%

международного рынка образовательных услуг, а доход от обучения иностранных граждан должен составить не менее 10% от общего объема финансирования образовательной сферы [2, с 8].

В российских вузах на сегодняшний день обучаются представители более 170 стран. Лидирующее положение занимает РУДН, в нем проходят профессиональную подготовку иностранные граждане из 150 стран, второе место занимает МГУ – там обучаются представители более чем из 80 стран. Юго-Западный государственный университет является крупным региональным центром по профессиональной подготовке иностранных граждан из более чем 50 государств мира (страны Латинской Америки, Азии, Африки). По количеству обучающихся иностранных студентов из Африки ЮЗГУ занимает 2 место после РУДН.

Включение международной деятельности в число показателей эффективности стимулирует отечественные вузы к поиску новых способов привлечения иностранных учащихся: маркетинговых, информационных, организационно-педагогических, методических. Более того, открывающиеся перспективы обозначили ряд болевых точек в системе национального образования. М.Н.Кожевникова постулирует: российское образование значительно проигрывает конкурентам по качеству предоставляемой инфраструктуры, востребованности предлагаемых специальностей, престижности образовательных учреждений и *языковой доступности* (курсив мой - Г.П.), т.к. число иностранцев, изучающих русский язык на родине, стремительно сокращается, а английский язык становится языком международного общения [2, с.13].

Последнее положение актуализирует проблему организации языковой подготовки иностранных граждан в условиях российской системы высшего образования. Рассмотрим это на примере Юго-Западного государственного университе-

та. Так, на базе ЮЗГУ осуществляется многоуровневая подготовка по русскому языку как иностранному: в рамках довузовской подготовки и в рамках выбранной основной образовательной программы высшего образования.

Согласно Письму Минобрнауки от 23 января 2015 года N ВК-74/05, занятия по русскому языку как иностранному в высшей школе могут быть организованы по-разному:

1) русский язык как иностранный может изучаться в объеме обязательной дисциплины (модуля) по иностранному языку;

2) образовательная организация вправе ввести в вариативную часть дисциплины (модули) по русскому языку как иностранному, в том числе как дисциплины (модули) по выбору обучающихся;

3) могут быть введены факультативные и элективные дисциплины (модули), которые осваиваются обучающимися за пределами основной образовательной программы;

4) образовательная организация вправе самостоятельно разработать и внедрить онлайн курсы (дисциплины, модули) по русскому языку как иностранному, что позволит обучающимся иностранцам осваивать русский язык как дополнительную профессиональную программу в период освоения ООП высшего образования [5].

В Юго-Западном государственном университете на уровне бакалавриата и магистратуры подготовка иностранных студентов по русскому языку осуществляется в объеме обязательной дисциплины «Иностранный язык», следовательно, цель, задачи, содержание данной дисциплины определяются требованиями Федерального государственного образовательного стандарта высшего образования.

Рассмотрим стандарты нескольких нефилологических профилей обучения, по которым осуществляется профессио-

нальная подготовка в ЮЗГУ: 04.03.01 Химия, 03.03.02 Физика, 08.03.01 Строительство, 09.03.01 Информатика и вычислительная техника, 15.03.01 Машиностроение, 15.03.06 Мехатроника и робототехника [7].

Во всех ФГОС ВО 3+ естественно-научного и научно-технического профилей обучения (уровень бакалавриата) включена общекультурная компетенция, обозначенная как «способность к коммуникации в устной и письменной формах на русском и иностранном языках для решения задач межличностного и межкультурного взаимодействия (ОК-5)» [7]. То есть освоение коммуникативной компетенции направлено прежде всего на достижение успеха в межличностном и межкультурном общении выпускника [1; 3].

Отметим, что лишь в немногих ФГОС ВО 3+ указана дополнительная компетенция, направленная на осуществление коммуникации в *профессиональной* сфере. Примером может послужить стандарт профиля 08.03.01 Строительство, вводящий общепрофессиональную компетенцию (ОПК-9): «Владение одним из иностранных языков на уровне *профессионального общения* (курсив мой – Г.П.) и письменного перевода» и стандарт профиля 03.03.02 Физика, имеющий в своем составе такую общепрофессиональную компетенцию как «Способность использовать *в своей профессиональной деятельности* (курсив мой – Г.П.) знание иностранного языка» (ОПК-7) [7].

В содержание ФГОС ВО 3++ введены универсальные компетенции, одинаковые для всех профилей обучения. Одна из них коммуникативная (УК-4), ориентирующая выпускника на способность «осуществлять *деловую коммуникацию* (курсив мой – Г.П.) в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)» [8].

Таким образом, ФГОС ВО 3++ нацеливает преподавателя-лингвиста на корректировку программы дисциплины как в целевом, так и в содержательном аспектах. Должна проявиться практическая направленность занятий, осуществляемая в тесной взаимосвязи с профилирующими кафедрами. Иностранные студенты должны познакомиться с общенаучной и специальной терминологией, близкой к их будущей специальности. В содержание занятий должны быть включены тексты общенаучного, общетехнического, научно-популярного характера, а на старших курсах – тексты по специальности [9; 10].

Полагаем, что иностранные студенты должны научиться всем видам рековой деятельности в деловой коммуникации: читать оригинальные тексты по специальности с частичной опорой на словарь (монографии, статьи в научных журналах), участвовать в дискуссии на научные, и профессиональные темы, уметь составить деловой документ, передать содержание прочитанного текста в виде плана, конспекта, резюме, понимать содержание научных (учебных) текстов, предъявляемых при непосредственном общении.

Напомним, что согласно «Общеввропейских компетенций владения иностранным языком» коммуникативная компетенция включает следующие составляющие:

- лингвистическую (лексика, грамматика, семантика, фонология, в том числе орфография);
- социолингвистическую (речевой этикет, регистры общения, диалекты и акцент, социальные маркеры);
- прагматическую (дискурс, т.е. построение связного текста и функциональная компетенция, знание принятых схем взаимодействия) [4].

Таким образом, при переходе на требования ФГОС ВО 3++ в содержании занятий по русскому языку как иностран-

ному в рамках дисциплины «Иностранный язык», должна быть переориентирована прежде всего прагматическая составляющая коммуникативной компетенции выпускника: межличностный и международный дискурсы должны быть преломлены через призму делового общения. Безусловно, это повлечет корректировку осваиваемой на занятиях деловой лексики [6, с.273]. Овладение навыками делового дискурса в профессиональной сфере становится стратегической целью языковой подготовки иностранных студентов в вузе.

Список литературы

1. Бердичевский А. Л., Голубева А. В. Как написать межкультурный учебник русского языка как иностранного. СПб.: Златоуст, 2015. 140 с.
2. Кожевникова М. Н. Национально ориентированная модель обучения иностранных граждан в российских вузах: монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 160 с.
3. Методика межкультурного образования средствами русского языка как иностранного. Книга для преподавателя / А. Л. Бердичевский, И. А. Гиниатуллин, И. П. Лысакова [и др.]; под ред. проф. А. Л. Бердичевского. М.: Русский язык. Курсы, 2011. 184 с.
4. Общеευропейские компетенции владения иностранным языком: изучение, преподавание, оценка / Департамент современных языков Директората по образованию, культуре и спорту Совета Евро-
- пы; Перевод выполнен на кафедре стилистики английского языка МГЛУ под общ. ред. проф. К. М. Ирисхановой. М.: Изд-во МГЛУ, 2003.
5. Письмо Минобрнауки от от 23 января 2015 года N ВК-74/05/ Электронный текст документа подготовлен ЗАО "Кодекс" и сверен по: Администратор образования, N 5, март 2015 года. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258447>
6. Полякова Г. Б., Кулешова С. В. Особенности изучения лексики в межкультурном образовании (на примере русского языка как иностранного) // Язык, литература, ментальность: разнообразие культурных практик: сб. материалов VI Международной научной конференции. Курск, 2018. С. 273–239.
7. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО 3+). URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/>
8. Портал Федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования (ФГОС ВО 3++). URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24>
9. Шукин А. Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: учеб. пособие. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006. 416 с.
10. Шукин А. Н. Методика преподавания русского языка как иностранного: учеб. пособие для вузов. М.: Высш. шк., 2003. С. 88.

Поступила в редакцию 17.12.18

UDC 378.02:372.881.1

G. P. Polyakova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: borisovna@inbox.ru)

ORGANIZATION OF LANGUAGE TRAINING FOR STUDENTS-FOREIGNERS OF TECHNICAL DIRECTIONS OF BACHELOR IN CONDITIONS OF TRANSITION TO FEDERAL STATE EDUCATIONAL STANDARD OF HIGHER EDUCATION (3++)

The article deals with the problem of export of educational services to the world market, postulates the provisions of the Concept of long-term socio-economic development by 2020, according to which Russia should occupy

5% of the international market of educational services, and the income from training of foreign citizens should be at least 10% of the total funding of the educational sphere. A special place in the study is given to the consideration of language training of foreign students receiving education in scientific-technical and natural-scientific (non-philological) profiles of undergraduate education on the example of the South-Western state University, which is a major center for professional training of foreign citizens. Teaching of Russian as a foreign language in the South-Western state University is conducted within the framework and scope of the compulsory module of the Basic educational program (OOP)- discipline "Foreign language". In the conditions of transition from the Federal state educational standard of higher education 3+ to the Federal state educational standards of higher education of a new generation (3++), the problem of rethinking the goals of language training of foreign students is actualized, the concept of communicative competence enshrined in the "Common European competences of foreign language proficiency" is considered, a comparative analysis of the requirements for the results of mastering a foreign language (Russian as a foreign language) under the bachelor's program is carried out, presented by GEF IN 3+ and GEF IN 3++. Thus, the Federal state educational standard of higher education 3+ focused on the formation of communicative competence in Russian and foreign languages for solving problems of interpersonal and intercultural interaction (OK-5). GEF IN 3++ aims the development of communicative competence in the state language of the Russian Federation and foreign language(s) primarily for the implementation of business communication (UK-4). This circumstance should lead to a rethinking of both the target settings for teaching Russian to foreigners in the framework of the discipline "Foreign language" and the content of this course.

Key words: federal state educational standard of higher education (3+); federal state educational standard of higher education (3++); professional training for bachelors of technical areas of study; foreign languages; Russian as a foreign language; theory and methods of language teaching; communicative competence.

For citation: Polyakova G. P. Organization of language training for students-foreigners of technical directions of bachelor in conditions of transition to federal state educational standard of higher education (3++). *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 122–126 (in Russ.).

References

1. Berdichevskij A. L., Golubeva A. V. *Kak napisat' mezhkul'turnyj uchebnik russkogo yazyka kak inostrannogo*. St. Petersburg, Zlatoust Publ., 2015. 140 p.

2. Kozhevnikova M. N. *Nacional'no orientirovannaya model' obucheniya inostrannykh grazhdan v rossijskikh vuzah*. Moscow, FLINTA: Nauka Publ., 2016. 160 p.

3. Berdichevskij A. L., Giniatullin I. A., Lysakova I. P. eds. *Metodika mezhkul'turnogo obra-zovaniya sredstvami russkogo yazyka kak inostrannogo*. Kniga dlya prepodavatelya; ed. by prof. A. L. Berdichevskij. Moscow, Russkij yazyk. Kursy Publ., 2011. 184 p.

4. *Obshccheevropejskie kompetencii vladeniya inostrannym yazykom: izuchenie, prepodavanie, ocenka*; ed. by prof. Iriskhanova K. M. Moscow, Izd-vo MGLU Publ., 2003.

5. *Pis'mo Minobrnauki ot ot 23 yanvarya 2015 goda N VK-74/05/ Ehlektronnyj tekst dokumenta podgotovlen ZAO "Kodeks" i sveren po: Administrator obra-*

zovaniya, no. 5, mart 2015 goda. URL: <http://docs.cntd.ru/document/420258447>.

6. Polyakova G. B., Kuleshova S. V. *Osobennosti izucheniya leksiki v mezhkul'turnom obrazovanii (na primere russkogo yazyka kak inostrannogo)*. Yazyk, literatura, mental'nost': raznoobrazie kul'turnyh praktik. Sb. materialov VI Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, Kursk, 2018, pp. 273–239.

7. Portal Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniya (FGOS VO 3+). URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/92/91/>

8. Portal Federal'nyh gosudarstvennyh obrazovatel'nyh standartov vysshego obrazovaniya (FGOS VO 3++). URL: <http://fgosvo.ru/fgosvo/151/150/24>

9. Shchukin A. N. *Obuchenie inostrannym yazykam: Teoriya i praktika*. Moscow, 2006. 416 p.

10. Shchukin A. N. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak inostrannogo*. Moscow, Vyssh. shk. Publ., 2003, pp. 88.

УДК 687.112 + 7

О. В. Будникова, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: budnikovakursk@yandex.ru)

Е. В. Колесникова, канд. социол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: elena-v-kolesnikova@yandex.ru)

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАЧЕСТВ КОНСТРУКТОРА ПРИ ОСВОЕНИИ МЕТОДА НАКОЛКИ ТКАНИ НА МАНЕКЕН В РАМКАХ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ

В статье затрагиваются проблемы становления и развития профессионала посредством освоения метода накладки ткани на манекен. Накладка – один из интереснейших методов работы в области моделирования, особенно легкой одежды. В процессе поисков сложного кроя одежды, выразительного художественного образа модели, накладка является универсальным способом работы с материалом.

Освоение технических приёмов трансформации и драпирования различных видов материалов способствует развитию вкуса, тренирует глаз, развивает зрительную память. Накладка позволяет выполнить нужную форму наглядными средствами с учетом линий фигуры и ее естественных пропорций; правильно откорректировать на объемной поверхности (манекене, фигуре) разработанную расчетным методом на плоскости ту или иную форму. Наконец, с помощью данного метода можно получить готовую развертку оболочки одежды с учётом реальных, а не стилизованных пропорций человека, порой условных в графических зарисовках.

Важнейшей профессиональной компетенцией, приобретаемой студентами в процессе обучения, становится готовность эффективно использовать традиционные и новые методы конструирования изделий легкой промышленности с учетом эстетических, экономических и других параметров проектируемого изделия. В ходе выполнения практических работ студенты получают определенный комплекс навыков, необходимых для профессиональной деятельности будущих профессионалов индустрии моды.

Представлен алгоритм процесса поиска новой формы и разработки конструкции современного костюма в ходе выполнения самостоятельной работы. Этот процесс приучает к профессиональному мышлению в материале, видению пропорций и конструктивных особенностей проектируемого костюма, владению навыками композиционного формообразования.

Ключевые слова: метод накладки; формообразование; конструкция; объёмно-пространственное мышление; творческий потенциал; профессиональные навыки.

Ссылка для цитирования: Будникова О. В., Колесникова Е. В. Развитие профессиональных качеств конструктора при освоении метода накладки ткани на манекен в рамках самостоятельной работы // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 127–135.

Освоение метода накладки ткани на манекен с использованием различных материалов для решения конкретных задач, связанных с поиском объёмно-пространственной формы одежды, выбором средств формообразования; формирование у будущих специалистов понимания природы кроя, развитие видения формы, чувства пропорций и красоты линий костюма является значимым направлением становления обучающегося как дизайнера.

Метод накладки или «накладка» – один из старейших методов, которым виртуозно владели кутюрье и портные прошедших столетий. В России техники накладки считались кутюрными – Высоким мастерством, которые использовали все элитные портные до Октябрьской революции. Одним из первых в России воз-

родил крой накладкой Вячеслав Михайлович Зайцев. Он успешно им пользуется как при создании эксклюзивных моделей, при разработке коллекций одежды, так и для разработки моделей одежды для частного заказчика. В Европе считают, что именно владение методом накладки является вершиной дизайнерского мастерства, когда, минуя стадию эскиза и последующего расчетного построения лекала, изделие сразу драпируется на манекене или фигуре. Ведущие дизайнерские школы и колледжи Европы делают упор на этот метод моделирования.

Данный метод позволяет наглядно представить, как происходит процесс создания формы одежды на форме фигуры, и образно воспроизвести проектируемую модель: её объём, форму, пропорции от-

дельных частей, расположение конструктивных линий, покрой и т.д.

Т. В. Козлова, отмечает доминирование формы в системе факторов восприятия костюма в целом и признаком распознавания «образа моды» [1, с. 323].

Наколка – один из интереснейших методов работы в области моделирования, особенно легкого платья. В процессе накладки можно прочувствовать характерные особенности ткани, понять ее пластические свойства, не говоря уже о том, что этот метод дает возможность использовать в композиции модели особенности структуры, рисунка, особенности набивных тканей. Наколка дает возможность не только создать объемную форму, с последующим переводом ее на бумагу, но, в первую очередь, решить наиболее интересно пропорции модели, расположение деталей по отношению к фигуре и к ансамблю в целом. Поиски пропорций только в рисунке и на плоскости – в выкройке – не всегда приводят к желаемому результату. Многое можно не угадать, приходится искать и изменять во время примерки.

Что же касается поисков сложного кроя, то накладка является универсальным методом работы с материалом, при помощи которого можно найти необходимую форму. Наколка – это творческий процесс, и часто конечный результат отличается от предварительного эскиза. Рождаются что-то новое, неожиданное, креативное. Первоначальная идея в процессе накладки может приобрести совсем новые смысл и звучание. Следует обратить внимание на тот факт, что в процессе освоения данного метода и работы над образом модели, меняются уровни работоспособности обучающегося. Работоспособность, безусловно, зависит от индивидуальных, психофизических ресурсов, степени их тренированности или истощенности, а также внешних условий деятельности [2, с. 348]. Поэтому предлагается выполнение или отработка неко-

торых элементов в рамках самостоятельной работы. Необходимо предоставить обучающимся с пониженной в данный период работоспособностью некую свободу действий, жестко не ограничивая во времени.

Основными задачами изучения данного метода являются: умение выбирать оптимальные композиционные, конструктивно-технологические решения при создании новых форм одежды; творчески решать задачи создания эксклюзивных образных решений через поиск новых форм из различных материалов; оценивать тектонические свойства материалов в процессе проектирования формы и конструкции одежды, анализировать композиционное решение проектируемого костюма.

Моделирование одежды методом накладки или макетирование (муляж) – это создание формы одежды непосредственно из материала на манекене без предварительного раскроя.

Крой наколкой, родившийся много веков назад, способен выразить суть, душу материала, будь то ткань, трикотаж или меховое полотно. Он расширяет границы возможностей в дизайне одежды. С его помощью создаются фантастические драпировки, одежда в древнегреческом стиле, новые нетрадиционные формы в дизайне.

Непревзойденными мастерами в создании платьев методом накладки являются:

– француженка мадам Грэ, работы которой стали классикой (рис.1).

– русский модельер Надежда Ламанова (рис. 2), работы которой хранятся в Эрмитаже.

Традиции Высокого мастерства развивали и использовали Дома Haute Couture, все крупнейшие, известные всему миру мастера конца XIX – начала XX веков: Фредерик Ворт, Поль Пуаре, Эльза Скиапарелли, Коко Шанель, Мадлен Вионне, Жанна Ланвен (Франция).

Большой вклад в искусство костюма внесла Мадлен Вионне, используя кривой крой для создания новых моделей одежды. Ранее данный крой использовался только для небольших деталей одежды. А её прямые силуэты с геометрическими узорами – совершенно новая концепция костюма, которая оказала решающее влияние на развитие моды всего XX века [3,

с. 332]. Качество изделий в равной мере зависит как от удачно решенной композиции костюма, так и правильно разработанной формы изделия и ее технического выполнения. В основе формы любой модели одежды лежит ее художественный образ, обусловленный покроем, конструкцией, т.е. определенной конфигурацией ее составных частей и деталей.

Рис. 1. Драпировки и античные силуэты от Жермен Эмили Кребс (мадам Гре)

Макетирование позволяет понять природу кроя костюма, изменение геометрии его линий в зависимости от формы фигуры человека. Оно предоставляет возможность видеть развертку сложной формы на плоскости и подготовить студентов к восприятию искусства конструкторского мастерства. Развитие навыков конструирования направлено на ознакомление

студентов с методами накладки ткани на манекен, отработку технических приемов выполнения накладки и получения развертки муляжа на плоскости, развитие видения формы, чувство пропорций, красоты линий, без которых невозможно создать совершенную конструкцию.

Рис.2. Вечернее платье от Надежды Ламановой

В ходе выполнения практических работ студенты получают определенный комплекс навыков, необходимых для профессиональной деятельности будущих профессионалов индустрии моды.

Важнейшими профессиональными компетенциями, приобретаемыми обучающимися, становятся:

- готовность эффективно использовать традиционные и новые методы конструирования изделий легкой промышленности с учетом эстетических, экономических и других параметров проектируемого изделия;

- способность конструировать изделия легкой промышленности в соответствии с требованиями эргономики и прогрессивной технологии производства, обеспечивая им высокий уровень потребительских свойств и эстетических качеств;

- готовность обосновывать принятие конкретного технического решения при конструировании изделий легкой промышленности.

Метод наколки преследует две цели.

Первая – поиск оптимальной, наиболее выразительной формы одежды через ее объемное изображение, определение с минимальной погрешностью месторасположения конструктивных элементов (пропорции изделия).

Вторая – использование конкретной ткани для получения той или иной объемной формы, нахождении ее пластических свойств.

Наколка позволяет получить реальное и точное представление о форме, помогает наметить расположение тех или иных линий на фигуре (манекене), выявить конструктивные особенности проектируемой модели. Она способствует объемному восприятию ткани, приучает

чувствовать пропорциональные соотношения деталей между собой и ко всей форме в целом.

В процессе работы на манекене существенно расширяются границы творческого сознания, рождаются нетривиальные решения, появляются неожиданные идеи, формируется более непосредственный и креативный подход к работе. Этот способ моделирования превращает дизайнера в скульптора, добавляет свободу и непосредственность в процесс создания одежды.

Идеи могут быть подсказаны самой тканью – как она ложится по фигуре, какие заламываются складки, ведь не все это можно учесть и предвидеть, рисуя эскиз, т.к. физико-механические свойства у тканей разные. И, наоборот, нарисовав красивый с эстетической точки зрения эскиз, далеко не всегда возможно добиться его точного воплощения в ткани.

Процесс создания моделей от идеи до готового изделия может быть осуществлен по следующим ключевым схемам:

- ткань – эскиз – наколка на манекене – примерки – воплощение (где материал является источником идеи);
- концепция (проектирование художественного образа), под нее подбирается ткань, затем через примерки, наколки – воплощение в материале.

В чистом виде и в полном объеме муляжный метод сегодня применяется довольно редко, но знать его возможности и уметь работать непосредственно с материалом необходимо любому конструктору. В частности, при создании сложных форм одежды и ее индивидуальном изготовлении без применения муляжного метода просто не обойтись. Любая примерка и подгонка на фигуру также требует навыков владения муляжным методом.

Длительное и достаточно успешное применение муляжного метода позволяет считать его не только универсальным способом творческого поиска в области моделирования, но и методом решения ряда практических задач в области кон-

струирования одежды для индивидуального и массового производства.

Дизайнер одежды должен основательно изучить метод наколки, так как он позволяет получить реальное представление о проектируемой форме, способствует объемному восприятию модели, развивает пропорциональное чутье, тренирует глаза и руки, дает профессиональные навыки.

Бесконечного разнообразия композиций драпированных изделий можно достигнуть, используя соответствующие свойства тканей. Так, тончайшую проработку складок можно получить при использовании тонких эластичных тканей с креповым переплетением из натуральных и искусственных шелковых волокон. Применяя мягкие тягучие ткани, получают плавные, гибкие драпировки (как в поперечном, так и в косом направлении нитей полотна). Жесткие же, торчащие тонкие ткани драпируются только по косой нити; поэтому их лучше использовать при создании крупных лучевых драпировок. Большое значение имеет направление складок: горизонтально-поперечное, вертикально-падающее, спиралеобразное или диагональное. Возможно также сочетание в одной модели драпировок нескольких направлений. При этом драпированные платья могут быть симметричные и асимметричные; складки возможны крупные и мелкие. Способ муляжирования по косой нити позволяет достичь огромного многообразия вариантов моделей с драпировками.

Неиссякаемым источником для дизайнера при создании нарядных платьев способом драпировок являются античные одежды. Драпировка – основа античного греческого костюма выявляла благородную простоту и достойную осанку, развитые формы тренированного тела, гармоничные пропорции, динамизм и свободу движений. Прямоугольный кусок ткани различной длины и ширины, драпируясь на теле, прекрасно подчеркивал красоту тела и одежды.

Ритм, расположение и форма складок, драпировок диктовались базовыми

архитектурными формами эпохи: высокой мощной колонной дорического ордера с каннелюрами, пластикой волн ионического стиля и сложным рельефом капители коринфского ордера.

Отличительной чертой эллинических одежаний было отсутствие швов – жёстких конструктивных членений. Одежда делалась в основном из цельного куска ткани. Вариативность складок и их пластика стали прототипами драпировок современных нарядных платьев.

Любой специалист должен быть подготовлен к столкновению с новыми неожиданными профессиональными задачами, требующими нестандартных творческих решений. Поэтому важнейшее значение приобретает выработка у студентов умений углублённой самостоятельной работы, культуры мышления, овладения методами получения и трансформации знаний.

Любой специалист должен быть подготовлен к столкновению с новыми неожиданными профессиональными задачами, требующими нестандартных творческих решений. Поэтому важнейшее значение приобретает выработка у студентов умений углублённой самостоятельной работы, культуры мышления, овладения методами получения и трансформации знаний [4, с. 94]

При выполнении самостоятельной работы обучающийся должен придерживаться следующего алгоритма:

При раскрытии соответствующих тем самостоятельной работы обучающемуся рекомендуется использовать любую периодическую, учебную, учебно-методическую литературу, иллюстративный материал и информационную базу интернет-ресурсов.

Деятельность студентов носит комплексный характер. Она предполагает не только научное исследование в сфере дизайна, но и выполнение графических листов: эскизов, зарисовок творческих источников, технических эскизов, конструкций.

По предложенным темам обучающимися могут выполняться макеты по разработке оригинальных дизайнерских решений. В качестве примера на рисунке 3 представлен макет свадебного платья, разработанный в рамках самостоятельной работы.

В формате исследовательской деятельности по поиску необходимой для раскрытия темы информации студенты могут разработать подробный словарь новых терминов и определений, с которыми им пришлось столкнуться при выполнении задания по соответствующей теме.

При написании реферата или подготовке презентации обязательно указывается актуальность темы, список использованных для раскрытия темы реферата источников информации, оформленный в соответствии с требованиями ГОСТ.

В рамках самостоятельной работы по заданной теме готовится подборка информационных, иллюстративных материалов: источников творчества, на основании изучения которых выполняются графические и макетные работы. Готовится просмотр/собеседование по теме.

Конструкция в наши дни понимается не просто как техническое средство организации формы, но, прежде всего, как функционально и эстетически работающая компонента формы.

Наколка способствует развитию вкуса, тренирует глаз, развивает зрительную память. Она позволяет выполнить нужную форму наглядными средствами с учетом линий фигуры и ее естественных пропорций; правильно откорректировать на объемной поверхности (манекене, фигуре) разработанную расчетным методом на плоскости ту или иную форму. Наконец, с помощью накладки можно получить готовую развертку оболочки одежды.

Кроме того, при наладке учитываются реальные, а не стилизованные пропорции человека, порой условные в графических зарисовках.

Экспериментальный путь проектирования изделия в так называемой мягкой скульптуре позволяет достаточно полно учитывать антропоморфные особенности фигуры человека и естественную способность ткани к формообразованию. Одна-

ко это достаточно «затратный» метод, поскольку приходится работать с целым куском ткани, постепенно отрезая все лишнее, и для примерок потребуется не один день.

Рис. 3. Макет свадебного платья (студенческая разработка)

Таким образом, если освоить основные приемы наколки, и в процессе самостоятельной работы совершенствовать первичные навыки макетирования, то в дальнейшем можно будет накалывать более сложные формы. Наколка на манекен или на живую фигуру позволяет получить профессиональные навыки. Она дает реальное представление об объемной форме, пропорциональных членениях этой фор-

мы, приучает мыслить сразу в материале, который диктует свои пластические свойства. Здесь нет «посредника» в виде эскизной части, и моделирование происходит сразу в объеме. Этот процесс приучает к определенному профессиональному мышлению в материале: одного взгляда иногда достаточно для того, чтобы определить, что лучше сделать из той или иной ткани. Хотя мышление имеет

своим единственным источником ощущения, оно переходит границы непосредственно-чувственного познания и позволяет человеку получать знания о таких свойствах, процессах, связях и отношениях действительности, которые не могут быть восприняты его органами чувств [4, с. 244]. Работа с материалом над сложной формой костюма может вызывать те или иные ассоциации, вызывать яркие образы и побуждать воображение, направленное на решение определённых задач, раскрывая контент проектируемого объекта, соединяя его с образом индивидуального потребителя/носителя.

Навыки накладки тренируют точность глаза и руки, устраняют боязнь примерок на другом человеке, развивают зрительную и тактильную память.

Метод накладки является мощным инструментом не только для практического поиска нужных форм, для наглядного выверения идеальных пропорций и объёмов, но и для развития необходимых качеств успешного профессионала: объёмно-пространственного мышления, системного подхода к решению комплексных задач дизайн-проектирования, реализации творческого потенциала.

Таким образом, развитие профессиональных качеств конструктора при освоении метода накладки ткани на манекен в рамках самостоятельной работы инициируют формирование личности будущих профессионалов нового типа [6, с. 30].

Список литературы

1. Костюм. Теория художественного проектирования / под общ. ред. Т. В. Козловой; Московский текстильный ун-т им. А. Н. Косыгина. М., 2005. 382 с.
2. Психологический словарь / под ред. В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. М.: ООО Астрель, 2004. 479 с.
3. Шубная Е. Бриллиантовый дым // Теория моды. Одежда, тело, культура.

Новое литературное обозрение. Вып. 42 (зима 2016-2017). 373 с.

4. Будникова О. В. Формирование художественной культуры студентов-дизайнеров: методика и технология: монография / Юго-Зап. гос. ун-т. Курск, 2014. 118 с.

5. Колесникова Е. В. О роли профессионально-ориентированной мотивации в процессе подготовки современного молодого специалиста // Научные исследования в образовании. 2010. № 7. С. 29-31.

6. Философский словарь / авт.-сост. С. Я. Подопригора. Ростов н/Д.: Феникс, 2010. 562 с.

7. Мода и стиль / ред. кол.: М. Аксенова [и др.]. М.: Мир энциклопедий Аванта+, 2007. 480 с.

8. Колесникова Е. В. О роли профессионально-ориентированной мотивации в процессе подготовки современного молодого специалиста // Научные исследования в образовании. 2010. № 7. С. 29–31.

9. Колесникова Е. В. Анализ состояния fashion-рынка в системе современных глобализационных процессов в условиях кризиса // Российские регионы как центры культурного развития в современном социокультурном пространстве. Курск, 2017. С. 89–95.

10. Столяренко Л. Д. Педагогическая психология. Ростов н/Д.: Феникс, 2003. 544 с.

11. Ермилова В. В., Ермилова Д. Ю. Моделирование и художественное оформление одежды. М.: OZON.RU, 2010. 416 с.

12. Радченко И. Основы конструирования и моделирования одежды. М.: Академия, 2014.

13. Харзеева С. Э. Теории обучения: историческое развитие, современные подходы и перспективы. Курск, 2011. 215 с.

Поступила в редакцию 05.12.18

UDC 687.112 + 7

O. V. Budnikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: budnikovakursk@yandex.ru)

E. V. Kolesnikova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: elena-v-kolesnikova@yandex.ru)

DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL SKILLS OF THE DESIGNER WHEN MASTERING THE METHOD OF TATTOOED FABRIC ON A MANNEQUIN WITHIN THE INDEPENDENT WORK

The article touches upon the problems of formation and development of a professional through the development of the method of fabric tattooing on a mannequin. Tattoo is one of the most interesting methods of work in the field of modeling, especially light dress; in the process of searching for a complex cut of clothing, expressive artistic image of the model, tattoo is a universal way to work with the material. Mastering the techniques of transformation and draping of different types of materials contributes to the development of taste, trains the eye, develops visual memory. Tattoo allows you to perform the desired shape by visual means, taking into account the lines of the figure and its natural proportions; correct on the volume surface (mannequin, figure) developed by the calculation method on the plane of a particular shape. Finally, using this method, you can get a ready-made scan of the clothing shell, taking into account the real, not stylized proportions of a person, sometimes conditional in graphic sketches.

The most important professional competence acquired by students in the learning process is the willingness to effectively use traditional and new methods of designing products of light industry, taking into account the aesthetic, economic and other parameters of the designed product. In the course of practical work, students receive a certain set of skills necessary for the professional activities of future professionals in the fashion industry.

The algorithm of the process of finding new forms and the design of the modern costume in the course of independent work is given. This process accustoms to professional thinking in the material, vision of proportions and design features of the designed suit, possession of skills of composite shaping.

Key words: method of fashion draping; shaping; construction; spatial thinking; creativity; professional skills.

For citation: Budnikova O. V., Kolesnikova E. V. Development of professional skills of the designer when mastering the method of tattooed fabric on a mannequin within the independent work. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 127–135 (in Russ.).

Reference

1. Kostyum. Teoriya hudozhestvennogo proektirovaniya; ed. by Kozlova T. V. Moscow, 2005. 382 p.

2. Psihologicheskij slovar'; ed. by Zinchenko V. P., Meshcheryakov B. G. Moscow, OOO Astrel' Publ., 2004. 479 p.

3. Shubnaya E. Brilliantovyy dym. Teoriya mody. Odezhda, telo, kul'tura. Novoe literaturnoe obozrenie, is. 42 (zima 2016-2017). 373 p.

4. Budnikova O. V. Formirovanie hudozhestvennoj kul'tury studentov-dizajnerov: metodika i tekhnologiya. Kursk, 2014. 118 s.

5. Filosofskij slovar'; ed. by Podoprigora S. Ya. Rostov n/D, Feniks Publ., 2010, 562 p.

6. Filosofskij slovar'; ed. by S. Ya. Podoprigora. Rostov n/D.: Feniks, 2010. 562 p.

7. Moda i stil'; ed. by Aksenova M. Moscow, Mir ehnciklopedij Avanta+ Publ., 2007. 480 p.

8. Kolesnikova E. V. O roli professional'no-orientirovannoj motivacii v processe podgotovki sovremennogo mladogo specialist. *Nauchnye issledovaniya v obrazovanii*, 2010, no. 7, pp. 29-31.

9. Kolesnikova E. V. Analiz sostoyaniya fashion-rynka v sisteme sovremennyh globalizacionnyh processov v usloviyah krizisa. Rossijskie regiony kak centry kul'turnogo razvitiya v sovremennom sociokul'turnom prostanstve. Kursk, 2017, pp. 89-95.

10. Stolyarenko L. D. Pedagogicheskaya psihologiya. Rostov n/D, Feniks Publ., 2003. 544 p.

11. Ermilova V. V., Ermilova D. Yu. Modelirovanie i hudozhestvennoe oformlenie odezhdy. Moscow, OZON.RU Publ., 2010. 416 p.

12. Radchenko I. Osnovy konstruirovaniya i modelirovaniya odezhdy. Moscow, Akademiya Publ., 2014.

13. Harzeeva S. Eh. Teorii obucheniya: istoricheskoe razvitie, sovremennye podhody i perspektivy. Kursk, 2011. 215 p.

С. В. Дюмина, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: dyumina.swetlana@yandex.ru)

РЕАЛИЗАЦИЯ СИСТЕМНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНОГО ПОДХОДА К ОБУЧЕНИЮ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ КАК УСЛОВИЕ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ОБУЧАЮЩИХСЯ

В статье рассматривается одна из актуальных проблем современного высшего образования – поиск инновационных подходов к развитию профессиональной компетентности обучающихся.

В числе актуальных задач модернизации высшего образования – ориентация образовательного процесса на реализацию общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций, основанных на готовности учащихся использовать усвоенные знания и способы деятельности для решения научно-исследовательских, практических, проектно-инновационных, организационно-управленческих, педагогических и других профессиональных задач. Современные образовательные ориентиры требуют разработки и внедрения системы организации образовательного процесса в магистратуре, адекватной требованиям федеральных государственных образовательных стандартов высшего образования.

Стремление к универсальности знаний и способов деятельности, имеющих применение в широком круге видов профессиональной деятельности, привело научный поиск к идее реализации системно-деятельностного подхода в профессиональном образовании.

В статье представлены результаты исследования, направленного на проектирование и реализацию системы формирования профессиональной компетентности обучающихся магистратуры, методологической основой которой выступает системно-деятельностный подход, с точки зрения которого смысл организации образовательного процесса заключается в создании условий для формирования у обучающихся магистратуры опыта самостоятельного решения профессиональных задач, опыта личностного и профессионального саморазвития, опыта творческой деятельности.

Автор определил условия реализации системно-деятельностного подхода в системе высшего образования (ценностно-мотивационные, учебно-организационные, социально-коммуникативные), обеспечивающие формирование у магистрантов опыта самостоятельного решения познавательных, коммуникативных, исследовательских учебных задач, составляющих основу профессиональной готовности обучающихся магистратуры, а также направленные на формирование опыта личностного и профессионального саморазвития.

Ключевые слова: системно-деятельностный подход; высшее образование; магистратура; профессиональная компетентность.

Ссылка для цитирования: Дюмина С. В. Реализация системно-деятельностного подхода к обучению в системе высшего образования как условие развития профессиональной компетентности обучающихся // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 136–142.

Существенным показателем магистранта как субъекта учебной деятельности выступает его умение выполнять все виды и формы этой деятельности.

Анализ исследуемой проблемы показал, что в педагогической науке и практике накоплен значительный опыт развития продуктивных учебных умений и навыков средствами системно-деятельностного подхода на уровне общего образования [2; 3].

Сущностные характеристики системного, деятельностного, системно-

деятельностного подхода, рассматриваются в исследованиях Б. Г. Ананьева, Б. Ф. Ломова, Л. С. Выготского, Д. Б. Эльконина, Л. В. Занкова, А. Г. Асмолова и др. [1].

Проблема формирования ключевых компетенций, общепрофессиональных и профессиональных компетенций поднимается в работах Э. Ф. Зеера, В. Ю. Захарова, Д. О. Иванова, Ю. В. Корнеева, О. Е. Лебедева, Л. С. Перевозчиковой, Е. А. Никитиной, А. А. Кузнецовой и др. [6; 9].

Опыт реализации системно-деятельностного подхода в высшем образовании сформирован в ходе работы Федеральной экспериментальной площадки ФГБОУ ВПО «Иркутский государственный лингвистический университет» (Т. А. Жданко, А. М. Каплуненко, Т. В. Живокоренцева, Е. И. Золотуева, М. А. Петрова и др.) [4; 5; 7; 8; 10].

Вместе с тем, практически отсутствуют исследования, в которых систематизированно и целенаправленно изучались бы вопросы реализации системно-деятельностного подхода к обучению магистрантов, что создает противоречие между растущей потребностью современного высшего образования в выпускниках магистратуры, готовых решать профессиональные задачи и недостаточной разработанностью научно-методических основ реализации системно-деятельностного подхода как условия развития профессиональной компетентности обучающихся магистратуры.

Примеры сегодняшнего дня свидетельствуют о том, что обучающиеся магистратуры демонстрируют высокий уровень владения профессиональными знаниями, умениями, приобретенными в процессе обучения на уровне бакалавриата. В то же время магистранты, у которых профиль образования не совпадает с профилем предыдущего уровня образования, «тонут» в информационном потоке: затрудняются в выделении главного, в постановке проблем и определении задач собственного исследования, демонстрируют невысокий уровень владения приемами анализа и систематизации научной информации. Студенты-магистранты испытывают затруднения, если формулировки учебных заданий отходят от традиционной формы.

Собственный опыт преподавания в магистратуре по направлению подготовки «Психология» позволяет выделить в

отдельную категорию обучающихся, которые получили образование, в том числе высшее образование на уровне бакалавриата, более 4-х лет назад, и, как правило, не имеют специальной психолого-педагогической подготовки.

Учебная активность данной категории студентов-магистрантов объясняется, прежде всего необходимостью повышения профессионального уровня, возможностью карьерного роста. Однако, по мнению студентов, «мы учились так давно, что забыли, как это делается».

Отсутствие опыта учебной деятельности проявляется в том, что обучающиеся магистратуры воспринимают лекцию как диктант. Слушать и вести записи одновременно они затрудняются. Магистранты при подготовке к учебному занятию, в процессе выполнения курсовых работ используют сеть Интернет как единственный источник информации. В результате они демонстрируют в качестве продукта учебной деятельности скачанный текст статьи, отчета по практике, курсовой работы.

Причины подобной ситуации мы видим в отсутствии направленности педагогической деятельности на развитие умений и навыков учебной деятельности учащейся молодежи. В магистратуре сохраняется лекционно-семинарская система обучения, и, следовательно, традиционные подходы к обучению студентов-бакалавров «переносятся» на студентов, имеющих диплом о высшем образовании.

Подтверждением выступают результаты наблюдений за процессом организации деятельности обучающихся-магистрантов на учебных занятиях. Научно-педагогические работники читают лекции, объясняют, показывают, рассказывают, спрашивают, предлагают задания, контролируют, оценивают; студенты-магистранты слушают, отвечают, выполняют задания, пишут, читают. Очевидно,

что с точки зрения продуктивности, преобладают репродуктивные виды учебной работы на занятиях, что свидетельствует о недостаточном уровне сформированности учебных умений магистрантов, составляющих основу общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Анализ полученных данных свидетельствует о том, что деятельность преподавателей вуза в значительной степени подчинена стереотипам традиционного подхода: сохраняется «знаниевая» ориентация обучения.

Анализ содержания рабочих программ дисциплин направления подготовки «Психология» свидетельствует о том, что больший удельный вес по сравнению с лекционными занятиями занимают практические занятия, самостоятельная работа студентов, что требует от обучающихся проявления субъектной позиции: познавательной активности, достаточного уровня владения умениями и навыками учебно-познавательной деятельности.

Очевидно, что традиционный подход к организации обучения в магистратуре («слепое копирование» форм, методов, средств обучения, свойственных бакалавриату, на уровне магистратуры) создает противоречие между растущей потребностью магистратуры как уровня высшего образования в обеспечении субъектности студентов-магистрантов и недостаточной разработанностью научно-методических основ реализации системно-деятельностного подхода как условия развития профессиональной компетентности обучающихся.

Собственный опыт педагогической, исследовательской деятельности позволяет утверждать, что важным условием подготовки магистрантов к будущей профессиональной деятельности выступает реализация системно-деятельностного подхода к организации учебных за-

ятий, что предполагает прежде всего необходимость обучения студентов умению определять цели и задачи различных видов будущей профессиональной деятельности, проектировать, организовывать, контролировать собственную учебную деятельность, полноценно взаимодействовать с другими участниками образовательного процесса.

Система работы преподавателя по формированию и развитию у магистров учебных действий включает следующие компоненты: постановка целей совместной деятельности преподавателя и обучающихся; диагностика уровней сформированности учебных действий магистров; отбор и реализация педагогических средств формирования общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций; контроль процесса и результата формирования, развития и совершенствования всех групп компетенций.

Необходимым условием организованности, интегрированности совместной работы преподавателей и обучающихся магистратуры является постановка целей и задач педагогической, учебно-познавательной деятельности.

В рамках исследуемой проблемы важно формулировать не только цели, связанные с «приростом» профессиональных знаний и специальных умений, но и создавать ценностно-мотивационные условия, ориентированные на развитие магистранта как субъекта учебной деятельности:

– содействовать осознанию обучающимися магистратуры социальной, практической, личностной значимости изучаемого материала;

– обеспечить развитие умений и навыков целеполагания, планирования, организации, осуществления контроля и оценки учебно-познавательной деятельности магистрантов;

– организовать деятельность обучающихся по самостоятельному применению знаний, умений и навыков в стандартных и нестандартных ситуациях и др.

Чтобы обеспечить реализацию обозначенных условий, необходимо обеспечить принятие магистрантами поставленных целей. В этой связи важным становится разъяснение смысла и значимости изучаемого материала для будущей профессиональной деятельности, а также субъектно-личностного развития; использование в образовательном процессе ситуационных задач, решение которых требует от обучающихся применения знаний в процессе проектирования профессиональной деятельности; создание учебных ситуаций, в которых обучающиеся магистратуры принимают участие в дискуссиях и обсуждениях, выражают и обосновывают свое мнение, анализируют научные статьи, разрабатывают и защищают проекты в контексте профессиональной деятельности и др.

Учебно-организационные условия направлены на определение средств достижения поставленных целей, адекватных требованиям ФГОС, с одной стороны, и уровню профессиональной готовности обучающихся, с другой.

Преподаватель должен владеть информацией об уровнях сформированности всех групп компетенций обучающихся магистратуры, поэтому важным направлением научно-педагогической деятельности становится диагностика уровней сформированности учебных действий магистрантов.

Получить интересующую информацию позволяют методы педагогических исследований: наблюдение, опрос, анализ курсовых работ, использование специальных диагностических методик.

В ходе наблюдения необходимо обращать внимание на отношение обучающихся к выполнению учебной деятельно-

сти (проявляют ли интерес к процессу познания, задают ли вопросы, легко ли включаются в решение познавательных и других задач, определяют свое отношение оценкой или самооценкой, какова реакция на удачи и неудачи), уровень самостоятельности при выполнении учебных заданий различной степени сложности, правильность решения задач, объем и качество имеющихся знаний, успешность использования различных приемов учебной деятельности, характер ответов на уроке (полнота, логичность, уверенность), темп работы.

Основными педагогическими средствами формирования общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций в процессе обучения магистрантов выступают инновационные технологии:

– использование ролевых и деловых игр с целью воспитания и развития способностей обучающихся магистратуры к личностной и деловой коммуникации, организаторских и творческих способностей;

– использование тренинговых технологий с целью развития навыков конструктивного взаимодействия;

– использование метода анализа конкретных ситуаций с целью формирования навыков психологического анализа ситуаций делового взаимодействия и принятия решений.

Мобильные технические средства позволяют широко использовать на учебных занятиях электронные учебные пособия.

Результаты нашего исследования позволили выделить условия организации умений учебной деятельности обучающихся магистратуры:

– в процессе проектирования и проведения учебных занятий необходимо ставить перед обучающимися учебные задачи, обеспечивать планирование, кон-

троль, оценку выполнения учебной работы;

– использовать индивидуальные творческие задания в контексте профессиональной деятельности с дальнейшей их оценкой по параметрам: самостоятельность выполнения, оригинальность, нахождение новых способов решения; использование различных источников информации;

– постоянно обращать внимание не только на достижение конкретного практического результата (выполнил задание, защитил курсовую работу), но и те способы, с помощью которых достигнут результат);

– проводить рефлексию учебного занятия (что узнали, чему научились, какие затруднения испытывали, что хотелось бы изменить, каковы пути закрепления успеха и исправления ошибок).

Анализ содержания и структуры учебной деятельности показал, что она направлена на усвоение знаний, овладение универсальными способами учебных действий, отработку приемов и способов действий, их алгоритмов, в процессе чего развивается сам обучающийся; результатом овладения учебной деятельностью становится сформированность учебно-познавательных мотивов, умений понимать и принимать учебную задачу, выполнять учебные действия (репродуктивные и продуктивные), производить контроль и оценку результатов и процесса учебной деятельности в контексте профессиональной, составляющих основу общекультурных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций.

Таким образом, формирование профессиональной готовности обучающихся магистратуры – управляемый процесс, который строится на понимании научных основ реализации системно-деятельностного подхода в профессиональном образовании; основным результатом данного

процесса является готовность обучающихся совершать действия, направленные на восприятие, логическое осмысление, переработку и применение учебного материала в решении научно-исследовательских, практических, проектно-инновационных, организационно-управленческих, педагогических и других профессиональных задач.

Список литературы

1. Асмолов А. Г. Стратегия и методология социокультурной модернизации образования. 2011. URL: <http://www.firo.ru/wp-content/uplo-ads/2011/06/>.

2. Дюмина С. В. Управление формированием универсальных учебных действий обучающихся как актуальная проблема современного образования // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2015. № 2 (15). С. 99–104.

3. Дюмина С. В., Беленцов С. И. Формирование универсальных учебных действий обучающихся как актуальная проблема исследовательской деятельности учителей русского языка и литературы в условиях реализации ФГОС // Известия Юго-западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2016. №2(19). С. 138–144

4. Живокоренцева Т. В. Вариативность образования: проблемное поле современных интерпретаций // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 220–226.

5. Жданко Т. А. Образовательно-профессиональное пространство вуза как педагогическое условие формирования конкурентоспособности личности студента // Magister Dixit: электронный научно-педагогический журнал Восточной Сибири: сетевой журн. 2012. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/zhdanko_v_razdel_sobytiya.pdf.

6. Зеер Э., Сыманюк Э. Компетентностный подход к модернизации профессионального образования // Высшее образование в России. 2005. № 4. С. 23–30.

7. Золотуева Е. И., Мойсеенко А. А. Системно-деятельностный подход в преподавании алтайского языка // Системно-деятельностный подход в разноуровневом вариативном образовании: проблемы, идеи, опыт реализации: материалы науч.-практ. Интернет-конф. (Иркутск, 2-8 мая 2012 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2012. С. 211-219.

8. Каплуненко А. М. О преимуществах системно-деятельностного подхода к педагогическому дискурсу // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2012. № 4. С. 201–205.

9. Никитина Е. А., Кузнецова А. А. Интерактивные формы обучения в соответствии с требованиями ФГОС ВПО третьего поколения и рефлексивность: следствие или условие реализации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика, 2014. № 1. С. 53–59.

10. Петрова М. А. Отличительные особенности компетентностного и системно-деятельностного подходов в образовании // Системно-деятельностный подход в разноуровневом вариативном образовании: проблемы, идеи, опыт реализации: материалы науч.-практ. Интернет-конф. (Иркутск, 2-8 мая 2012 г.). Иркутск: ИГЛУ, 2012. С. 6-12.

Поступила в редакцию 15.10.18

UDC 3702

S. V. Dyumina, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: dyumina.swetlana@yandex.ru)

IMPLEMENTATION OF SYSTEM-ACTIVITY APPROACH TO TEACHING IN HIGHER EDUCATION AS A CONDITION OF DEVELOPMENT OF PROFESSIONAL KOMPETENTSY STUDENTS

The article deals with one of the urgent problems of modern higher education – the search for innovative approaches to the development of professional competence of students.

Among the urgent tasks of modernization of higher education is the orientation of the educational process to the implementation of General cultural, General professional and professional competencies based on the willingness of students to use the acquired knowledge and methods of activity for solving research, practical, design and innovation, organizational and management, pedagogical and other professional tasks. Modern educational guidelines require the development and implementation of a system of organization of the educational process in the magistracy, adequate to the requirements of the Federal state educational standards of higher education.

The desire for the universality of knowledge and methods of activity that are used in a wide range of professional activities led to the scientific search for the idea of implementing a system-activity approach in vocational education.

The article presents the results of a study aimed at the design and implementation of the system of formation of professional competence of graduate students, the methodological basis of which is the system-activity approach, from the point of view of which the meaning of the educational process is to create conditions for the formation of students master's experience of independent solutions of professional problems, experience of personal and professional self-development, experience of creative activity.

The author defined the conditions for the implementation of the system-activity approach in the system of higher education (value-motivational, educational-organizational, social-communicative), providing the formation of undergraduates' experience of independent solutions of cognitive, communicative, research educational problems that form the basis of professional readiness of students of master's degree, as well as aimed at the formation of experience of personal and professional self-development.

Key words: system-activity approach; higher education; magistracy; professional competence.

For citation: Dyumina S. V. Implementation of system-activity approach to teaching in higher education as a condition of development of professional kompetensy students. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 136–142 (in Russ.).

References

1. Asmolov A. G. Strategiya i metodologiya sociokul'turnoj modernizacii obrazovaniya. 2011. URL: <http://www.firo.ru/wp-content/uplo-ads/2011/06/>.

2. Dyumina S. V. Upravlenie formirovaniem universal'nyh uchebnyh dejstvij obuchayushchihsya kak aktual'naya problema sovremennogo obrazovaniya. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2015, no. 2 (15), pp. 99–104.

3. Dyumina S. V., Belencov S. I. Formirovanie universal'nyh uchebnyh dejstvij obuchayushchihsya kak aktual'naya problema issledovatel'skoj deyatel'nosti uchitelej russkogo yazyka i literatury v usloviyah realizacii FGOS. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2016, no. 2 (19), pp. 138–144.

4. Zhivokorenceva T. V. Variativnost' obrazovaniya: problemnoe pole sovremennyh interpretacij. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 220–226.

5. Zhdanko T. A. Obrazovatel'no-professional'noe prostranstvo vuza kak pedagogicheskoe uslovie formirovaniya konkurentosposobnosti lichnosti studenta. *Magister Dixit: ehlektronnyj nauchno-pedagogicheskij zhurnal Vostochnoj Sibiri: setevoy zhurn.* 2012. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/zhdanko_v_razdel_sobytya.pdf.

6. Zeer Eh., Symanyuk Eh. Kompetentnostnyj podhod k modernizacii professional'nogo obrazovaniya. *Vysshee obrazovanie v Rossii*, 2005, no. 4, pp. 23–30.

7. Zolotueva E. I., Mojseenko A. A. Sistemno-deyatel'nostnyj podhod v prepodavanii altajskogo yazyka. Sistemno-deyatel'nostnyj podhod v raznourovnevom variativnom obrazovanii: problemy, idei, opyt realizacii. Materialy nauch.-prakt. Internet-konf. (Irkutsk, 2-8 maya 2012 g.). Irkutsk, 2012, pp. 211-219.

8. Kaplunenko A. M. O preimushchestvah sistemno-deyatel'nostnogo podhoda k pedagogicheskomu diskursu. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2012, no. 4, pp. 201–205.

9. Nikitina E. A., Kuznecova A. A. Interaktivnye formy obucheniya v sootvetstvii s trebovaniyami FGOS VPO tret'ego pokoleniya i reflektivnost': sledstvie ili uslovie realizacii. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2014, no. 1, pp. 53–59.

10. Petrova M. A. Otlichitel'nye osobennosti kompetentnostnogo i sistemno-deyatel'nostnogo podhodov v obrazovanii. Sistemno-deyatel'nostnyj podhod v raznourovnevom variativnom obrazovanii: problemy, idei, opyt realizacii. Materialy nauch.-prakt. Internet-konf. (Irkutsk, 2-8 maya 2012 g.). Irkutsk, 2012, pp. 6-12.

УДК 159.9

Е. А. Никитина, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: eanikitina72@mail.ru)

А. А. Кузнецова, канд. психол. наук, доцент, Курский государственный медицинский университет (Курск, Россия) (e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru)

Е. Ю. Осадчая, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: lizetta_08@bk.ru)

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ МЕДИАЦИИ В КУРСКОЙ ОБЛАСТИ

В современном мире особое значение приобретают механизмы саморегулирования, когда субъекты общественных отношений имеют возможность самостоятельно устанавливать правила поведения и контролировать их соблюдение. Вот почему в последнее время проблемам примирительных процедур уделяется значительное внимание.

На сегодняшний день в России судебное разбирательство и иные юридические механизмы рассмотрения и разрешения гражданских дел являются основными способами защиты при нарушении прав, свобод и законных интересов. Однако нельзя отрицать, что в условиях становления и динамичного развития гражданского общества они зачастую оказываются недостаточно эффективными. Участники спорных отношений становятся все более заинтересованными в самостоятельном урегулировании возникающих противоречий при помощи медиации с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по урегулированию конфликта на условиях взаимного уважения и принятия права каждой из сторон защищать свои интересы. Медиатор, как третья независимая сторона, определяет взаимовыгодность разрешения конфликта, поскольку помогает сторонам наладить процесс коммуникации и проанализировать конфликтную ситуацию таким образом, чтобы они сами смогли выбрать тот вариант решения, который бы удовлетворял интересы и потребности всех участников конфликта. Кроме того, медиация в полной мере содержит в себе нравственные императивы обязательного соблюдения требований, обеспечивающих возможность эффективного проведения процедуры и обязательного добровольного выполнения достигнутых договоренностей.

Целью исследования стало определение уровня информированности населения о процедуре медиации. В процессе анкетирования было выявлено отношение респондентов к процедуре медиации как новому социальному явлению современной жизни, основные причины не востребованности медиативных услуг в обществе, соответствие индивидуальных стратегий поведения в конфликте основным принципам медиации.

На основе интерпретации результатов исследования были выработаны практические рекомендации по развитию медиативного движения в Курской области.

Ключевые слова: конфликт; медиация; медиатор; медиативный процесс; медиативные услуги; альтернативные способы разрешения конфликта.

Ссылка для цитирования: Никитина Е. А., Кузнецова А. А., Осадчая Е. Ю. Проблемы и перспективы развития медиации в Курской области // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 143–151.

В современном мире особое значение приобретают механизмы саморегулирования, когда субъекты общественных отношений имеют возможность самостоятельно устанавливать правила поведения и контролировать их соблюдение. Рост активности и ответственности участников гражданского оборота позволяет государству делегировать часть своих полномочий в определенных сферах жизнедеятельности человека институтам гражданского общества. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что разрешение и уре-

гулирование правовых споров относится к одной из таких сфер. При анализе итогов судебных реформ, проведенных во второй половине XX века в странах континентальной Европы, следует обратить внимание на всеобщий отказ от «государственного патернализма» (когда разрешение правовых споров осуществляется исключительно в ходе правоприменительной деятельности посредством вынесения обязательного для исполнения решения) и переход к «плюралистическому подходу», то есть признанию необходи-

мости обеспечения конфликтующим лицам права выбора способа урегулирования их разногласий путем предоставления возможности использования примирительных процедур.

На сегодняшний день в России судебное разбирательство и иные юридические механизмы рассмотрения и разрешения гражданских дел являются основными способами защиты при нарушении прав, свобод и законных интересов. Однако нельзя отрицать, что в современных условиях становления и динамичного развития гражданского общества они зачастую оказываются недостаточно эффективными. Участники спорных отношений становятся все более заинтересованными в самостоятельном урегулировании возникающих противоречий с целью выработки взаимоприемлемого и жизнеспособного решения по урегулированию конфликта на условиях взаимного уважения и принятия права каждой из сторон защищать свои интересы [5].

В последнее время проблемам примирительных процедур уделяется значительное внимание. Важность внесудебного разрешения правовых споров на протяжении нескольких лет подчеркивается в выступлениях руководителей высших органов государственной власти Российской Федерации. Идея внедрения примирительных процедур в качестве одного из приоритетных направлений совершенствования судостроительства нашла свое закрепление в Федеральной целевой программе развития судебной системы на 2012-2018 годы. Необходимость оказывать поддержку внесудебным формам разрешения корпоративных конфликтов отмечена в Стратегии развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2020 года.

С 1 января 2011 года вступил в силу Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», в котором заложена основа развития медиации в России. Сегодня активно обсуждается разработанный Высшим

Арбитражным Судом Российской Федерации проект Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с совершенствованием примирительных процедур», содержащий положения о судебном посредничестве.

На сегодняшний день накоплен значительный опыт интегрирования процедур примирения при содействии посредника в правовые системы различных государств. Во многих зарубежных странах медиация существует и применяется как особая форма урегулирования споров наряду и во взаимосвязи с судебным разбирательством. К сожалению, в отечественной практике она остается малоиспользованной.

Альтернативные способы разрешения правовых конфликтов – это совокупность приемов и методов внесудебного урегулирования споров, в результате применения которых спорящие стороны заключают взаимоприемлемое соглашение. Кроме того, значимость медиации заключается в возможности выйти за рамки обозначенного спора и выявить истинные причины конфликта, выработав совместное решение по его разрешению и урегулированию. На практике именно не оглашаемые мотивы и интересы участников являются причиной возникновения конфликта, а конфиденциальность процедуры медиации позволяет сторонам путем обмена мнениями и обсуждения найти мирное решение спора [3].

Медиация – это альтернативный метод разрешения конфликта, способный оказать серьезное влияние на все правовое пространство нашей страны. Медиатор, как третья независимая сторона, определяет взаимовыгодность разрешения конфликта, поскольку помогает сторонам наладить процесс коммуникации и проанализировать конфликтную ситуацию таким образом, чтобы они сами смогли выбрать тот вариант решения, который бы удовлетворял интересы и потребности всех участников конфликта

[7]. Поскольку решение принимают сами спорщики, это дает возможность для каждого из них выйти из конфликта победителем, не «потеряв лицо» и сохранив перспективы для дальнейшего сотрудничества с оппонентами [3, с. 215]. Медиацию отличают активная роль самих сторон спора в процессе выработки решения и сохранение ими полного контроля над содержательной частью соглашения. Еще одним немаловажным преимуществом медиации является добровольная исполняемость решения сторонами (поскольку это решение всегда реалистично и принято добровольно). Это довольно важный момент. Известно, что судебные решения часто несут лишь формальный характер. Суд просто не в состоянии учесть множество аспектов спора и не принимает во внимание многих особенностей реальной ситуации, в которой находятся спорщики. Вот почему нередко даже справедливые судебные решения просто не исполняются. И здесь медиация позволяет избежать ненужных потерь, давая бизнесу и отдельным гражданам шанс преодолеть негативные последствия спора и даже выстроить на них фундамент новых партнерских отношений.

Кроме того, медиация в полной мере содержит в себе нравственные императивы обязательного соблюдения требований, обеспечивающих возможность эффективного проведения процедуры и обязательного добровольного выполнения достигнутых договоренностей. Принципы медиации требуют их соблюдения безоговорочно, без рассуждения, без сомнения. Это та нравственная максима, которая распространяется на все грани и этапы медиации без исключения. Процедура медиации реализуется на основании взаимного волеизъявления сторон, принципов добровольности, конфиденциальности, сотрудничества и равноправия сторон, беспристрастности и независимости медиатора. А именно это, по сути, и является императивными отношениями, так как это универсальные, общечелове-

ческие алгоритмы поведения людей в отношении одного к другому [3, с.231].

В последнее время отмечается положительная динамика в развитии медиаторского движения в России. За последние несколько лет число урегулированных споров в различных регионах нашей страны значительно увеличилось. Проведенный Верховным Судом Российской Федерации мониторинг показал, что по состоянию на первый квартал 2018 года более чем в 60 субъектах Российской Федерации были созданы организации, осуществляющие деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации. Такие организации осуществляют свою деятельность преимущественно в форме некоммерческих партнерств, автономных некоммерческих организаций, обществ с ограниченной ответственностью. Также деятельность по обеспечению проведения процедуры медиации осуществляется некоторыми территориальными палатами Торгово-промышленной палаты Российской Федерации, региональными представительствами Российского союза промышленников и предпринимателей и подразделениями вузов.

Однако востребованность примирительных процедур и, следовательно, количество урегулированных споров, по сравнению с европейскими странами, все еще остается достаточно низкой.

По мнению специалистов, процессуальными препятствиями для более частого и эффективного использования института примирения в гражданском процессе являются:

- короткие сроки рассмотрения дел;
- небольшие размеры государственной пошлины;
- уменьшение судами расходов на оплату услуг представителя;
- отсутствие института обязательной медиации;
- отсутствие у судей права направлять лиц, участвующих в деле, на обязательное прохождение процедуры медиации;

– неурегулированность процессуальным законодательством вопроса о течении процессуальных сроков на период прохождения сторонами процедуры медиации.

Институт посредничества при разрешении социальных, в том числе правовых, конфликтов изучается представителями разных научных направлений, в частности, конфликтологии (В. П. Казимирчук, В. Н. Кудрявцев, Т. В. Худойкина, В. С. Жеребин), социологии (В. В. Андреев, М. В. Гвоздарева), психологии (О. В. Аллахвердова, А. Д. Карпенко). Вместе с тем, комплексных исследований, посвященных анализу медиации как самостоятельному способу урегулирования споров, интеграции ее в деятельность органов гражданской юрисдикции в российской науке ранее не проводилось.

Внедрение института медиации в Курскую область началось в 2012 году, когда начал свою работу Центр медиации и права под руководством Елены Анатольевны Шашкиной. Основной задачей Центра медиации и права является реализация на территории Курской области Федерального закона «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)», то есть применение примирительных процедур и развитие культуры конструктивного, дружественного разрешения споров [4, с. 4]. Принципом работы центра является неукоснительное следование основополагающим принципам самой процедуры. В центре проводятся процедуры медиации по различным делам на разных стадиях конфликта, включая судебное разбирательство, осуществляется информирование населения, представителей бизнеса и специалистов из разных сфер о целесообразности проведения медиативных процедур. Уже с 2014 года работа центра носила массовый характер. На сегодняшний день в центр поступило более 100 обращений, и по 50% из них процедура примирения состоялась. Согласно статистике центра, на первом месте по актуальности оказались

вопросы жилищного характера. Также с помощью медиатора улаживались конфликты по поводу расторжения брака, порядка общения с детьми, конфликты в сфере бизнеса.

Кроме того, в судах Курска и некоторых судах Курской области стали функционировать комнаты примирения. В них профессиональными медиаторами осуществляется консультирование лиц, участвующих в деле, по вопросам медиации, ее преимуществ и возможностях урегулирования конфликта мирным путем и непосредственное проведение процедуры. В случае, если стороны отказываются от процедуры медиации, их направляют в суд и принимают все необходимые меры в соответствии с законодательством для решения конфликтного вопроса.

Необходимо отметить, что применение медиативных процедур осуществляется не только в судебной практике. В Курской области принят комплекс мер, направленных на профилактику безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, защите их прав. Это связано с реализацией региональной концепции развития до 2018 года сети служб медиации для реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность. По данным органов, осуществляющих управление в сфере образования муниципальных районов и городских округов, в 58 образовательных организациях региона созданы службы школьной медиации, 70 участников образовательных отношений прошли обучение в региональных (муниципальных) службах медиации и получили навыки, необходимые для участия в деятельности служб школьной медиации. На базе средних общеобразовательных учреждений в области было создано 50 служб примирения, деятельность которых обеспечивают

более 100 специалистов из числа педагогов-психологов этих организаций. Медиативная деятельность ведется и на базе высших учебных заведений. Широко используется научный потенциал образовательных учреждений высшего образования для изучения существующих практик и технологий медиации, для поиска новых возможностей в апробации и внедрении их в образовательную среду. Так, в Юго-Западном государственном университете медиативные услуги оказываются на базе Учебно-практического центра конфликто разрешения ЮЗГУ специалистами кафедры коммуникологии и психологии.

Однако, несмотря на положительную динамику в развитии медиаторского движения, востребованность медиативных услуг среди населения Курской области остается низкой. Мы предположили, что одной из причин сложившейся ситуации является низкий уровень информированности населения Курской области о процедуре медиации. Таким образом, основной целью нашего исследования стало изучение уровня информированности населения о процедуре медиации. В качестве задач исследования можно выделить следующие: исследование уровня информированности населения Курской области (по выборкам трёх групп) о медиации; изучение текущего отношения респондентов к медиации; установление совместимости основных принципов медиации и индивидуальных стратегий разрешения конфликтов; выявление основных источников популяризации и информирования населения Курской области о медиации; оценка эффективности принимаемых мер по популяризации и информированию населения Курской области о медиации; установление отношения респондентов к инновациям в целом; изучение отношения респондентов к практике судебного разрешения.

Зачастую различия в интерпретации одного и того же понятия разными исследователями вносят некоторое деструктивное начало в процесс изучения вопроса, поэтому при планировании исследования особое внимание было уделено интерпретации основных понятий, используемых при интерпретации результатов исследования. В связи с этим целесообразно уточнить содержание понятий, используемых в данном исследовании:

«Медиация – способ урегулирования споров при содействии медиатора на основе добровольного согласия сторон в целях достижения ими взаимоприемлемого решения» [5].

Конфликт, конфликтная ситуация – столкновение интересов, мнений, позиций.

Сотрудничество – тактика поведения в конфликте, при которой одна сторона конфликта старается вовлечь другую в процесс конструктивного сотрудничества, чтобы совместными усилиями выработать наиболее приемлемое для обеих сторон решение.

Компромисс – тактика поведения в конфликте, при которой обе стороны конфликта готовы к взаимным уступкам.

Соревнование – тактика поведения в конфликте, при которой одна сторона стремится полностью удовлетворить свои потребности за счет полного поражения другой стороны.

Приспособление – тактика поведения в конфликте, при которой одна сторона конфликта предпочитает уступить другой стороне в ущерб некоторым своим интересам, чтобы конфликт был исчерпан как можно быстрее и мягче.

Уклонение – тактика поведения в конфликте, при которой одна сторона конфликта старается избежать источника конфликта и отложить решение проблемы.

Концептуальная модель объекта исследования характеризуется рядом клю-

чевых компонентов, содержание которых можно сформулировать в виде следующих тезисов.

Во-первых, повышение уровня информированности респондентов о медиации находится в прямой зависимости от целенаправленной деятельности по информированию населения со стороны СМИ, официальных представителей власти, исследователей проблематики и различных общественных, частных, муниципальных и государственных учреждений, занимающихся внедрением или реализацией медиативной практики. Особую роль в информировании населения играет «маркетинг из уст в уста» (так называемое «сарафанное радио»).

Во-вторых, отношение к медиации формируется в зависимости от указанных выше форм деятельности по повышению информированности респондентов. В данном случае ключевыми являются качество, характер и масштаб процесса информирования. Особо остро на данный момент стоит проблема отсутствия квалифицированного корпуса медиаторов, что создает прецеденты некачественной работы медиаторов и, соответственно, посредством «маркетинга из уст в уста» формирует тенденцию негативного восприятия медиации.

Для исследования уровня информированности населения Курской области о процедуре медиации нами была составлена анкета. В анкетировании принимали участие 60 человек. В первую группу (20 человек) вошли студенты ЮЗГУ факультета юриспруденции в возрасте от 18 до 21 года. Во вторую группу (20 человек) вошли студенты ЮЗГУ механико-технологического факультета в возрасте от 18 до 21 года. В третью группу (20 человек) вошли слушатели университета пожилого человека «Серебряная пора» в возрасте от 68 до 71 года.

Анализ результатов исследования показал, что уровень собственной ин-

формированности о процедуре медиации лучше всего оценили студенты юридического факультета: 40 % респондентов хорошо осведомлены о процедуре медиации, 25 % имеют некоторые представления, 35 % совершенно не осведомлены. Среди респондентов второй группы лишь 20% вообще осведомлены о данном явлении, а 80% вообще ничего не слышали о данной процедуре. Что касается третьей группы, то в ней 20% респондентов осведомлены о процедуре хорошо и даже пользовались услугами медиатора. 80% знают о медиации чисто теоретически или вообще не осведомлены.

На вопрос «Что Вы знаете о медиации как альтернативном методе разрешения конфликтов?» в первой группе 85% респондентов ответили «я хорошо знаю, что такое медиация», и лишь 10 % ответили «я кое-что слышал об этом». Во второй группе 5% респондентов ответили «я кое-что слышал об этом», 95% респондентов ответили «я ничего не слышал об этом до сих пор». В третьей группе 40% знают, что такое медиация, 60 % респондентов мало слышали о данной процедуре.

Наиболее высокие результаты у респондентов первой группы ожидаемы, поскольку в учебные планы студентов юридического факультета входят дисциплины, изучающие основы медиаторской деятельности. В целом результат уровня осведомленности у всех опрашиваемых достаточно низкий, особенно среди молодежи, профессиональные интересы которой не пересекаются с разрешением конфликтных ситуаций.

Высокую эффективность и целесообразность в применении процедуры медиации в среднем подтвердили 75% респондентов из всех трех групп. Остальные 25% участников исследования считают медиацию «очередным примером слепого европейского заимствования» и «средством наживы для медиаторов, ко-

торые не принесут никакой пользы». Достаточно высокие результаты эффективности процедуры показывают совместимость основных принципов медиации с индивидуальными стратегиями поведения в конфликте, поскольку более 70% выбирают «сотрудничество» и «компромисс» в качестве наиболее приемлемых способов урегулирования конфликтов и менее 20% выбирают «соревнование», «уклонение» и «приспособление».

Кроме того, эффективность и возможность участия в процедуре медиации подтверждают и мнения респондентов, касающиеся их отношения к судебным разбирательствам. Только студенты юридического факультета (95%) относятся положительно к решению спорного вопроса путем обращения в суд. Что касается остальных респондентов, то 85% опрошенных из второй группы и 95% опрошенных из третьей группы считают, что «судебные тяжбы – это всегда стресс, которого хотелось бы избежать, и попробовать иным образом решить спорный вопрос».

Наше предположение о том, что основную информацию о процедуре медиации население получает из средств массовой информации, подтвердилось частично. 80% респондентов, чья профессиональная деятельность связана с медиацией, основную информацию получили во время обучения в вузе. Во второй и третьей группах лишь 25% опрошенных узнали о медиации из СМИ, остальные или вообще ничего не слышали, или слышали от знакомых и родственников.

Таким образом, анализ результатов исследования показывает, что в основном граждане готовы участвовать в процедуре медиации и решать споры на альтернативной основе мирным путем, и этот способ кажется им гораздо эффективнее, нежели судебное разбирательство. Однако необходимо изменить уровень информированности граждан Курской области

о таком способе разрешения конфликта как медиация, поскольку они просто не слышали о возможности предоставления медиативных услуг. На наш взгляд, ключевую роль в продвижении процедур медиации играет информационно-просветительская деятельность. Причем просвещение необходимо обеспечить не только среди широких слоев населения, но и среди юридического и психологического сообществ как провайдеров медиативных услуг. Юристы должны предлагать максимально широкий спектр способов урегулирования возникающих конфликтов, помогая на основе информированности сделать выбор, отвечающий интересам клиента.

В крупных городах России (Москва, Санкт-Петербург, Владивосток) уже известен опыт, когда компании практикуют создание так называемой внутренней службы медиации, формируя собственный штат медиаторов для разрешения как внутрикорпоративных, так и «внешних» споров. В Курской области такой опыт тоже применяется, в основном в образовательных учреждениях. Однако было бы крайне целесообразно в конфликтогенных сферах профессиональной деятельности (а это практически все области деятельности, где происходит взаимодействие с клиентами, заказчиками, покупателями и т.п.) в подготовку персонала внедрить обучение медиативному подходу. Этот метод позволяет разрешать и предотвращать споры и конфликты, что называется «в реальном времени», не доводя их до эскалации. Это, безусловно, экономит не только время и нервы, но и финансовые ресурсы. В заключение хотелось бы выразить убеждение в том, что применение медитативных технологий для урегулирования правовых споров в нашем обществе нужно, полезно и своевременно.

Список литературы

1. Азели Д. А., Петрова И. Э. Насилие в школе: взгляд современных российских исследователей // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2013. № 4. С. 7–13.
2. Калдина М. Медиация как альтернативный способ разрешения коммерческих споров // Коллегия. 2015. № 1. С. 52–53.
3. Медиация в практике нотариуса / отв. ред. С. К. Загайнова, Н. Н. Тарасов, В. В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2012. С. 336.
4. Медиация – путь от спора к примирению // Курская правда. 2013. №4. С. 4.
5. Никитина Е. А., Кузнецова А. А. Теория и практика медиаторской деятельности. Курск, 2017. 192 с.
6. Ооржак Э. Ю. Медиация как альтернативный способ урегулирования спора в гражданском процессе // Деятельность правоохранительных органов в современных условиях: материалы XIX Международной научно-практической конференции. Иркутск: Восточно-Сибирский институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2014. С. 312–315.
7. Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2016. 312 с.
8. Стрессер Ф., Рэндолф П. Медиация: психологический взгляд на разрешение конфликтов. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2015. 196 с.
9. Шамликашвили Ц. А. Основы медиации как процедуры урегулирования споров. М.: Межрегиональный центр управленческого и политического консультирования, 2013. 223 с.
10. Шамликашвили Ц. А. Медиация – междисциплинарная наука // Психология и педагогика: современные методики и инновации, опыт практического применения: сб. материалов III-й общероссийской научно-практической дистанционной конференции с международным участием. Липецк: Кватро, 2013. 209 с.

Поступила в редакцию 06.12.18

UDC 159.9

E. A. Nikitina, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: eanikitina72@mail.ru)

A. A. Kuznetsova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Kursk state medical University (Kursk, Russia) (e-mail: kuznetsova.a80@mail.ru)

E. Yu. Osadchaya, Undergraduate, Southwest State University (Kursk, Russia) (Kursk, Russia) (e-mail: lizetta_08@bk.ru)

PROBLEMS AND PROSPECTS OF MEDIATION DEVELOPMENT IN KURSK REGION

The article presents the results of a study to identify the level of awareness about the mediation procedure as a new social phenomenon of modern life in order to determine the main directions of work on the development of the mediation movement in the Kursk region.

In the modern world, the mechanisms of self-regulation are of particular importance, when the subjects of social relations have the opportunity to independently establish rules of conduct and monitor their compliance. That is why much attention has recently been paid to the problems of conciliation procedures.

Today in Russia judicial proceedings and other legal mechanisms of consideration and resolution of civil cases are the main ways of protection in case of violation of rights, freedoms and legitimate interests. However, it cannot be denied that, in the context of the formation and dynamic development of civil society, they are often not effective enough. The participants of the disputable relations become more and more interested in self-settlement of the arising contradictions by means of mediation with the purpose of development of mutually acceptable and viable solution

on settlement of the conflict on the terms of mutual respect and acceptance of the right of each of the parties to protect the interests. The mediator, as a third independent party, determines the mutually beneficial resolution of the conflict, as it helps the parties to establish a process of communication and analyze the conflict situation so that they can choose the solution that would satisfy the interests and needs of all parties to the conflict. In addition, mediation fully contains the moral imperatives of mandatory compliance with the requirements that ensure the possibility of effective procedure and mandatory voluntary implementation of the agreements reached.

The aim of the study was to determine the level of public awareness about the mediation procedure. The survey revealed the attitude of respondents to the mediation procedure as a new social phenomenon of modern life, the main reasons for the lack of demand for mediation services in society, the compliance of individual strategies of behavior in conflict with the basic principles of mediation.

Based on the interpretation of the results of the study, practical recommendations for the development of the mediation movement in the Kursk region were developed.

Key words: conflict; mediation; the mediation process; the mediation services; alternative ways of conflict resolution.

For citation: Nikitina E. A., Kuznetsova A. A., Osadchaya E. Yu. Problems and prospects of mediation development in Kursk region. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 143–151 (in Russ.).

References

1. Azeli D. A., Petrova I. Eh. Nasilie v shkole: vzglyad sovremennyh rossijskih issledovatelej. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya Social'nye nauki*, 2013, no. 4, pp. 7–13.

2. Kaldina M. Mediatsiya kak alternativnyj sposob razresheniya kommercheskih sporov. *Kollegiya*, 2015, no. 1, pp. 52–53.

3. Mediatsiya v praktike notariusa; ed. by Zagajnova S. K., Tarasov N. N., Yarkov V. V. Moscow, Infotropik Media Publ., 2012, pp. 336.

4. Mediatsiya – put' ot spora k primireniyu. *Kurskaya pravda*, 2013, no. 4, pp. 4.

5. Nikitina E. A., Kuznetsova A. A. Teoriya i praktika mediatorskoj deyatel'nosti. Kursk, 2017, 192 p.

6. Oorzhak Eh. Yu. Mediatsiya kak alternativnyj sposob uregulirovaniya spora v grazhdanskom processe. Deyatel'nost' pravoohranitel'nyh organov v sovremennyh

usloviyah. Materialy XIX Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii Irkutsk, 2014, pp. 312–315.

7. Rozhkova M. A. Sredstva i sposoby pravovoj zashchity storon kommercheskogo spora. Moscow, 2016. 312 p.

8. Strehsser F., Rehndolf P. Mediatsiya: psihologicheskij vzglyad na razreshenie konfliktov. Moscow, Mezhhregional'nyj centr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya Publ., 2015. 196 p.

9. Shamlikashvili C. A. Osnovy mediatsii kak procedury uregulirovaniya sporov. Moscow, Mezhhregional'nyj centr upravlencheskogo i politicheskogo konsul'tirovaniya Publ., 2013. 223 p.

10. Shamlikashvili C. A. Mediatsiya – mezhdisciplinarnaya nauka. Psihologiya i pedagogika: sovremennye metodiki i innovacii, opyt prakticheskogo primeneniya. Sb. materialov III-j obshcherossijskoj nauchno-prakticheskoy distancionnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Lipeck, Kvatro Publ., 2013, 209 p.

УДК 37. 015

О. Л. Ворошилова, канд. пед. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: o_voroshilova@mail.ru)

О. В. Чернышова, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: chernyshova_olga_70@mail.ru)

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ СТУДЕНТОВ С ОГРАНИЧЕННЫМИ ВОЗМОЖНОСТЯМИ ЗДОРОВЬЯ

В настоящее время увеличивается количество людей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе - детей и молодежи. В 2017 году количество инвалидов в России составило около 12 млн. человек. По данным Росстата детей - инвалидов в нашей стране приблизительно 600 тыс. человек. Поэтому в настоящий период актуальна проблема обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья.

Большой вклад в изучение проблемы обучения детей и подростков с ограниченными возможностями внесли следующие ученые: Л. С. Выготский, Л. П. Григорьева, В. В. Давыдов, А. И. Каплан, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, Д. Б. Эльконин и др.

В настоящее время в ЮЗГУ созданы специальные условия для получения образования студентов с инвалидностью и обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. В университете был создан Центр сопровождения инклюзивного образования. В 2015 г. разработана программа по созданию доступной среды для инвалидов и маломобильных групп населения по объектам университета. Планируются поэтапные изменения территории и всех корпусов ЮЗГУ с 2016 г. по 2030 г.

С 2017 по 2018 гг. было организовано и проведено изучение социально-психологических аспектов обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья в ЮЗГУ. Были использованы следующие методики: «Мотивация учебной деятельности», «Смысло-жизненные ориентации», методика «Ценностные ориентации», «Оценка психологического климата в учебном коллективе», анкета «Социальное самоопределение», анализ литературных источников, метод беседы, наблюдение. Эмпирические данные были подвергнуты обработке стандартными методами математической статистики.

Исследование жизненных ценностей студентов первого курса выявило, что самое значимое для большинства из них - это здоровье, второй ранг занимает любовь и счастливая семейная жизнь, третий ранг - наличие хороших и верных друзей, четвертый ранг - материально-обеспеченная жизнь. Менее значимые ценности: познание, творчество, красота природы и искусства, активная, деятельная жизнь.

Ключевые слова: социально-психологические аспекты; обучение студентов в вузе; инклюзивное образование; студенты с ограниченными возможностями здоровья.

Ссылка для цитирования: Ворошилова О. Л., Чернышова О. В. Социально-психологические аспекты обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 152–159.

В настоящее время увеличивается количество людей с ограниченными возможностями здоровья, в том числе – детей и молодежи. В 2017 году количество инвалидов в России составило около 12 млн. человек. По данным Росстата детей – инвалидов в нашей стране приблизительно 600 тыс. человек [1]. Поэтому в настоящий период актуальна проблема обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья.

В российском обществе развивается инклюзивное образование. Это процесс развития предельно доступного образования для каждого человека, формирование процесса обучения с постановкой адекватных целей всех учеников,

ликвидации различных барьеров для наибольшей поддержки каждого индивида, максимального раскрытия его потенциала [2].

Первое специализированное учебное заведение для инвалидов по слуху было создано в Нидерландах в 1790 г. Россия стала второй страной, открывшей специализированные школы для инвалидов по слуху (1806 г.) и инвалидов по зрению (1807 г.). В начале двадцатого века, особенно после Второй мировой войны, широкое развитие получили специализированные школы для лиц с ограниченными возможностями здоровья [3].

В Москве в 1991 году по инициативе московского Центра лечебной педагогики

и родительской общественной организации появилась школа инклюзивного образования «Ковчег». С 1992 года в России началась реализация проекта «Интеграция лиц с ограниченными возможностями здоровья». В результате в 11-ти регионах страны были созданы экспериментальные площадки по интегрированному обучению детей-инвалидов. 31 января 2001 года участники Международной научно-практической конференции по проблемам интегрированного обучения приняли Концепцию интегрированного образования лиц с ограниченными возможностями здоровья, которая была направлена в органы управления образования субъектов РФ Министерством образования РФ [3]. В настоящее время все цивилизованные страны приняли государственные законы о создании особых условий в образовательных учреждениях для обучения детей, молодежи с ограниченными возможностями здоровья.

Большой вклад в изучение проблемы обучения детей и подростков с ограниченными возможностями внесли следующие ученые: Л. С. Выготский, Л. П. Григорьева, В. В. Давыдов, А. И. Каплан, А. Н. Леонтьев, А. В. Петровский, Д. Б. Эльконин и др.

Изучая развитие высших психических функций, Л.С. Выготский сделал вывод о том, что структура сознания – это динамическая смысловая система находящихся в единстве аффективных волевых и интеллектуальных процессов. Исследуя проблему соотношения обучения и психического развития, Лев Семенович писал о том, что этот «процесс следует рассматривать не только как образование навыков, но и как интеллектуальную деятельность, направленную на выявление и перенос структурных принципов, найденных при решении одной задачи на ряд других» [4].

Ученые различают понятия: «человек с ограниченными возможностями здоровья» и «инвалид». В чем состоит различие? Человек с ограниченными возможностями здоровья имеет физиче-

ский и (или) психический недостатки, которые препятствуют освоению образовательных программ без создания специальных условий для получения образования. Инвалид – человек, который имеет нарушение здоровья со стойким расстройством функций организма, обусловленное заболеваниями, последствиями травм или дефектами, приводящее к ограничению жизнедеятельности и вызывающее необходимость его социальной защиты [5].

Исследования Н. А. Агаджаняна, О.Ф. Алексеевой, Р.Р. Блажиса, А.А. Гройсмана, В. И. Карандашева, В. И. Крутова, С. М. Мадорской, Ю. А. Самарина, Е. И. Третьяковой, М. С. Яницкого показали, что студенты с ограниченными возможностями испытывают потребность в психологической поддержке при решении проблем личностного и профессионального самоопределения, сохранения и развития психического здоровья.

В настоящее время в ЮЗГУ созданы специальные условия для получения образования студентов с инвалидностью и обучающихся с ограниченными возможностями здоровья. В университете был создан Центр сопровождения инклюзивного образования. В 2015 г. разработана программа по созданию доступной среды для инвалидов и маломобильных групп населения по объектам университета. Планируются поэтапные изменения территории и всех корпусов ЮЗГУ с 2016 г. по 2030 г. [6].

Главный учебный корпус, корпус № 2, физкультурно-оздоровительный комплекс оборудованы пандусами для инвалидов колясок. В главном учебном корпусе функционирует удобный лифт для людей с ограниченными возможностями здоровья.

Обеспечена физическая доступность зданий и помещений университета для студентов с нарушением опорно-двигательных функций, инвалидов по слуху, зрению:

– используются знаковые средства отображения информации (предупреждающие знаки, таблички и наклейки,

программы мероприятий), которые размещаются при входе в университет для демонстрации доступности объекта;

– тактильная плитка позволяет слабовидящим обучающимся получать информацию о направлении движения (на улице и в помещении главного корпуса), наличии препятствий (двери, дорога, ступени);

– контрастная маркировка позволяет слабовидящим студентам и посетителям получать информацию о наличии препятствий (контрастные круги на дверях, контрастные полосы на ступенях);

– информационные таблички, мнемосхемы, средства отображения информации, с помощью которых студенты и посетители с ограниченными возможностями здоровья получают информацию о доступности объектов, схемах перемещения, путях эвакуации;

– бегущая строка на первом этаже главного корпуса университета позволяет студентам и посетителям университета с нарушениями слуха оперативно получать информацию визуальным способом;

– информационный терминал на первом этаже главного корпуса позволяет получить общую информацию об учебном заведении, расписании занятий, преподавательском составе, событиях и мероприятиях, отображает интерактивный план здания и пути прохода по нему.

Профессиональное обучение и профессиональное образование обучающихся с ограниченными возможностями здоровья осуществляются на основе адаптированных образовательных программ. При получении образования в ЮЗГУ, обучающимся с ограниченными возможностями здоровья бесплатно предоставляются специальные учебники и учебные пособия, методические рекомендации для самостоятельной работы, а также услуги сурдопереводчиков и тифлосурдопереводчиков [6].

В процессе обучения студентов в ЮЗГУ осуществляется психолого-педаго-

гическое сопровождение образования студентов. Оказывается психологическая помощь в решении актуальных задач развития, социализации, психологическое обеспечение образовательных программ, коррекция личностного развития обучающихся.

Для осуществления психолого-педагогического сопровождения образовательного процесса был разработан комплекс мероприятий, который включает в себя:

1) диагностический блок: комплексное исследование познавательной, эмоционально-волевой сферы, наблюдение за динамикой психического развития студентов;

2) коррекционно-развивающий блок: развитие познавательной активности, обеспечение устойчивой положительной мотивации в различных видах деятельности;

3) образовательный блок: всестороннее развитие учебной, творческой деятельности (формирование учебной мотивации, умений программировать, контролировать, регулировать результаты своей работы);

4) воспитательный блок: духовно-нравственное развитие, устранение негативных качеств характера, предупреждение и устранение асоциальных проявлений [7].

Для эффективного осуществления образовательной деятельности в вузе создана развивающая социальная среда. Для ее создания были разработаны и внедрены следующие мероприятия:

1. Организация системы управления в вузе на демократических основах, активное развитие студенческого самоуправления.

2. Формирование духовно-нравственных ценностей в вузе посредством приобщения всех сотрудников, студентов к высоким жизненным целям и ценностям.

3. Психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в

вузе (психологическое просвещение, консультирование, диагностика и др.).

4. Включение учебных групп студентов в развивающие социальные среды типа социального оазиса.

5. Совместная творческая, научная, исследовательская деятельность преподавателей и студентов.

6. Формирование благоприятного психологического климата в учебных группах и в вузе в целом [8].

На первом курсе обучения студенты сталкиваются со следующими проблемами: учебная деятельность менее регламентирована, чем у учащихся школы, к учебным знаниям, умениям, навыкам предъявляются более высокие требования, ответственность за ход и результаты учебной деятельности возлагаются, прежде всего, на самого обучающегося. Поэтому в этот период им необходимо помочь адаптироваться в новой ситуации, создать конструктивные отношения с однокурсниками, друзьями, преподавателями, стимулировать познавательную активность и учебную мотивацию.

Психологи организуют и проводят тренинги, направленные на развитие общительности, коммуникабельности, формирование позитивной Я-концепции, толерантности студентов.

Социально-психологический тренинг предусматривает включение обучающихся в ситуации, моделирующие реальную профессиональную деятельность. Эти ситуации характеризуются наличием новизны, неожиданности для участников, содержат в себе момент конфликтности, противостояния различных интересов и моральных позиций. Проблемные ситуации требуют нестандартного подхода к их решению, переосмысления имеющихся в арсенале обучающихся профессиональных знаний. Во время тренинга происходит развитие эмпатии, проективное выражение своего внутреннего мира, формирование и развитие наблюдательной сенситивности, тренировка уверен-

ного поведения, в том числе в проблемной ситуации, повышение эффективности делового сотрудничества, осознание своей роли в группе и формирование желаемой модели поведения, усиление групповой сплоченности, развитие воображения, творческой активности, гибкости и оригинальности мышления [9].

На 3-4 курсах обучения осуществляется подготовка студентов к профессиональной деятельности, деловому общению с коллегами и партнерами. Обучающиеся изучают методы развития профессиональной карьеры, психологию делового общения. Преподаватели на занятиях используют деловые игры профессиональной направленности. Изучаются типичные проблемы в специально разработанных деловых ситуациях, формируются навыки преодоления трудностей адаптации в трудовом коллективе и конфликтных ситуаций профессиональной деятельности.

В процессе моделирования реальной ситуации с помощью деловых игр, тренингов реализуются принципы активного обучения, стимулирующего самоорганизацию личности обучающегося благодаря эмоциональной вовлеченности в происходящее, обратной связи, импровизации, высокой значимости происходящего для успеха в будущей профессиональной деятельности [10].

Обучение студентов с ограниченными возможностями здоровья удобно осуществлять с помощью дистанционного метода. Эта форма обучения повышает роль самостоятельности обучающихся в освоении учебного материала. Преподаватели формулируют проблемные вопросы, сгруппированные в соответствии с логикой изучаемого предмета. Анализируя проблему, студент самостоятельно отбирает и оценивает информационный материал, формулирует собственные суждения и выводы [11].

С 2017 по 2018 гг. было организовано и проведено изучение социально-

психологических аспектов обучения студентов с ограниченными возможностями здоровья в ЮЗГУ. Были использованы следующие методики: «Мотивация учебной деятельности», «Смысло-жизненные ориентации», методика «Ценностные ориентации», «Оценка психологического климата в учебном коллективе», анкета «Социальное самоопределение», анализ литературных источников, метод беседы, наблюдение. Эмпирические данные были подвергнуты обработке стандартными методами математической статистики.

Результаты исследования показали, что на первом курсе студенты сталкиваются с проблемами в учебной деятельности, новой балльно-рейтинговой системой обучения. Также, они должны адаптироваться к новому учебному коллективу, новым преподавателям.

В конце второго курса и в начале третьего курса обнаруживается рост учебной успеваемости, учебно-профессиональных самооценок студентов. Возрастающие учебно-академические требования заставляют их заниматься своим профессиональным развитием. Начинает доминировать учебно-познавательная мотивация, происходит освоение новых форм учебной деятельности.

Вследствие доминирования уровня эмоциональной оценки переживания заболевания студентами с ограниченными возможностями здоровья, наблюдается преобладание интрапсихических конфликтов, низкий уровень интеграции образа «Я». Эмоциональная реакция на свою болезнь у этой группы студентов зачастую коррелирует с высокими показателями уровня личностной тревожности. Происходит развитие деструктивных защитных форм поведения (отрицание реальности, рационализация, регрессия, реактивные образования).

Для студентов с ограниченными возможностями здоровья характерны существенные проблемы в построении межличностных отношений. Неадекватность

самооценки, восприятия окружающих формирует у обучающихся неудовлетворенность отношениями с миром, другими людьми. Поэтому студенты с ограниченными возможностями здоровья испытывают потребность в психологической поддержке при решении проблем личностного и профессионального самоопределения, сохранения и развития психического здоровья, развития социальной активности.

Высокая личностная тревожность препятствует реализации продуктивной активности студентов, способствует развитию защитных форм поведения, таких как отрицание реальности. Данные исследования характеризуют замкнутость обучающихся с ограниченными возможностями здоровья и необходимость психологической поддержки.

Студент с ограниченными возможностями здоровья, как правило, не успевает за темпом обучения всей группы. Широкие возможности для индивидуализации обучения представляет самостоятельная работа, которая проходит в индивидуальном темпе. Обучающиеся получают задания, которые варьируются в зависимости от индивидуальных особенностей.

Была изучена самооценка студентов 1, 2 и 3 курсов и в результате выявлены существенные различия. Большинство студентов «третьего курса имеют адекватную самооценку (50% – среднее значение и 32 % – выше среднего). Высокая самооценка связана с возрастными особенностями, как правило, юноши и девушки несколько переоценивают свои возможности и способности, проявляется юношеский максимализм.

Старшекурсники обращаются к психологам за помощью в решении межличностных, семейных, личностных проблем. Преподаватели кафедры коммунологии и психологии проводят групповые и индивидуальные консультации обучающихся, кураторов, родителей по

вопросам: успешного обучения в вузе, развития профессионально важных качеств, общения с товарищами, родителями, преподавателями, по профилактике асоциальных явлений в молодежной среде.

Доминирующими познавательными мотивами студентов 3 курса являются: «учусь потому, что хочу больше знать» (63%) и «учусь потому, что интересно» (64%). Среди социальных мотивов учения первый ранг заняло высказывание «учусь, потому что легче будет устроиться на работу» (74%), 20% респондентов указали мотив - «учусь потому, что сейчас все учатся» (социальный мотив, стремление к подражанию другим). Исследование учебной мотивации первокурсников показало, что лишь 23% студентов стремятся к самообразованию.

Исследование жизненных ценностей студентов первого курса выявило, что самое значимое для большинства из них – это здоровье, второй ранг занимает любовь и счастливая семейная жизнь, третий ранг – наличие хороших и верных друзей, четвертый ранг – материально-обеспеченная жизнь. Менее значимые ценности: познание, творчество, красота природы и искусства, активная, деятельная жизнь.

В ходе исследования были выявлены факторы, оказывающие позитивное влияние на обучение и развитие студентов: социально-развивающая среда в вузе, высокая учебная мотивация, адекватная самооценка, профессиональные склонности и интеллектуальные способности.

Негативными факторами процесса обучения студентов являются: дезадаптация в группе, социуме, зависимость от алкоголя, табакокурения, токсических и наркотических веществ, низкая учебная мотивация, неадекватная самооценка, не правильный выбор будущей профессии и др.

Важным условием подготовки студентов к будущей профессиональной де-

ятельности выступает реализация системно-деятельностного подхода к организации учебных занятий, что предполагает необходимость их обучения умению планировать, организовывать, контролировать свою деятельность, полноценно учиться, общаться. Успешность такой работы во многом зависит от учета в образовательном процессе компонентного состава структурной организации учебной деятельности: мотивации, учебной задачи, учебных действий, контроля и оценки.

Целью системы социально-психологического сопровождения в вузе является обеспечение оптимального профессионального и личностного развития студента, успешная интеграция в социум, выработка эффективных жизненных стратегий. Важнейшим условием эффективности инклюзивного образования является не только разработка методологии развития и содержания образовательно-воспитательной среды, но и наличие грамотной системы психологического сопровождения, обеспечивающая такую важную составляющую, как работа с социальным окружением, средой, в которую включается студент с особыми адаптивными возможностями [9].

Для повышения эффективности обучения студентов, в том числе с ограниченными возможностями, необходимо в дальнейшем осуществлять психолого-педагогическое сопровождение их профессионального развития, формировать профессиональную мотивацию и творческие способности. Комплексная, системная работа всех подструктур университета позволит повысить качество обучения в вузе.

Список литературы

1. Положение инвалидов. Официальная статистика. URL: <http://www.qks.ru/wps/wcm/connect/rosstat.htm> (дата обращения: 2.11.18 г.).

2. Инклюзивное образование. URL: <http://www.Wikipedia.org/wiki/.htm> (дата обращения: 2.01.16).
3. Обеспечение обучения инвалидов в вузе. URL: <http://www.texts.news/spetsialnaya-psihologiya-knigi/34029.htm> (дата обращения: 3.11.18).
4. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. С. 25.
5. Об образовании лиц с ограниченными возможностями здоровья: федер. закон. URL: <https://doorinworld.ru/zakonodatel-stvo/80-federalnyj.htm> (дата обращения: 4.11.18).
6. Условия получения образования инвалидами и лицами с ограниченными возможностями здоровья. ЮЗГУ. URL: <https://swsu.htm> (дата обращения: 5.11.18).
7. Чернышова О.В. Проблемы социально-психологической адаптации студентов к обучению в вузе // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2013. № 1. С. 103.
8. Чернышев А. С., Лунев Ю. А. Оптимизация жизнедеятельности как основа социально-психологической помощи молодежи. Курск, 1998. С. 21.
9. Белоусова А. А. Психологическое сопровождение студентов с ограниченными возможностями здоровья на этапе адаптации к обучению. URL: http://www.Elibrary.squ.ru/VKR/2017/44-03-03_006.pdf (дата обращения: 26.11.18).
10. Ворошилова О. Л., Грачёв Ю. Г. Инновационные подходы к подготовке специалистов в XXI веке // Ресурсы развития социально-профессиональной траектории учащейся молодежи: вызовы XXI века: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Курск, 2015. С. 150.
11. Ворошилова О. Л. Формирование школьного коллектива в ходе реализации возрастного подхода // Педагогические аспекты профессиональной подготовки кадров в новых социально-экономических условиях: материалы Межвузовской научно-практической конференции. Курск, 2004. С. 81.

Поступила в редакцию 20.12.18

UDC 37. 015

O. L. Voroshilova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: o_voroshilova@mail.ru)

O. V. Chernyshova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State University (Kursk, Russia) (e-mail: chernyshova_olga_70@mail.ru)

SOCIO-PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF TEACHING STUDENTS WITH RESTRICTED HEALTH OPPORTUNITIES

Currently, the number of people with disabilities, including children and youth, is increasing. In 2017, the number of disabled in Russia was about 12 million people. According to Rosstat, there are about 600 thousand people with disabilities in our country. Therefore, in the present period the problem of teaching students with disabilities is relevant.

The following scientists made a great contribution to the study of the problem of teaching children and adolescents with disabilities: L. S. Vygotsky, L. P. Grigorieva, V. V. Davydov, A. I. Kaplan, A. N. Leontyev, A. V. Petrovsky, D. B. Elkonin and others.

Currently, special conditions have been created at the SWSU for the education of students with disabilities and students with disabilities. The university has created a center for support of inclusive education. In 2015, a program was developed to create an accessible environment for people with disabilities and people with limited mobility at university sites. Phased changes are planned for the territory and all buildings of the South-Ural State University from 2016 to 2030.

From 2017 to 2018 It was organized and conducted a study of the socio-psychological aspects of teaching students with disabilities in SWSU. The following methods were used: "Motivation of educational activities", "Meaning-life

orientations”, methods “Value orientations”, “Assessment of psychological climate in the educational team”, questionnaire “Social self-determination”, literary sources analysis, method of conversation, observation. Empirical data were processed by standard methods of mathematical statistics.

The study of the life values of first-year students revealed that the most significant for most of them is health, the second rank is occupied by love and a happy family life, the third rank is the presence of good and faithful friends, the fourth rank is a materially secure life. Less significant values: knowledge, creativity, beauty of nature and art, active, active life.

Key words: socio-psychological aspects; teaching students in high school; inclusive education; students with disabilities.

For citation: Voroshilova O. L., Chernyshova O. V. Socio-psychological aspects of teaching students with restricted health opportunities. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 152–159 (in Russ.).

References

1. Polozhenie invalidov. Oficial'naya statistika. URL: <http://www.qks.ru/wps/wcm/connect/rosstat.htm> (accessed 2.11.18).

2. Inklyuzivnoe obrazovanie. URL: <http://www.Wik-ikipedia.org/wiki/.htm> (accessed 2.01.16).

3. Obespechenie obucheniya invalidov v vuze. URL: <http://www.texts.news/spetsialnaya-psihologiya-knigi/34029.htm> (accessed 3.11.18).

4. Vygot'skij L. S. Osnovy defektologii. St. Petersburg, Lan' Publ., 2003. P. 25.

5. Ob obrazovanii lic s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. Feder. zakon URL: <https://doorinworld.ru/zako-nodatelstvo/80-federalnyj.htm> (accessed 4.11.18).

6. Usloviya polucheniya obrazovaniya invalidam i licam s ogranichennymi vozmozhnostyami zdorov'ya. URL: <https://swsu.htm> (accessed 5.11.18).

7. Chernyshova O. V. Problemy social'no-psihologicheskoy adaptacii studentov k obucheniyu v vuze. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2013, no. 1, pp. 103.

8. Chernyshev A. S., Lunev Yu. A. Optimizaciya zhiznedeyatel'nosti kak osnova social'no-psihologicheskoy pomoshchi molodezhi. Kursk, 1998. P. 21.

9. Belousova A. A. Psihologicheskoe soprovozhdenie studentov s ogranichenymi vozmozhnostyami zdorov'ya na ehstape adaptacii k obucheniyu. URL: http://www.Elibrary.squ.ru/VKR/2017/44-03-03_006.pdf (accessed 26.11.18).

10. Voroshilova O. L., Grachyov Yu. G. Innovacionnye podhody k podgotovke specialistov v XXI veke. Resursy razvitiya social'no-professional'noj traektorii uchashchejsya molodezhi: vyzovy XXI veka. Materialy vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Kursk, 2015, pp. 150.

11. Voroshilova O. L. Formirovanie shkol'nogo kollektiva v hode realizacii vozrastnogo podhoda. Pedagogicheskie aspekty professional'noj podgotovki kadrov v novyh social'no-ehkonomicheskikh usloviyah. Materialy Mezhvuzovskoj nauchno-prakticheskoy konferencii. Kursk, 2004. P. 81.

УДК 159.97

Г. С. Воробьева, магистрант, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: galinashilling@gmail.com)

Т. Ю. Копылова, канд. психол. наук, доцент, ФГБОУ ВО «Юго-Западный государственный университет» (Курск, Россия) (e-mail: asd-swsu@mail.ru)

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ АДДИКТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ

В статье представлены различные подходы к пониманию психологических особенностей личности, способствующих возникновению аддиктивного поведения. Тревожность и аффективность поведения, являющиеся показателями социально-психологической дезадаптации личности и показателями переживания человеком своей жизненной ситуации как трудной, рассматриваются авторами как психологические предпосылки, которые могут приводить к формированию аддикций.

Представлены результаты исследования тревожности и аффективности поведения подростков, употребляющих и не употребляющих психоактивные вещества, а также результаты изучения ряда социально-психологических факторов, способствующих возникновению аддиктивного поведения. Проведено изучение проявления у подростков, не принимающих психоактивные вещества, таких факторов, как полнота и социальное благополучие семьи, успеваемость, девиантность поведения, отношения с родителями, проведение свободного времени, образцы для подражания, отношение к употреблению ПАВ (курению, применению алкоголя и наркотиков).

Анализ результатов проведенного исследования свидетельствует о переживании большинством подростков своей жизненной ситуации как трудной, что подтверждается достаточно высоким уровнем тревожности и аффективности реакций, проблемами с успеваемостью и поведением. В то же время, полученные данные позволяют предположить, что подростки с повышенным уровнем тревожности и аффективности поведения в большей степени склонны к аддиктивному поведению, чем подростки, проявляющие незначительный уровень тревожности и аффективности.

Проблемы в отношениях с родителями, неумение продуктивно и интересно использовать свободное время, недостаточно эффективный выбор моделей для подражания, отсутствие негативного отношения к употреблению психоактивных веществ, становятся в подростковом возрасте факторами риска, которые могут способствовать возникновению разнообразных аддикций. Полученные результаты указывают на необходимость разработки и реализации программы психологического сопровождения подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, направленной на профилактику аддиктивного поведения.

Ключевые слова: аддиктивное поведение; подростковый возраст; аффективность; тревожность; трудная жизненная ситуация.

Ссылка для цитирования: Воробьева Г. С., Копылова Т. Ю. Психологические предпосылки возникновения аддиктивного поведения в подростковом возрасте // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2019. Т. 9, № 1(30). С. 160–167.

Изменения, происходящие в российском обществе, затрагивают практически все сферы его жизнедеятельности. Преобразования экономических условий, образовательной и социальной среды сопровождаются ростом потока разнообразной информации и сопряженными с этими явлениями психологическими нагрузками, которые вынуждают подрастающие поколения россиян к поиску новых, альтернативных способов социального поведения. В контексте решения данной проблемы наиболее уязвимым, с точки зрения возрастной и педагогической психологии, подверженным негативным влияниям социального и психо-

логического характера, является подростковый возраст.

Подросток оказывается на перепутье, где ему ничего не гарантировано в неизменном виде, более того он вынужден ежедневно и ежечасно решать трудные повседневные проблемы, учитывать множество факторов и условий, способствующих плодотворной деятельности, личностному росту и развитию. Все это, несомненно, оставляет определенные отпечатки на его психологическом здоровье и обосновывает необходимость изучения механизма адаптации подростков в трудной жизненной ситуации в изменяющихся социальных условиях.

Подростковый возраст является критическим периодом развития и становления индивида. Значительные изменения в организме и психике человека сопровождаются ростом его стремления к свободе и самостоятельности, выбором жизненных целей и перспектив. Это очень сложный жизненный этап, поскольку сила переживаний и реакций на кризисные ситуации в этот период значительно возрастает (Л. И. Божович [1], Т. В. Драгунова [2] и др.).

Для адаптивной личности, попадающей в трудную жизненную ситуацию, характерна защитная перестройка собственных установок, когда субъективная система ее ценностей направляется на нейтрализацию травмирующего психику воздействия. Для менее устойчивой, формирующейся личности подростка часто свойственно деструктивное поведение или саморазрушительные действия, например, употребление психоактивных веществ или суицид [3].

Сложные жизненные ситуации являются неотъемлемой частью процессов социализации, во-первых, поскольку они обычно рутинны, а во-вторых, они не всегда причиняют вред человеку; в-третьих, они стимулируют развитие, когда происходят конструктивные изменения, которые позволяют достичь новых форм сбалансированной взаимосвязи с внешней средой [4]. Возникая из-за дисбаланса в системе отношений между индивидуумом и его окружением или из-за расхождения между целями, устремлениями и возможностями для их реализации и качествами личности, сложные жизненные ситуации предъявляют более высокие требования к способностям человека, к его личному потенциалу и стимулируют его деятельность [5].

В соответствии с Федеральным законом N 124-ФЗ от 24.07.1998 «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» к категории детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, могут быть отнесены дети с отклоняющимся поведением [6]. По мнению

В. Д. Менделевича [7], девиантное поведение оставляет систему поступков, противоречащих принятым в обществе нормам и проявляющееся в виде несбалансированных психических процессов, неадаптивности, нарушении процесса самоактуализации или в виде отклонения от нравственного или этического контроля за своим поведением. Наряду с другими видами отклоняющегося поведения (деликвентным, психопатологическим и др.), оно включает в себя и аддиктивное, которое проявляется в стремлении к уходу от реальности путем искусственного изменения своего психического состояния посредством приема психоактивных веществ (ПАВ). Подростки с аддиктивным поведением составляют одну из самых распространенных категорий подростков, находящихся в трудных жизненных ситуациях.

Подростковая аддикция в современных условиях и существующих реалиях выступает одной из наиболее серьезных медико-психологических, а также социальных проблем во многих государствах мира. Употребление наркотических средств, которое широко распространено в молодежной среде, оказывает огромное отрицательное воздействие на жизнедеятельность представителей молодого поколения. Подобное негативное воздействие связано со значительным снижением познавательных процессов, развитием особых асоциальных личностных черт, и, как следствие, разрушением здоровья как в физическом, так и психологическом плане [8].

В отечественной науке исследования, которые были посвящены рассмотрению проблематики подростковой химической аддикции, до последних лет были достаточно немногочисленны (В. С. Битенский [9], Д. Д. Еникеева [10], Н. Я. Копыт [11], А. Е. Личко [9] и др.). В большинстве своем они были направлены на изучение особенностей личности наркомана, факторов риска, ведущей мотивации употребления психоактивных веществ. Несмотря на расширение диапазона работ

на указанную тематику в последние годы, вопрос о психологических предпосылках возникновения аддиктивного поведения, на наш взгляд, недостаточно изучен и представлен в научной литературе. В то же время, понимание психологических факторов, лежащих в основе формирования аддикций, создает возможности для разработки более эффективной системы психологической коррекции и психологической профилактики аддиктивного поведения у подростков, тогда как используемые в настоящее время современные методики коррекции и профилактики не позволяют достигнуть стабильного успеха в борьбе с данным типом зависимости молодого поколения.

Результаты ряда исследований свидетельствуют, что существуют некоторые общие черты, свойственные людям, которые злоупотребляют наркотиками или алкоголем. Данными чертами, по мнению большинства исследователей, являются: слабое развитие самоконтроля и самодисциплины, низкая устойчивость к всевозможным неблагоприятным воздействиям и неумение преодолевать трудности, эмоциональная неустойчивость и низкая устойчивость к фрустрации [7; 12 и др.]. Нетрудно заметить, что эти черты свойственны не только алкоголикам и наркоманам, но и просто плохо социально адаптированным людям. А в подростковом возрасте такие личностные характеристики особенно часто отмечаются, если этот период протекает с осложнениями в результате предшествующего развития. Поэтому влечение подростка к употреблению психоактивных веществ является признаком личностного неблагополучия. Здесь имеет место психологическая готовность подростка к употреблению психотропных веществ [13], которая формируется постепенно и реализуется при первой же возможности. В данном случае аддиктивное поведение подростка, его алкоголизация или наркотизация являются логическим завершением предшествующего развития. Отсутствие же психологической готовности к упо-

треблению психоактивных веществ, напротив, дает подростку возможность противостоять неблагоприятному влиянию среды.

По мнению И.П. Анохиной, психологическими маркерами для диагностики индивидуальной предрасположенности к злоупотреблению ПАВ являются эмоциональная нестабильность (включая повышенную возбудимость или склонность к депрессиям), психический инфантилизм, дефицит внимания, чувство неудовлетворенности, постоянный поиск новизны [14].

Б. М. Сегал [15] выделяет следующие психологические особенности лиц с аддиктивными формами поведения: сниженная переносимость трудностей повседневной жизни наряду с хорошей переносимостью кризисных ситуаций; скрытый комплекс неполноценности, сочетающийся с внешне проявляемым превосходством; внешняя социабельность, сочетающаяся со страхом перед стойкими эмоциональными контактами; стремление говорить неправду; стремление обвинять других, зная, что они невиновны; стремление уходить от ответственности в принятии решений; стереотипность, повторяемость поведения; зависимость; тревожность.

Базисная характеристика аддиктивной личности – зависимость. Для оценки и отнесения человека к зависимому типу выделяют перечисленные ниже признаки, пяти из которых достаточно для диагностики клинической зависимости: 1) неспособность принимать решения без советов других людей; 2) готовность позволять другим принимать важные для него решения; 3) готовность соглашаться с другими из страха быть отвергнутым, даже при осознании, что они не правы; 4) затруднения начать какое-то дело самостоятельно; 5) готовность добровольно идти на выполнение унижительных или неприятных работ с целью приобрести поддержку и любовь окружающих; 6) плохая переносимость одиночества – готовность предпринимать значительные

усилия, чтобы его избежать; 7) ощущение опустошенности или беспомощности, когда обрывается близкая связь; 8) охваченность страхом быть отвергнутым; 9) легкая ранимость, податливость малейшей критике или неодобрению со стороны [13].

По мнению А. Е. Личко, важную роль в развитии химической зависимости в подростковом возрасте играют некоторые акцентуации характера – акцентуации неустойчивого, эпилептоидного, гипертимного, конформного, лабильного и истероидного типов [16].

К психологическим факторам риска возникновения зависимости относятся также мотивы, которые побуждают к употреблению алкоголя и наркотиков. В качестве наиболее распространенных мотивов приема ПАВ у подростков выступают: стремление быть принятым в группу (конформизм, реакция группирования); стремление получить удовольствие, снять эмоциональное напряжение; любопытство; стремление вести себя как взрослые и другие [10].

Анализ научной литературы показывает, что психический статус подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, характеризуется, прежде всего, такими психологическими особенностями, как повышенная тревожность [17] и склонность к аффективному поведению [18]. Указанные состояния возникают как реакции личности на различные, чаще всего социально-психологические стрессоры, но могут перерасти в достаточно устойчивые личностные особенности, становясь показателями социально-психологической дезадаптации. Тревожность отражает переживание эмоционального дискомфорта и предчувствие грозящей опасности. Аффективность поведения свидетельствует о выраженном влиянии на поведение подростка эмоциональных состояний, которые проявляются бурно и сопровождаются сужением сознания и снижением самоконтроля. Следует отметить, что исследования различий в проявлении указанных психологических особенностей

личности у подростков, употребляющих и не употребляющих ПАВ, практически отсутствуют.

Целью нашего исследования стало изучение тревожности и аффективности поведения подростков, употребляющих и не употребляющих психоактивные вещества, а также изучение факторов, способствующих возникновению аддиктивного поведения. Исследование проводилось на базе детского оздоровительного лагеря «Соловушка» (на базе санатория «Соловушка») в июле 2018 г. В исследовании приняли участие дети подросткового возраста, находящиеся в трудной жизненной ситуации, в количестве 51 человек (из которых 10 чел. употребляют ПАВ и 41 чел. не употребляют ПАВ). Средний возраст испытуемых на момент обследования составлял 14,5 лет.

В ходе проведения исследования применялись такие методы, как: изучение характеристик из образовательной организации, методика по определению аффективного поведения (В.В. Бойко), методика по определению степени тревожности (В.В. Бойко); анкета, направленная на изучение факторов, способствующих возникновению аддиктивного поведения (разработана автором); методы качественного и количественного анализа эмпирических данных.

Сравнительный анализ результатов исследования тревожности подростков, употребляющих и не употребляющих ПАВ, показывает, что значительное количество опрошенных в обеих группах (половина и более) демонстрируют тревожность как неотъемлемую черту поведения, что фактически указывает на переживание подростками своей жизненной ситуации как трудной. В то же время, полученные результаты свидетельствуют о том, что количество таких подростков несколько выше среди не употребляющих ПАВ (56%) по сравнению с употребляющими ПАВ (50%). Возможно, это объясняется тем, что аддикции, негативно влияя на личность, все же помогают несколько снизить высокий уровень тре-

возности подростков. Однако следует отметить, что среди респондентов, употребляющих ПАВ, отсутствуют подростки с незначительной тревожностью, тогда как среди респондентов, не употребляющих ПАВ, таких подростков 20%. Полученные данные позволяют предположить, что подростки с повышенным уровнем тревожности в большей степени склонны к аддиктивному поведению, чем подростки, проявляющие незначительный уровень тревожности.

Сравним результаты исследования аффективности поведения подростков, употребляющих и не употребляющих ПАВ. Полученные данные показывают, что примерно две трети опрошенных в обеих группах демонстрируют аффективность как неотъемлемую характеристику поведения, что указывает на наличие значительных трудностей эмоционально-волевой регуляции у большинства подростков, как употребляющих, так и не употребляющих ПАВ. В то же время, среди испытуемых, употребляющих ПАВ, отсутствуют подростки с незначительным проявлением аффективности, тогда как среди испытуемых, не употребляющих ПАВ, таких подростков 16%. Полученные результаты могут свидетельствовать о том, что подростки с повышенным уровнем аффективности в большей степени склонны к аддиктивному поведению, чем подростки, проявляющие незначительный уровень аффективности.

Результаты проведенного исследования показывают, что существенное количество подростков, не употребляющих ПАВ, проявляют высокие уровни тревожности (56%) и аффективности поведения (68%). Можно считать, что данные испытуемые демонстрируют психологические предпосылки для возникновения склонности к аддиктивному поведению и относятся к группе риска.

В профилактике аддиктивного поведения большую роль играет раннее выявление факторов, способствующих его возникновению. Нами было проведено исследование проявления у подростков,

не принимающих ПАВ, таких факторов, как полнота и социальное благополучие семьи, успеваемость, девиантность поведения, отношения с родителями, проведение свободного времени, образцы для подражания, отношение к употреблению ПАВ (курению, применению алкоголя или наркотиков). Влияние данных факторов на возникновение аддикций установлено в исследованиях Ж. С. Валеевой [19], А. А. Реана [20], Н. Н. Курек [8], Е. В. Медведевой [21] и др.

Проявление таких факторов, как полнота и социальное благополучие семьи, успеваемость и девиантность поведения выявлялось при изучении характеристик подростков из образовательных организаций и результатов анкетного опроса. Для исследования особенностей проявления у подростков таких факторов, как отношения с родителями, проведение свободного времени, образцы для подражания, отношение к употреблению ПАВ (курению, применению алкоголя или наркотиков), им была предложена разработанная автором анкета. Рассмотрим полученные результаты.

Согласно полученным данным, 20% опрошенных подростков проживают в неполных семьях и 40% – в социально-неблагополучных. У большинства респондентов (60%) имеется неуспеваемость по учебным предметам. У 56% подростков наблюдались проявления девиантного поведения.

Оценки подростками своих отношений с родителями свидетельствуют о том, что наличие близости в отношениях отмечают только 10 % опрошенных. Оставшиеся 90% респондентов концентрируют внимание на тех или иных проблемных зонах, связанных с недостатком внимания и взаимопонимания, желанием получить большую свободу и т. д.

Результаты изучения способов проведения свободного времени респондентами показывают, что досуговая деятельность подростков не отличается необходимым разнообразием, они не занимаются спортом, творчеством. Две самые бо-

льшие группы опрошенных (30%) отмечают, что они ничем не занимаются или проводят время в социальных сетях. Подростки предоставлены сами себе и родители не занимаются ими в должной степени.

В качестве примера для подражания большинство респондентов указывают на представителей шоу-бизнеса или своих собственных сверстников. Более половины опрошенных либо отмечают отсутствие авторитета, либо затрудняются с выбором авторитетного лица.

Анализ отношения подростков к курению и употреблению алкоголя показывает, что так или иначе, все респонденты положительно относятся к употреблению алкоголя и табака. Вариант ответа об отрицательном отношении к употреблению алкоголя и табака испытуемыми выбран не был. Курение и выпивка ассоциируются у подростков со взрослым поведением, оцениваются как новый интересный жизненный опыт и способ развлечения, как способ влиться в компанию сверстников, как знакомое обыденное поведение в случае, если курят и выпивают родители.

Результаты исследования отношения подростков к наркотикам показывают, что только 17% опрошенных согласились с тем, что употребление наркотиков – это «наверное, плохо». Отсутствуют ответы, однозначно выражающие негативное отношение к употреблению наркотиков.

Анализ результатов проведенного исследования свидетельствует о переживании большинством подростков своей жизненной ситуации как трудной, что подтверждается достаточно высоким уровнем тревожности, аффективности реакций, проблемами с успеваемостью и поведением. Проблемы в отношениях с родителями, неумение продуктивно и интересно использовать свободное время, недостаточно эффективный выбор моделей для подражания, отсутствие негативного отношения к употреблению психоактивных веществ, становятся в подростковом возрасте факторами риска, которые могут способствовать возникнове-

нию разнообразных аддикций. Полученные нами результаты указывают на необходимость разработки и реализации программы психологического сопровождения подростков, находящихся в трудной жизненной ситуации, направленной на профилактику аддиктивного поведения.

Список литературы

1. Божович Л. И. Психологические особенности развития личности подростка. М.: Знание, 1979. 39 с.
2. Драгунова Т. В. Подросток. М.: Знание, 1976. 96 с.
3. Игумнов С. А. Психотерапия и психокоррекция детей и подростков. М.: Изд-во Института психотерапии, 2000. 112 с.
4. Копылова Т.Ю. Понятие об управлении и самоуправлении в психологической науке // Известия Юго-Западного государственного университета. 2012. № 4-3 (43). С. 223-226.
5. Экспериментальное исследование социально-психологических условий становления успешных лидеров / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев, С. Г. Елизаров, О. В. Чернышова // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2014. № 4. С. 121–129.
6. Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации [Электронный ресурс]: Федер. закон № 124-ФЗ от 24.07.1998 / минобрнауки.рф. URL: <http://Минобрнауки.рф/документы/1705/файл/2368/98.07.24-124.pdf> (дата обращения: 15.12.2018).
7. Менделевич В. Д. Психология девиантного поведения: учеб. пособ. М.: МЕДпресс, 2001. 432 с.
8. Курек Н. С. Нарушение психической активности и злоупотребление психоактивными веществами в подростковом возрасте: науч. издание / Научно-исследовательский институт наркологии Министерства здравоохранения РФ. СПб.: Алетейя, 2011. 220 с.

9. Личко А. Е., Битенский В. С. Под-
ростковая наркология. Л.: Медицина,
1991. 304 с.
10. Еникеева Е. Е. Как предупредить
алкоголизм и наркоманию у подростков.
М.: Издательский центр «Академия»,
1999. 144 с.
11. Копыт Н. Я., Сидоров П. И. Про-
филактика алкоголизма. М.: Медицина,
1986. 235 с.
12. Леонгард К. Акцентуированные
личности. Киев: Вища школа, 1989. 374 с.
13. Руководство по аддиктологии /
под ред. проф. В. Д. Менделевича. СПб.:
Речь, 2007. 768 с.
14. Анохина И. П. Наследственная
предрасположенность к злоупотребле-
нию психоактивными веществами //
Consilium Medicum. 2001. Vol. 3. № 3.
15. Сегал Б. М. Алкоголизм: клини-
ческие, социально-психологические и
биологические проблемы. М.: Медицина,
1967. 583 с.
16. Личко А. Е. Психопатии и акцен-
туации характера у подростков. Л.: Ме-
дицина. Ленинградское отделение, 1983.
255 с.
17. Малкова Е. Е. Тревожность и раз-
витие личности. СПб.: Изд-во РГПУ им.
А. И. Герцена, 2013. 268 с.
18. Лебединская К. С., Райская М. М.,
Грибанова Г. В. Подростки с нарушения-
ми в аффективной сфере; клинико-
психологическая характеристика «труд-
ных» подростков. Л.: Педагогика, 1988.
168 с.
19. Валеева Ж. С. Психолого-педаго-
гические особенности развития социаль-
но-неадаптированной личности подрост-
ка в условиях досуга // Вестник Томского
государственного университета. 2007.
№ 303. С. 186-190.
20. Реан А.А . Факторы риска де-
виантного поведения в семейном контек-
сте // Национальный психологический
журнал. 2015. №4. С.105-110.
21. Медведева Е. В. Факторы риска,
влияющие на формирование аддиктивно-
го поведения // Наука-вуз-школа: сб.
науч. трудов молодых исследователей.
Магнитогорск, 2004. Вып. 9. С. 134–136.

Поступила в редакцию 23.12.18

UDK 159.97

G. S. Vorobieva, Undergraduate, Southwest State University (Kursk, Russia)
(e-mail: galinashilling@gmail.com)

T. Y. Kopylova, Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor, Southwest State
University (Kursk, Russia) (e-mail: asd-swsu@mail.ru)

PSYCHOLOGICAL PREDICTORS OF ADDICTIVE BEHAVIOR IN TEENAGE AGE

The article presents various approaches to understanding the psychological characteristics of the individual, which contribute to the emergence of addictive behavior. Anxiety and affectivity of behavior, which are indicators of social and psychological maladaptation of the person and indicators of human experience of his life situation as difficult, are considered by the authors as psychological prerequisites that can lead to the formation of addictions.

The article presents the results of the study of anxiety and affectivity of behavior of adolescents who use and do not use psychoactive substances, as well as the results of the study of a number of socio-psychological factors that contribute to the emergence of addictive behavior. The study of manifestations in adolescents who do not take psychoactive substances, such factors as completeness and social well-being of the family, performance, behavioral deviance, relationships with parents, spending free time, role models, attitudes to the use of surfactants (smoking, alcohol and drug use)

Analysis of the results of the study shows that most adolescents experience their life situation as difficult, as evidenced by a fairly high level of anxiety and affective reactions, problems with academic performance and behavior. At the same time, the data obtained suggest that adolescents with an increased level of anxiety and affective behavior are more prone to addictive behavior than adolescents who show a slight level of anxiety and affectivity.

Problems in relations with parents, inability to productively and interestingly use free time, insufficiently effective selection of models to follow, lack of negative attitudes towards substance use become risk factors in adolescence that can contribute to the emergence of various addictions. The results indicate the need to develop and implement a

program of psychological support for adolescents who are in a difficult life situation, aimed at the prevention of addictive behavior.

Key words: addictive behavior; teenage age; affectivity; anxiety; difficult life situation.

For citation: Vorobieva G. S. Kopylova T. Y. Psychological predictors of addictive behavior in teenage age. *Proceedings of the Southwest State University. Series: Linguistics and Pedagogics*, 2019, vol. 9, no. 1(30), pp. 160–167 (in Russ.).

References

1. Bozhovich L. I. Psihologicheskie osobennosti razvitiya lichnosti podrostka. Moscow, Znanie Publ., 1979. 39 p.
2. Dragunova T. V. Podrostok. Moscow, Znanie Publ., 1976. 96 p.
3. Igumnov S. A. Psihoterapiya i psihokorrekcija detej i podrostkov. Moscow, Izdvo Instituta psihoterapii Publ., 2000. 112 s.
4. Kopylova T. Yu. Ponyatie ob upravlenii i samoupravlenii v psihologicheskoj nauke. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta*, 2012, no. 4-3 (43), pp. 223-226.
5. Chernyshev A. S., Sarychev S. V., Elizarov S. G., Chernyshova O. V. Ehksperimental'noe issledovanie social'no-psihologicheskikh uslovij stanovleniya uspeshnyh liderov. *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Lingvistika i pedagogika*, 2014, no. 4, pp. 121-129.
6. Ob osnovnyh garantiyah prav rebenka v Rossijskoj Federacii. Feder. zakon No 124-FZ ot 24.07.1998. URL: <http://minobrnauki.rf/dokumenty/1705/fajl/2368/98.07.24-124.pdf> (accessed 15.12.2018).
7. Mendelevich V. D. Psihologiya deviantnogo povedeniya. Moscow, MEDpress Publ., 2001. 432 p.
8. Kurek N. S. Narushenie psihicheskoj aktivnosti i zloupotreblenie psihoaktivnymi veshchestvami v podrostkovom vozraste: nauch. izdanie. St. Petersburg, Aletejya Publ., 2011. 220 p.
9. Lichko A. E., Bitenskij V. S. Podrostkovaya narkologiya. Leningrad, 1991. 304 p.
10. Enikeeva E. E. Kak predupredit' alkogolizm i narkomaniyu u podrostkov. Moscow, Izdatel'skij centr «Akademiya» Publ., 1999. 144 p.
11. Kopyt N. Ya., Sidorov P. I. Profilaktika alkogolizma. Moscow, Medicina Publ., 1986. 235 p.
12. Leongard K. Akcentuirovannye lichnosti. Kiev, Vishchya shkola Publ., 1989, 374 p.
13. Rukovodstvo po addiktologii; ed. by Mendelevich V. D. St. Petersburg, Rech' Publ., 2007. 768 p.
14. Anohina I. P. Nasledstvennaya predraspolozhennost' k zloupotrebleniyu psihoaktivnymi veshchestvami. *Consilium Medicum*, 2001. vol. 3, no. 3.
15. Segal B. M. Alkogolizm: klinicheskie, social'no-psihologicheskie i biologicheskie problemy. Moscow, Medicina Publ., 1967. 583 p.
16. Lichko A. E. Psihopatii i akcentuacii haraktera u podrostkov. Leningrad, Medicina. Leningradskoe otdelenie Publ., 1983. 255 p.
17. Malkova E. E. Trevozhnost' i razvitie lichnosti. St. Petersburg, 2013. 268 p.
18. Lebedinskaya K. S., Rajskeya M. M., Gribanova G. V. Podrostki s narusheniyami v affektivnoj sfere; kliniko-psihologicheskaya karakteristika «trudnyh» podrostkov. Leningrad, Pedagogika Publ., 1988. 168 p.
19. Valeeva Zh. S. Psihologo-pedagogicheskie osobennosti razvitiya social'no-neadaptirovannoj lichnosti podrostka v usloviyah dosuga. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2007, no. 303, pp. 186–190.
20. Rean A. A. Faktory riska deviantnogo povedeniya v semejnom kontekste. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal*, 2015, no. 4, pp. 105–110.
21. Medvedeva E. V. Faktory riska, vliyayushchie na formirovanie addiktivnogo povedeniya. Nauka-vuz-shkola. Sb. nauch. trudov molodyh issledovatelej. Magnitogorsk, 2004. Vyp. 9. S. 134–136.

К сведению авторов

1. К публикации в журнале «Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика» принимаются актуальные материалы, содержащие новые результаты научных и практических исследований, соответствующие профилю журнала, не опубликованные ранее и не переданные в редакции других журналов.

2. Авторы статей должны представить в редакцию журнала:

– статью, оформленную в соответствии с правилами оформления статей, представляемых для публикации в журнале;

– лицензионный договор;

– сведения об авторах (фамилия, имя отчество, место работы, должность, ученая степень, звание, почтовый адрес, телефон, e-mail).

3. Бумажный вариант статьи подписывается всеми авторами, что означает их согласие на передачу Университету прав на распространение материалов статьи с помощью печатных и электронных носителей информации.

4. Редакция не принимает к рассмотрению рукописи, оформленные не по правилам.

5. **Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (если автор один и им представлена справка с места учебы).**

6. Основной текст рукописи статьи (кроме аннотации и ключевых слов) набирают в текстовом редакторе MS WORD шрифтом «Times New Roman» размером 14 пт с одинарным интервалом, выравнивание по ширине. Поля с левой стороны листа, сверху и снизу – 2,5 см, с правой стороны – 2 см. Абзацный отступ – 1,5 см.

7. Схема построения публикации: УДК (индекс по универсальной десятичной классификации), фамилия и инициалы автора(ов) с указанием ученой степени, звания, места работы (полностью, включая адрес организации), электронного адреса (телефона), название (полужирный), аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (5–10 слов), текст с рисунками и таблицами, литература. Авторы, название, аннотация и ключевые слова приводятся на русском и английском языках. Текст статьи должен быть структурирован по разделам:

- введение (постановка проблемы)
- результаты и обсуждение
- выводы

Например:

УДК 81-114.2

Н. А. Боженкова, д-р филол. наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина (Россия, 117485, Москва, ул. Академика Волгина, 6) (e-mail: natalyach@mail.ru)

Социолингвистический обзор статуса русского языка на постсоветском коммуникативном пространстве

Дезинтеграционные процессы последнего десятилетия XX века, вызванные многоплановыми геополитическими факторами, привели к трансформации информационного поля на русском языке: в каждом из четырнадцати новых постсоветских государств...

Ключевые слова: социолингвистика; коммуникативная лингвистика; постсоветское пространство; статус русского языка; языковая ситуация.

8. При формировании текста не допускается применение стилей, а также внесение изменения в шаблон или создание собственного шаблона. Слова внутри абзаца следует разделять одним пробелом; набирать текст без принудительных переносов; не допускаются разрядки слов.

9. Для набора формул и переменных следует использовать редактор формул MathType версии 5.2 и выше с размерами: обычный – 12 пт; крупный индекс 7 пт, мелкий индекс – 5 пт; крупный символ – 18 пт; мелкий символ – 12 пт.

10. Рисунки и таблицы располагаются по тексту. Таблицы должны иметь тематические заголовки. Иллюстрации, встраиваемые в текст, должны быть выполнены в одном из стандартных форматов (TIFF, JPEG, PNG) с разрешением не ниже 300 dpi и публикуются в черно-белом (градации серого) варианте. Качество рисунков должно обеспечивать возможность их полиграфического воспроизведения без дополнительной обработки. **Рисунки, выполненные в MS Word, недопустимы.**

Рисунки встраиваются в текст через опцию «Вставка-Рисунок-Из файла» с обтеканием «В тексте» с выравниванием по центру страницы без абзацного отступа. Иные технологии вставки и обтекания **не допускаются.**

11. **Список литературы к статье обязателен** и должен содержать все цитируемые и упоминаемые в тексте работы (не менее 10). Список представляется в двух вариантах: традиционный (ГОСТ Р 7.05–2008) и дополнительный с переводом русскоязычных источников на латиницу и английский язык. Применяется транслитерация по системе BSI. Ссылки на работы, находящиеся в печати, не допускаются. При ссылке на литературный источник в тексте приводится порядковый номер работы в квадратных скобках.

12. В материале для публикации следует использовать только общепринятые сокращения.

Все материалы направлять по адресу: 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94. ЮЗГУ, редакционно-издательский отдел.

Тел.(4712) 22-25-26, тел/факс (4712) 50-48-00.

E-mail: rio_kursk@mail.ru

Изменения и дополнения к правилам оформления статей и информацию об опубликованных номерах можно посмотреть на официальном сайте журнала: <http://www.swsu.ru/izvestiya/serieslingva>.